ГОВАРД ФИЛЛИПС

ЛАВКРАФТ

КОШМАР ПО-ЭТА

Кошмар По-эта
Говард Филлипс Лавкрафт

Аннотация
Говард Филлипс Лавкрафт. Кошмар По-эта
Стихотворения. Fungi from Yuggoth / Грибки с Юггота
I. The Book
I. Книга
II. Pursuit
II. Преследование
III. The Key
III. Ключ
IV. Recognition
IV. Осознание
V. Homecoming
V. Возвращение домой
VI. The Lamp
VI. Лампа
VII. Zaman’s Hill
VII. Холм Замана
VIII. The Port
VIII. Порт
IX. The Courtyard
IX. Внутренний двор

X. The Pigeon-Flyers
X. Голубиная почта
XI. The Well
XI. Колодец
XII. The Howler
XII. Ревун
XIII. Hesperia
XIII. Гесперия
XIV. Star-Winds
XIV. Звездные ветры
XV. Antarktos
XV. Антарктос
XVI. The Window
XVI. Окно
XVII. A Memory
XVII. Воспоминание
XVIII. The Gardens of Yin
XVIII. Сады Йина
XIX. The Bells
XIX. Колокола
XX. Night-Gaunts
XX. Ночные мверзи
XXI. Nyarlathotep
XXI. Ньярлатхотеп
XXII. Azathoth
XXII. Азатот

XXIII. Mirage
XXIII. Мираж
XXIV. The Canal
XXIV. Канал
XXV. St. Toad’s
XXV. Сент-Тоуд
XXVI. The Familiars
XXVI. Домашние духи
XXVII. The Elder Pharos
XXVII. Маяк Старшего
XXVIII. Expectancy
XXVIII. Ожидание
XXIX. Nostalgia
XXIX. Ностальгия
XXX. Background
XXX. Истоки
XXXI. The Dweller
XXXI. Житель
XXXII. Alienation
XXXII. Отчуждение
XXXIII. Harbour Whistles
XXXIII. Портовые гудки
XXXIV. Recapture
XXXIV. Поимка
XXXV. Evening Star
XXXV. Вечерняя звезда

XXXVI. Continuity
XXXVI. Непрерывность
Poemata Minora, Volume II / Маленькие стихотворения, Том II
Ode to Selene or Diana
Ода Селене, или Диане
To the Old Pagan Religion
Древней языческой религии
On the Ruin of Rome
На развалинах Рима
To Pan
К Пану
On the Vanity of Human Ambition
На тщетность человеческих стремлений
[To His Mother on Thanksgiving]
[Матери на День благодарения]
The End of the Jackson War
Конец джексоновской войны
The Teuton's Battle-Song
Тевтонская боевая песнь
On Receiving a Picture of Swans
На получение открытки с лебедями
Temperance Song. [Tune: "The Bonnie Blue Flag"]
Песнь трезвости
The Poe-et's Nightmare
A Fable

Небылица
Aletheia Phrikodes
Ужасающая правда
The Unknown
Неведомое
The Nymph’s Reply to the Modern Business Man
Ответ нимфы современному бизнесмену
A Garden
Сад
The Poet of Passion
Поэт страсти
Nemesis
Немезида
Astrophobos
Астрофобия
Sunset
Закат
A Cycle of Verse / Стихотворный цикл
Oceanus
Clouds
Океан
Облака
Mother Earth
Мать-Земля
Despair
Отчаяние

Revelation
Откровение
To Edward John Moreton Drax Plunkett, Eighteenth Baron Dunsany
Эдварду Джону Мортону Драксу Планкетту, восемнадцатому барону Дансени
The City
Город
Bells
Колокола
The House
Дом
The Nightmare Lake
Озеро кошмаров
To Phillis
К Филлис
Nathicana
Натикана
Nyarlathotep
Ньярлатхотеп
To Zara
К Заре
Providence
Провиденс
The Cats
Кошки

A Year Off
Год долой
Festival
Празднество
Hallowe’en in a Suburb
Хэллоуин в предместье
The Wood
Лес
The Ancient Track
Древняя тропа
The Outpost
Застава
The Messenger
Посланник
Little Sam Perkins
Маленький Сэм Перкинс
In a Sequester’d Providence Church-yard Where Once Poe Walk’d
На уединенном кладбище Провиденса, где когда-то бродил По
To Clark Ashton Smith, Esq., upon His Phantastick Tales, Verses, Pictures, and Sculptures
Кларку Эштону Смиту, эсквайру, на его фантастические рассказы, стихи, картины и скульптуры
Дополнение: стихотворения из рассказов

The Alchemist
Polaris
Nameless City
Алхимик
Полярная звезда
Безымянный город
Комментарии и примечания
Грибки с Юггота
I. Книга
II. Преследование
III. Ключ
IV. Осознание
V. Возвращение домой
VI. Лампа
VII. Холм Замана
VIII. Порт
IX. Внутренний двор
X. Голубиная почта
XI. Колодец
XII. Ревун
XIII. Гесперия
XIV. Звездные ветры
XV. Антарктос
XVI. Окно
XVII. Воспоминание
XVIII. Сады Йина

XIX. Колокола
XX. Ночные мверзи
XXI. Ньярлатхотеп
XXII. Азатот
XXIII. Мираж
XXIV. Канал
XXV. Сент-Тоуд
XXVI. Домашние духи
XXVII. Маяк Старшего
XXVIII. Ожидание
XXIX. Ностальгия
XXX. Истоки
XXXI. Житель
XXXII. Отчуждение
XXXIII. Портовые гудки
XXXIV. Поимка
XXXV. Вечерняя звезда
XXXVI. Непрерывность
Маленькие стихотворения, Том II
Ода Селене, или Диане
Древней языческой религии
На развалинах Рима
К Пану
На тщетность человеческих стремлений
[Матери на День благодарения]
Конец джексоновской войны

Тевтонская боевая песнь
На получение открытки с лебедями
Песнь трезвости
Кошмар По-эта
Неведомое
Ответ нимфы современному бизнесмену
Сад
Поэт страсти
Немезида
Астрофобия
Закат
Стихотворный цикл
Облака
Отчаяние
Откровение
Эдварду Джону Мортону Драксу Планкетту, восемнадцатому барону Дансени
Город
Колокола
Дом
Озеро кошмаров
К Филлис
Натикана
Ньярлатхотеп
К Заре
Провиденс

Кошки
Год долой
Празднество
Хэллоуин в предместье
Лес
Древняя тропа
Застава
Посланник
Маленький Сэм Перкинс
На уединенном кладбище Провиденса, где когда-то бродил По
Кларку Эштону Смиту, эсквайру, на его фантастические рассказы, стихи, картины и скульптуры
Дополнение: стихотворения из рассказов

Аннотация

Говард Филлипс Лавкрафт известен прежде всего своими шедеврами малой прозы – «Зов Ктулху», «Дагон», «Данвичский ужас», «Тень над Иннсмутом», «Затаившийся страх» и многие другие. Но лишь немногие поклонники писателя знают о его поэтическом наследии. А между тем, современники самого Лавкрафта – Роберт Говард, Кларк Эштон Смит и другие – высоко ценили именно поэтическое творчество знаменитого «затворника из Провиденса», сравнивая его стихи с поэзией Эдгара Аллана По.

В сборник вошли наиболее значимые стихи Лавкрафта, включая знаменитый цикл «Грибки с Юггота», относящийся к «Мифам Ктулху», а также те, что публиковались ранее только в письмах.

Для удобства читателя стихи приводятся как в переводе, так и на языке оригинала.

Говард Филлипс Лавкрафт
Кошмар По-эта

Special thanks are due to S.T. Joshi for his permission to use comments for H.P. Lovecraft lyrics, published in this edition.

© Д. Попов, перевод на русский язык, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Стихотворения
Fungi from Yuggoth / Грибки с Юггота

I. The Book

The place was dark and dusty and half-lost
In tangles of old alleys near the quays,
Reeking of strange things brought in from the seas,
And with queer curls of fog that west winds tossed.
Small lozenge panes, obscured by smoke and frost,
Just shewed the books, in piles like twisted trees,
Rotting from floor to roof – congeries
Of crumbling elder lore at little cost.

I entered, charmed, and from a cobwebbed heap
Took up the nearest tome and thumbed it through,
Trembling at curious words that seemed to keep
Some secret, monstrous if one only knew.
Then, looking for some seller old in craft,

I could find nothing but a voice that laughed.

I. Книга

Таилась лавка та в местах глухих
Запутанных ветшающих аллей
Близ пирсов в вони тварей из морей,
Стелился где туман в клубах чудных.
За копотью на окнах форм косых
Ряды виднелись шатких штабелей
Из ветхих книг, одна другой гнилей —
Низка была цена за знанья в них.

Туда зашел я, чарами пленен,
Взял некий том и стал его листать,
Дрожа над текстом, был где отражен
Секрет – ужасный, доведись его узнать.
Затем искал я продавца книг тех,
Но было пусто, слышался лишь смех.

II. Pursuit

I held the book beneath my coat, at pains
To hide the thing from sight in such a place;
Hurrying through the ancient harbour lanes
With often-turning head and nervous pace.
Dull, furtive windows in old tottering brick
Peered at me oddly as I hastened by,
And thinking what they sheltered, I grew sick
For a redeeming glimpse of clean blue sky.

No one had seen me take the thing – but still
A blank laugh echoed in my whirling head,
And I could guess what nighted worlds of ill
Lurked in that volume I had coveted.
The way grew strange – the walls alike and madding —
And far behind me, unseen feet were padding.

II. Преследование

Держал я книгу под пальто своим,
Сокрыв от тех, кого мог встретить там,
Бежал по переулкам вековым,
Бросая нервно взгляд по сторонам.
Окошки хмурые в чужих домах
Смотрели странно – думая о том,
Что в них таится, чувствовал я страх
С тоской о небе ясном голубом.

От взоров скрытно вещь взята была,
Но смех бесцветный все в ушах звучал,
И понял я, миры какие зла
Хранились в томе, столь что возжелал.
Терялся путь в безумье стен похожих —
И звук шагов за мной страшил до дрожи.

III. The Key

I do not know what windings in the waste
Of those strange sea-lanes brought me home once more,
But on my porch I trembled, white with haste
To get inside and bolt the heavy door.
I had the book that told the hidden way
Across the void and through the space-hung screens
That hold the undimensioned worlds at bay,
And keep lost aeons to their own demesnes.

At last the key was mine to those vague visions
Of sunset spires and twilight woods that brood
Dim in the gulfs beyond this earth's precisions,
Lurking as memories of infinitude.
The key was mine, but as I sat there mumbling,

The attic window shook with a faint fumbling.

III. Ключ

Не знаю, снова как нашел свой дом,
Блуждая средь аллей и пустырей,
Но вот к крыльцу я бросился бегом,
Стремясь внутри укрыться поскорей.
Поведал том о спрятанном пути,
Ведущем сквозь завесы в пустоте,
Миров безмерных держат что бразды
И эоны хранят в своей среде.

Моим был ключ к загадочным виде-ньям
В закате шпилей, сумрачных лесов,
Что в безднах вопреки всем устрое-ньям
Висят, как бесконечности сонм снов.
Когда ж шептание мое раздалось,
Окно в мансарде дрожью отозвалось.

IV. Recognition

The day had come again, when as a child
I saw – just once – that hollow of old oaks,
Grey with a ground-mist that enfolds and chokes
The slinking shapes which madness has defiled.
It was the same – an herbage rank and wild
Clings round an altar whose carved sign invokes
That Nameless One to whom a thousand smokes
Rose, aeons gone, from unclean towers up-piled.

I saw the body spread on that dank stone,
And knew those things which feasted were not men;
I knew this strange, grey world was not my own,
But Yuggoth, past the starry voids – and then

The body shrieked at me with a dead cry,
And all too late I knew that it was I!

IV. Осознание

Вновь день пришел, когда я увидал,
Как в детстве раз, низину о дубах,
Где формы задыхаются в клубах
Тумана, где безумье правит бал.
Алтарь как прежде в травах утопал,
И Безымянный призван в письменах —
К нему курений дым, идя в веках,
Взвивался с башен, дух что зла объял.

Я тело зрел на камне том сыром
И знал, не у людей что был там пир,
Не мой что был тот свет, уныл во всем,
Но Юггот чуждый, в звездной бездне мир.
Вдруг пленник взвыл, увидевши меня,
И поздно мне открылось: то был я!

V. Homecoming

The daemon said that he would take me home
To the pale, shadowy land I half recalled
As a high place of stair and terrace, walled
With marble balustrades that sky-winds comb,
While miles below a maze of dome on dome
And tower on tower beside a sea lies sprawled.
Once more, he told me, I would stand enthralled
On those old heights, and hear the far-off foam.

All this he promised, and through sunset's gate
He swept me, past the lapping lakes of flame,
And red-gold thrones of gods without a name
Who shriek in fear at some impending fate.

Then a black gulf with sea-sounds in the night:

“Here was your home,” he mocked, “when you had sight!”

V. Возвращение домой

Меня домой взять демон был готов,
В край светлый тот, мои что сны хранят:
Террасы ввысь, чей мрамор балюстрад
Расчесывает кудри облаков,
Внизу же лабиринт из куполов
И башен, подле волны где шумят.
Меня, сказал он, чары вновь пленят
Высот, с них буду слушать моря зов.

И чрез закат понес меня с собой —
Над озером, где плещется огонь,
Над тронами могуществ без имен,
Кричат что в страхе пред своей судьбой.
Затем – шум моря в бездне черноты:
«Был здесь твой дом, – бес хмыкнул, – зрел что ты!»

VI. The Lamp

We found the lamp inside those hollow cliffs
Whose chiseled sign no priest in Thebes could read,
And from whose caverns frightened hieroglyphs
Warned every living creature of earth's breed.

No more was there – just that one brazen bowl
With traces of a curious oil within;
Fretted with some obscurely patterned scroll,
And symbols hinting vaguely of strange sin.

Little the fears of forty centuries meant
To us as we bore off our slender spoil,
And when we scanned it in our darkened tent
We struck a match to test the ancient oil.
It blazed – great God!.. But the vast shapes

we saw
In that mad flash have seared our lives with awe.

VI. Лампа

Попалась лампа нам в пещерах скал,
Жрецы из Фив чей символ не прочли,
Где текст из иероглифов пугал
Всех тварей существующих Земли.
Из меди чаша эта лишь нашлась
С остатком масла странного на дне;
Узором жутким череда вилась
Порочных знаков и письмён по ней.

Не вняв боязням сорока веков,
Мы прихватили скудный наш трофей,
И в ночь, вернувшись под палатки кров,
Поджечь решили масло в озорстве.
Как вспыхнуло!.. Но жуть огонь явил,
Чей вид нам страхом души иссушил.

VII. Zaman's Hill

The great hill hung close over the old town,
A precipice against the main street's end;
Green, tall, and wooded, looking darkly down
Upon the steeple at the highway bend.
Two hundred years the whispers had been heard
About what happened on the man-shunned slope —
Tales of an oddly mangled deer or bird,
Or of lost boys whose kin had ceased to hope.

One day the mail-man found no village there,
Nor were its folk or houses seen again;
People came out from Aylesbury to stare —
Yet they all told the mail-man it was plain
That he was mad for saying he had spied
The great hill's gluttonous eyes, and jaws stretched wide.

VII. Холм Замана

Над градом холм огромный нависал
Обрывом против улицы конца;
Высокий и зеленый, он взирал
На колокольню с видом гордеца.
Два века уж шептались о делах
На склоне, ужас брал ходить куда —
Об изувеченных зверей телах,
О мальчиках, пропавших без следа.

Раз почтальон села там не нашел,
Исчезли напрочь жители, дома;
Из Эйлсбери проверить люд пошел:
Видать, лишился тот почтарь ума,
Коль видел он, раскрыл как холм свой зев,
Глазами жадными при том смотрев.

VIII. The Port

Ten miles from Arkham I had struck the trail
That rides the cliff-edge over Boynton Beach,
And hoped that just at sunset I could reach
The crest that looks on Innsmouth in the vale.

Far out at sea was a retreating sail,
White as hard years of ancient winds could bleach,
But evil with some portent beyond speech,
So that I did not wave my hand or hail.

Sails out of Innsmouth! echoing old renown
Of long-dead times. But now a too-swift night
Is closing in, and I have reached the height
Whence I so often scan the distant town.

The spires and roofs are there – but look! The gloom
Sinks on dark lanes, as lightless as the

tomb!

VIII. Порт

От Аркхэма я десять миль шагал
Над Бойнтон-Бич вдоль пропастей краев,
И думал быть к закату у холмов,
Внизу в долине Иннсмут где лежал.
Там парус в даль морскую уплывал,
Лишенный цвета натиском ветров,
Зловещ предвестьем, коему нет слов —
Рукой ему я вслед не помахал.

За Иннсмут курс! – звучат лишь эхом дни
Великих дел. Но близок час ночной,
Маячит уж вершина предо мной,
Откуда города черты видны.
Вот шпили, крыши – но взгляни! Все мрак
Покрыл – могилы лишь чернеют так!

IX. The Courtyard

It was the city I had known before;
The ancient, leprous town where mongrel throngs
Chant to strange gods, and beat unhallowed gongs
In crypts beneath foul alleys near the shore.
The rotting, fish-eyed houses leered at me
From where they leaned, drunk and half-animate,
As edging through the filth I passed the gate
To the black courtyard where the man would be.

The dark walls closed me in, and loud I cursed
That ever I had come to such a den,
When suddenly a score of windows burst
Into wild light, and swarmed with dancing men:
Mad, soundless revels of the dragging dead

—

And not a corpse had either hands or head!

IX. Внутренний двор

Тот старый град мне прежде был знаком;
Стан лепры, где чужим богам хвальбы
Под гонг звучат от метисов толпы
Из склепов тайных на брегу морском.
Взгляд окон блеклых полон был вражды
В домах, где жили пьянь да нищета,
Пока я шел по грязи чрез врата
Во двор, чтоб человека там найти.

Нависли стены хмурые вокруг,
И проклял я, пришел что в сей притон,
Когда зажглись десятки окон вдруг,
Явив безумно пляшущих персон:
Безмолвная пирушка мертвецов —
И были все без рук и без голов!

X. The Pigeon-Flyers

They took me slumming, where gaunt walls of brick
Bulge outward with a viscous stored-up evil,
And twisted faces, thronging foul and thick,
Wink messages to alien god and devil.
A million fires were blazing in the streets,
And from flat roofs a furtive few would fly
Bedraggled birds into the yawning sky
While hidden drums droned on with measured beats.

I knew those fires were brewing monstrous things,
And that those birds of space had been Outside —
I guessed to what dark planet's crypts they plied,
And what they brought from Thog beneath their wings.
The others laughed – till struck too mute

to speak

By what they glimpsed in one bird's evil beak.

X. Голубиная почта

Меня в трущобы взяли, стены где
Вздувает затаенный вязкий срам,
И лица в скверне и нечистоте
Подмигивают чуждым божествам.
Сверкали тысячи костров вокруг,
А с плоских крыш в зияющую высь
Пускали птиц, замызганных как крыс,
Под барабанов скрытых мерный стук.

Я знал, что жуть варилась на кострах,
Что были птицы космоса Вовне —
Гадал о целях их межзвездного турне,
О том, несли что с Тога на крылах.
Смеялись все – но замерли столбом,
Увидев нечто в птичьем клюве злом.

XI. The Well

Farmer Seth Atwood was past eighty when
He tried to sink that deep well by his door,
With only Eb to help him bore and bore.
We laughed, and hoped he'd soon be sane again.
And yet, instead, young Eb went crazy, too,
So that they shipped him to the county farm.
Seth bricked the well-mouth up as tight as glue —
Then hacked an artery in his gnarled left arm.

After the funeral we felt bound to get
Out to that well and rip the bricks away,
But all we saw were iron hand-holds set
Down a black hole deeper than we could say.
And yet we put the bricks back – for we found
The hole too deep for any line to sound.

XI. Колодец

Сет Этвуд прожил восемьдесят лет,
Когда решил колодец углубить,
И помогал ему лишь Эб бурить,
А мы смеялись – вот рехнулся дед!
Тут юный Эб вдруг тронулся умом —
Беднягу посадили под замок.
Колодец Сет заделал кирпичом
И на руке артерию рассек.

Мы с похорон пошли на Сета двор,
С того колодца кирпичи чтоб снять,
В нем оказался ряд ручных опор,
Как глубоко спускались – не видать.
Но кладка вновь была возвращена:
Ничем мы не смогли достать до дна.

XII. The Howler

They told me not to take the Briggs' Hill path
That used to be the highroad through to Zoar,
For Goody Watkins, hanged in seventeen-four,
Had left a certain monstrous aftermath.
Yet when I disobeyed, and had in view
The vine-hung cottage by the great rock slope,
I could not think of elms or hempen rope,
But wondered why the house still seemed so new.

Stopping a while to watch the fading day,
I heard faint howls, as from a room upstairs,
When through the ivied panes one sunset ray
Struck in, and caught the howler unawares.
I glimpsed – and ran in frenzy from the

place,

And from a four-pawed thing with human face.

XII. Ревун

Чрез Бриггс-Хилл в Зор совет был не идти:
«Святой» Уоткинс, хоть давно уж мертвый —
Повешен в тысяча семьсот четвертый —
Оставил страшное на том пути.
Но я пошел, когда же дома кров
В плюще возник из-под скалы крутой,
Не вспомнил даже о веревке той,
А поразился: дом стоял как нов.

Взирая на заката красоту,
Я слабый рев услышал из окна;
Вдруг луч пронзил покоев темноту
И высветил обличье ревуна.
Помчался как безумный я бегом
От твари с лапами, людским лицом.

XIII. Hesperia

The winter sunset, flaming beyond spires
And chimneys half-detached from this dull sphere,
Opens great gates to some forgotten year
Of elder splendours and divine desires.
Expectant wonders burn in those rich fires,
Adventure-fraught, and not untinged with fear;
A row of sphinxes where the way leads clear
Toward walls and turrets quivering to far lyres.

It is the land where beauty's meaning flowers;
Where every unplaced memory has a source;
Where the great river Time begins its course
Down the vast void in starlit streams of hours.

Dreams bring us close – but ancient lore repeats

That human tread has never soiled these streets.

XIII. Гесперия

Зимой в унылых небесах закат
Над градом, чьи черты едва видны,
Уводит в позабытые уж дни
Величия и неземных отрад.
В огнях тех ярких чудеса горят,
Дерзки, но ужасом омрачены;
Ряд сфинксов, где дорога до стены
И башен, что от дальних лир дрожат.

То край, где значит красота цветенье,
Воспоминаний где все очаги,
Где происходит Времени-реки
Часов потоком в пустоту паденье.
Туда нас сны ведут – но никогда
Людьми не осквернялись те места.

XIV. Star-Winds

It is a certain hour of twilight glooms,
Mostly in autumn, when the star-wind pours
Down hilltop streets, deserted out-of-doors,
But shewing early lamplight from snug rooms.
The dead leaves rush in strange, fantastic twists,
And chimney-smoke whirls round with alien grace,
Heeding geometries of outer space,
While Fomalhaut peers in through southward mists.

This is the hour when moonstruck poets know
What fungi sprout in Yuggoth, and what scents
And tints of flowers fill Nithon's continents,
Such as in no poor earthly garden blow.
Yet for each dream these winds to us

convey,
A dozen more of ours they sweep away!

XIV. Звездные ветры

Есть некий час осенней темноты,
Когда нисходит звездный ветер вдруг
На улицы, умолк шагов где звук,
Но льют из окон свет домов ряды.
Рой мертвых листьев сказочно кружит,
И с чуждой грацией клубится дым,
Законам подчиняясь неземным,
А сквозь туманы Фомальгаут зрит.

Поэт безумный узнаёт в сей час,
Растут на Югготе что за грибки,
Как пахнут Найтона земель цветки,
Что в скудных не сыскать садах у нас.
Но ветры те за принесенный сон
Десяток наших грез берут в полон!

XV. Antarktos

Deep in my dream the great bird whispered queerly
Of the black cone amid the polar waste;
Pushing above the ice-sheet lone and drearly,
By storm-crazed aeons battered and defaced.
Hither no living earth-shapes take their courses,
And only pale auroras and faint suns
Glow on that pitted rock, whose primal sources
Are guessed at dimly by the Elder Ones.

If men should glimpse it, they would merely wonder
What tricky mound of Nature's build they spied;
But the bird told of vaster parts, that under
The mile-deep ice-shroud crouch and brood and bide.

God help the dreamer whose mad visions shew

Those dead eyes set in crystal gulfs below!

XV. Антарктос

Шептала птица мне из сна пучины
О пике черном, что навис с тоской
Над льдом полярной мертвенной пустыни,
Истертый вечность длящейся пургой.
Отсюда жизнь гонима словно мором,
Лишь солнца да сияний южных свет
Подсвечивает в шрамах пик, в котором
Творенья Старших виден смутный след.

Узрят коль люди, скажут в удивленье:
Чудной Природа создала курган,
Но клюв вещал: в ледовом погребенье
Покоится и ждет громадный стан.
Не дай вам бог узреть во сне хоть раз
В хрустальной бездне вид тех мертвых глаз!

XVI. The Window

The house was old, with tangled wings outthrown,
Of which no one could ever half keep track,
And in a small room somewhat near the back
Was an odd window sealed with ancient stone.
There, in a dream-plagued childhood, quite alone
I used to go, where night reigned vague and black;
Parting the cobwebs with a curious lack
Of fear, and with a wonder each time grown.

One later day I brought the masons there
To find what view my dim forbears had shunned,
But as they pierced the stone, a rush of air
Burst from the alien voids that yawned beyond.

They fled – but I peered through and found unrolled

All the wild worlds of which my dreams had told.

XVI. Окно

В пристроек путанице дом стоял,
Где заплутать любой мог средь ходов,
И было в комнатке вблизи задов
Окно, что камень древний закрывал.
Я в детстве, в коем столько снов видал,
Ходил туда, под ночи черной кров,
Срывая смело сети пауков,
И удивляться не переставал.

Привел рабочих я во тьмы чертог
Узнать, страшило предков что в окне;
Пробили камень – воздуха поток
Вдруг хлынул из иных пустот вовне.
И стали мне оттоль миры видны,
Давно о коих рассказали сны.

XVII. A Memory

There were great steppes, and rocky table-lands
Stretching half-limitless in starlit night,
With alien campfires shedding feeble light
On beasts with tinkling bells, in shaggy bands.
Far to the south the plain sloped low and wide
To a dark zigzag line of wall that lay
Like a huge python of some primal day
Which endless time had chilled and petrified.

I shivered oddly in the cold, thin air,
And wondered where I was and how I came,
When a cloaked form against a campfire's glare
Rose and approached, and called me by my name.
Staring at that dead face beneath the hood,

I ceased to hope – because I understood.

XVII. Воспоминание

Объял высокий звездный небосклон
Степей и взгорий беспредельный край,
В кочевьях освещал огонь костра
Мохнатый скот под бубенцов трезвон.
Спускался вдаль на юг широкий дол
До темной и извилистой стены,
Питону первобытному сродни,
За вечность форму камня что обрел.

На холоде пробрала дрожь меня:
Но где я? Как же я сюда попал?
Поднялся некто в зареве огня
И громко имя вдруг мое назвал.
Вглядевшись в трупа жуткий силуэт,
Лишился я надежд, узнав ответ.

XVIII. The Gardens of Yin

Beyond that wall, whose ancient masonry
Reached almost to the sky in moss-thick towers,
There would be terraced gardens, rich with flowers,
And flutter of bird and butterfly and bee.
There would be walks, and bridges arching over
Warm lotos-pools reflecting temple eaves,
And cherry-trees with delicate boughs and leaves
Against a pink sky where the herons hover.

All would be there, for had not old dreams flung
Open the gate to that stone-lanterned maze
Where drowsy streams spin out their winding ways,
Trailed by green vines from bending branches hung?
I hurried – but when the wall rose, grim and

great,
I found there was no longer any gate.

XVIII. Сады Йина

За той стеной, что небеса почти
Достала древней кладкой башен мшистых,
Полны порханья да цветов душистых,
Раскинулись висячие сады.
Дорожки и мосты там над каналом,
Где отражается чудесный храм,
И льнут на вишнях лепестки к ветвям,
И цапли реют в поднебесье алом.

Я б всё увидел – ведь распахнули сны
Врата в тот парк светильников-камней,
Ручьи где вьются тихо средь теней
От лоз, что густо переплетены!
Когда ж предстал пред мной стены оплот —
Увы! – в ней больше не было ворот.

XIX. The Bells

Year after year I heard that faint, far ringing
Of deep-toned bells on the black midnight wind;
Peals from no steeple I could ever find,
But strange, as if across some great void winging.
I searched my dreams and memories for a clue,
And thought of all the chimes my visions carried;
Of quiet Innsmouth, where the white gulls tarried
Around an ancient spire that once I knew.

Always perplexed I heard those far notes falling,
Till one March night the bleak rain splashing cold
Beckoned me back through gateways of recalling

To elder towers where the mad clappers tolled.

They tolled – but from the sunless tides that pour

Through sunken valleys on the sea's dead floor.

XIX. Колокола

Годами слышал гулкий звон далекий
Я в ветре полуночной черноты,
Не с колокольни, что встречал в пути,
Но чуждый, как из бездны преглубокой.
Ответ я в снах и в памяти искал,
Представил звоны каждого виденья
И Иннсмут, чайки в белом оперенье
Где вились подле шпиля, кой я знал.

Так и дивился я б далеким нотам,
Но хладный дождь раз в мартовскую ночь
Меня направил к памяти воротам
И к башням, что звонили во всю мочь —
Но от течений, мчавших в глубине
Чрез затонувший дол на мертвом дне.

XX. Night-Gaunts

Out of what crypt they crawl, I cannot tell,
But every night I see the rubbery things,
Black,
horned, and slender, with membraneous wings,
And tails that bear the bifid barb of hell.
They come in legions on the north wind's swell,
With obscene clutch that titillates and stings,
Snatching me off on monstrous voyagings
To grey worlds hidden deep in nightmare's well.

Over the jagged peaks of Thok they sweep,
Heedless of all the cries I try to make,
And down the nether pits to that foul lake
Where the puffed shoggoths splash in doubtful sleep.
But oh! If only they would make some sound,

Or wear a face where faces should be found!

XX. Ночные мверзи

Обитель их под гробовой плитой —
Ночами вижу тварей о рогах,
Худых, крылатых, черных, о хвостах
С двойной колючкой, злобой налитой.
Они с бореем предстают ордой
И, грубо сжав меня в своих когтях,
Несут к мирам в безрадостных цветах,
В колодце страха скрытым чернотой.

Над гребнем Тока мчатся в вышине,
К моим мольбам глухи, и в самый ад,
До озера, что источает смрад,
Где брызжут шогготы в притворном сне.
О, если б издавали звук они,
И лик несли, где лица быть должны!

XXI. Nyarlathotep

And at the last from inner Egypt came
The strange dark One to whom the fellahs bowed;
Silent and lean and cryptically proud,
And wrapped in fabrics red as sunset flame.
Throngs pressed around, frantic for his commands,
But leaving, could not tell what they had heard;
While through the nations spread the awestruck word
That wild beasts followed him and licked his hands.

Soon from the sea a noxious birth began;
Forgotten lands with weedy spires of gold;
The ground was cleft, and mad auroras rolled
Down on the quaking citadels of man.
Then, crushing what he chanced to mould in play,

The idiot Chaos blew Earth's dust away.

XXI. Ньярлатхотеп

И вот явился из Египта он —
Царь Темный, кланялся кому феллах;
Надменен, худощав и скуп в речах,
В шелка заката цвета облачен.
Что б ни сказал он – верил люд всему,
Но повторить не мог его слова,
А по народам разнеслась молва,
Что лижут руки хищники ему.

Отрава вышла из морских глубин —
Держав забытых шпилей силуэт;
Мир треснул, и безумных вспышек свет
Растекся средь расколотых домин.
Затем, своих забав стирая плод,
Развеял Землю Хаос-идиот.

XXII. Azathoth

Out in the mindless void the daemon bore me,
Past the bright clusters of dimensioned space,
Till neither time nor matter stretched before me,
But only Chaos, without form or place.
Here the vast Lord of All in darkness muttered
Things he had dreamed but could not understand,
While near him shapeless bat-things flopped and fluttered
In idiot vortices that ray-streams fanned.

They danced insanely to the high, thin whining
Of a cracked flute clutched in a monstrous paw,
Whence flow the aimless waves whose chance combining

Gives each frail cosmos its eternal law.
“I am His Messenger,” the daemon said,
As in contempt he struck his Master’s head.

XXII. Азатот

Меня доставил бес в пустые дали
За все известные скопленья звезд,
Где время и материя пропали,
Был Хаос лишь, сумбурный зла форпост.
Шептал там в мраке Властелин громадный
О снах своих, осмыслить что не мог,
Вкруг вились твари внешности нескладной
В воронках, что раздул лучей поток.

Они плясали дико под скуленье
Безумной флейты в мерзостных когтях,
Чьих волн бесцельных глупое смешенье
Закон привносит во вселенных прах.
«Посланник я Его», – мне бес сказал
И тумака Владыке грубо дал.

XXIII. Mirage

I do not know if ever it existed —
That lost world floating dimly on Time's stream —
And yet I see it often, violet-misted,
And shimmering at the back of some vague dream.
There were strange towers and curious lapping rivers,
Labyrinths of wonder, and low vaults of light,
And bough-crossed skies of flame, like that which quivers
Wistfully just before a winter's night.

Great moors led off to sedgy shores unpeopled,
Where vast birds wheeled, while on a windswept hill
There was a village, ancient and white-steepled,
With evening chimes for which I listen still.

I do not know what land it is – or dare
Ask when or why I was, or will be, there.

XXIII. Мираж

А был ли он, я спрашиваю снова —
Забытый мир, чрез Время что плывет —
Но часто зрю его во мге лиловой,
Сна смутного мерцающий налет.
Там были башни, с плеском странным реки,
Диковин лабиринт, простор небес
И та заря, что будит в человеке
По вечерам желание чудес.

Безлюдный брег, осокой обрамлен,
Где вились птицы, а над ним
Деревня с колокольнею, чей звон
Вечерний памятью моей храним.
Не знаю, что за край – спросить боюсь,
Когда там был, иль только окажусь.

XXIV. The Canal

Somewhere in dream there is an evil place
Where tall, deserted buildings crowd along
A deep, black, narrow channel, reeking strong
Of frightful things whence oily currents race.
Lanes with old walls half meeting overhead
Wind off to streets one may or may not know,
And feeble moonlight sheds a spectral glow
Over long rows of windows, dark and dead.

There are no footfalls, and the one soft sound
Is of the oily water as it glides
Under stone bridges, and along the sides
Of its deep flume, to some vague ocean bound.
None lives to tell when that stream washed away
Its dream-lost region from the world of

clay.

XXIV. Канал

Есть место жуткое в неясном сне,
Там окружают без жильцов дома
Канал дурной, смердящий как чума
От мерзости какой-то в глубине.
Там переулки, сузившись в верхах,
До улиц вьются, что на картах нет,
Луна роняет призрачный свой свет
На окна мертвые в косых рядах.

Шагов не слышно там, звучит лишь плеск
Скользящих черных маслянистых вод —
Теченье под мостами их несет
До океана, зрим вдали чей блеск.
Неведомо, когда унес поток
Из яви сей заблудший в снах мирок.

XXV. St. Toad's

"Beware St. Toad's cracked chimes!" I heard him scream

As I plunged into those mad lanes that wind

In labyrinths obscure and undefined

South of the river where old centuries dream.

He was a furtive figure, bent and ragged,

And in a flash had staggered out of sight,

So still I burrowed onward in the night

Toward where more roof-lines rose, malign and jagged.

No guide-book told of what was lurking here —

But now I heard another old man shriek:

"Beware St. Toad's cracked chimes!" And growing weak,

I paused, when a third greybeard croaked in fear:

"Beware St. Toad's cracked chimes!" Aghast,

I fled —

Till suddenly that black spire loomed ahead.

XXV. Сент-Тоуд

«Эй, берегись, Сент-Тоуд там звонит!» —
Он крикнул, лишь нырнул я второпях
В безумных улиц лабиринт впотьмах
Реки южней, где древность в грезах спит.
То был старик согбенный, в рвань одетый,
В мгновенье скрылся он из виду прочь,
И я продолжил погружаться в ночь
Туда, где крыши зубьями воздеты.

В чем ужас здесь, не сказано нигде —
Но снова я услышал жуткий зов:
«Беги от треснувших колоколов!»
И третий старец каркнул о беде:
«Сент-тоудского звона берегись!»
Я побежал – и шпиль злой взнесся ввысь.

XXVI. The Familiars

John Whateley lived about a mile from town,
Up where the hills begin to huddle thick;
We never thought his wits were very quick,
Seeing the way he let his farm run down.
He used to waste his time on some queer books
He'd found around the attic of his place,
Till funny lines got creased into his face,
And folks all said they didn't like his looks.

When he began those night-howls we declared
He'd better be locked up away from harm,
So three men from the Aylesbury town farm
Went for him – but came back alone and scared.
They'd found him talking to two crouching things
That at their step flew off on great black wings.

XXVI. Домашние духи

От града в миле Джон Уэйтли жил,
Где начинают кучиться холмы;
Его сметливым не считали мы,
Поскольку в прах он ферму разорил.
Бывало, сутками так и сидит
За найденной в мансарде стопкой книг —
В итоге сморщился забавно лик,
И всех людей пугать его стал вид.

Когда ж он начал выть, решил наш сход
Его упечь в психушку, потому
Явились трое эйлсберских к нему,
Вот только дали деру от ворот:
Беседовал он с тварями двумя,
Умчали кои крыльями шумя.

XXVII. The Elder Pharos

From Leng, where rocky peaks climb bleak and bare
Under cold stars obscure to human sight,
There shoots at dusk a single beam of light
Whose far blue rays make shepherds whine in prayer.
They say (though none has been there) that it comes
Out of a pharos in a tower of stone,
Where the last Elder One lives on alone,
Talking to Chaos with the beat of drums.

The Thing, they whisper, wears a silken mask
Of yellow, whose queer folds appear to hide
A face not of this earth, though none dares ask
Just what those features are, which bulge inside.
Many, in man's first youth, sought out that glow,

But what they found, no one will ever know.

XXVII. Маяк Старшего

От Ленга, где вершины взметены
До хладных звезд, невидных никому,
Несется света луч сквозь полутьму,
Чей блеск мольбой встречают чабаны.
По их рассказам (не были хоть там),
Из маяка на башне он идет,
Последний Старший где один живет,
Стуча посланья Хаосу в тамтам.

Из жёлта шелка маска Существа,
И складки странные на ней таят
Лик неземной, но спросит кто едва,
Что у него за выдавленный склад.
Искали многие маячный свет,
Но что нашли – не даст никто ответ.

XXVIII. Expectancy

I cannot tell why some things hold for me
A sense of unplumbed marvels to befall,
Or of a rift in the horizon's wall
Opening to worlds where only gods can be.
There is a breathless, vague expectancy,
As of vast ancient pomps I half recall,
Or wild adventures, uncorporeal,
Ecstasy-fraught, and as a day-dream free.

It is in sunsets and strange city spires,
Old villages and woods and misty downs,
South winds, the sea, low hills, and lighted towns,
Old gardens, half-heard songs, and the moon's fires.
But though its lure alone makes life worth living,
None gains or guesses what it hints at giving.

XXVIII. Ожидание

Способны вещи некие внушить
Мне чувство, будто грянут чудеса,
Иль что разверзнутся вдруг небеса,
Открыв миры, где боги могут быть.
Есть ожиданье, враз не объяснить —
Как пышности, в былом что ныне вся,
Иль приключений, в коих грез краса,
А дух в восторге мчится во всю прыть.

Оно в закатах, в шпилях городов,
В селеньях старых, в рощах и холмах,
Во мглистых дюнах, в городских огнях,
В негромких песнях, в магии садов.
И хоть за лишь один соблазн жить стоит,
Не алчут знать, намек его что кроет.

XXIX. Nostalgia

Once every year, in autumn's wistful glow,
The birds fly out over an ocean waste,
Calling and chattering in a joyous haste
To reach some land their inner memories know.
Great terraced gardens where bright blossoms blow,
And lines of mangoes luscious to the taste,
And
temple-groves with branches interlaced
Over cool paths – all these their vague dreams shew.

They search the sea for marks of their old shore —
For the tall city, white and turreted —
But only empty waters stretch ahead,
So that at last they turn away once more.
Yet sunken deep where alien polyps throng,
The old towers miss their lost, remembered song.

XXIX. Ностальгия

Раз в год, в печальных осени огнях,
За океаны стаи птиц летят,
В счастливой спешке щебеча вразлад,
Чтоб оказаться в памятных краях.
Висячие сады в чудных цветах,
И манго сладкие, за рядом ряд,
И в рощах храмов ветви шелестят
Над тропками – все это видят в снах.

В полете ищут линии брегов
Да в шпилях града белого черты —
Но лишь пустые воды впереди,
Так что меняют курс они свой вновь.
А средь полипов в глубине морской
Ждут песнь их башни древние с тоской.

XXX. Background

I never can be tied to raw, new things,
For I first saw the light in an old town,
Where from my window huddled roofs sloped down
To a quaint harbour rich with visionings.
Streets with carved doorways where the sunset beams
Flooded old fanlights and small window-panes,
And Georgian steeples topped with gilded vanes —
These were the sights that shaped my childhood dreams.

Such treasures, left from times of cautious leaven,
Cannot but loose the hold of flimsier wraiths
That flit with shifting ways and muddled faiths
Across the changeless walls of earth and

heaven.

They cut the moment's thongs and leave me free

To stand alone before eternity.

XXX. Истоки

Не надо нового мне барахла —
Ведь свет сперва явил мне старый град,
От моего окна где крыш каскад
Спускался в гавань – видам нет числа.
И улицы, заката где лучи
Оконца красили дверей резных,
И шпили с блеском флюгеров златых —
Все это в детстве снилось мне в ночи.

Сей клад из сдержанной закваски лет
Тех призраков докучных гонит вон,
Снуют что с чепухой со всех сторон
Меж неба и земли бессменных сред.
Они мгновенья путы рвут на мне —
И вот я с вечностью наедине.

XXXI. The Dweller

It had been old when Babylon was new;
None knows how long it slept beneath that mound,
Where in the end our questing shovels found
Its granite blocks and brought it back to view.
There were vast pavements and foundation-walls,
And crumbling slabs and statues, carved to shew
Fantastic beings of some long ago
Past anything the world of man recalls.

And then we saw those stone steps leading down
Through a choked gate of graven dolomite
To some black haven of eternal night
Where elder signs and primal secrets frown.
We cleared a path – but raced in mad

retreat

When from below we heard those clumping feet.

XXXI. Житель

Он стар был, Вавилон когда был нов;
То тайна, сколько спал он под холмом,
Его гранит где мы с большим трудом
Отрыли и явили миру вновь.
Там были основанья крепостей
И статуи, в которых отражен
Вид фантастических существ времен,
Что не остались в памяти людей.

А после мы нашли ступеней ряд,
Вниз ведших чрез фигурные врата
В покои, в коих ночь царит всегда,
И Знаки Старших холодно глядят.
Мы внутрь вошли, и ужас нас объял:
Там в недрах кто-то тяжело ступал.

XXXII. Alienation

His solid flesh had never been away,
For each dawn found him in his usual place,
But every night his spirit loved to race
Through gulfs and worlds remote from common day.
He had seen Yaddith, yet retained his mind,
And come back safely from the Ghooric zone,
When one still night across curved space was thrown
That beckoning piping from the voids behind.

He waked that morning as an older man,
And nothing since has looked the same to him.
Objects around float nebulous and dim —
False, phantom trifles of some vaster plan.
His folk and friends are now an alien throng

To which he struggles vainly to belong.

XXXII. Отчуждение

Не уходил он плотью никогда,
Рассвет его в постели заставал,
Но еженощно дух его летал
К мирам, где нет земного ни следа.
Он Йаддит зрел, не тронувшись умом,
И в Гурской области не встретил смерть,
Вдруг флейты зов вселенной круговерть
Пронзил из бездн в безмолвии ночном.

Он будто постарел с тех самых пор,
И видится ему весь мир иным.
Вокруг предметы плавают, что дым —
Лишь плана большего фантомный вздор.
Семья, друзья ему теперь чужды,
Не может быть он частью их среды.

XXXIII. Harbour Whistles

Over old roofs and past decaying spires
The harbour whistles chant all through the night;
Throats from strange ports, and beaches far and white,
And fabulous oceans, ranged in motley choirs.

Each to the other alien and unknown,
Yet all, by some obscurely focussed force
From brooding gulfs beyond the Zodiac's course,
Fused into one mysterious cosmic drone.

Through shadowy dreams they send a marching line
Of still more shadowy shapes and hints and views;
Echoes from outer voids, and subtle clues
To things which they themselves cannot define.
And always in that chorus, faintly blent,

We catch some notes no earth-ship ever sent.

XXXIII. Портовые гудки

Над крышами, одна другой старей,
Всю ночь звучит из порта песнь гудков;
В том хоре голоса седых брегов,
Чужих причалов, сказочных морей.
Хоть каждый с остальными незнаком,
Но под влияньем наведенных сил
Из хмурых бездн, что Зодиак сокрыл,
Слились все в гуле космоса одном.

Туманом снов они пускают строй
Неясных форм, намеков и картин,
Отзвучий пустоты вовне, причин
Вещей, самим что не постичь порой.
И в этом хоре слышим мы всегда
Те звуки, что не шлют с Земли суда.

XXXIV. Recapture

The way led down a dark, half-wooded heath
Where moss-grey boulders humped above the mould,
And curious drops, disquieting and cold,
Sprayed up from unseen streams in gulfs beneath.
There was no wind, nor any trace of sound
In puzzling shrub, or alien-featured tree,
Nor any view before – till suddenly,
Straight in my path, I saw a monstrous mound.

Half to the sky those steep sides loomed upspread,
Rank-grassed, and cluttered by a crumbling flight
Of lava stairs that scaled the fear-topped height
In steps too vast for any human tread.
I shrieked – and knew what primal star and

year

Had sucked me back from man's dream-transient sphere!

XXXIV. Поимка

По мрачной пустоши тропа вела,
Где в сером мху лежали валуны,
И брызги, столь тревожны, холодны,
Из вод взметались, бездна что гнала.
Стих ветер, не доносился больше звук
От древа чуждой формы и кустов,
И тут, пейзаж пустынный расколов,
Пред мной поднялся холм огромный вдруг.

Взнеслись те склоны круто к небесам,
По ним ступень обломки средь травы
Взбирались до пугающей главы,
Размером не под стать людским шагам.
Узнал я в страхе год и свет звезды,
Меня вернувшие с земной тщеты!

XXXV. Evening Star

I saw it from that hidden, silent place
Where the old wood half shuts the meadow in.
It shone through all the sunset's glories – thin
At first, but with a slowly brightening face.
Night came, and that lone beacon, amber-hued,
Beat on my sight as never it did of old;
The
evening star – but grown a thousandfold
More haunting in this hush and solitude.

It traced strange pictures on the quivering air —
Half-memories that had always filled my eyes —
Vast towers and gardens; curious seas and skies
Of some dim life – I never could tell where.
But now I knew that through the cosmic

dome

Those rays were calling from my far, lost home.

XXXV. Вечерняя звезда

Я в тайном месте на нее взирал,
Где луг укрылся в вековом лесу.
Она сверкала сквозь зари красу,
Когда всю силу блеск ее набрал.
В ночи маяк сей цвета янтаря
Как никогда в былом меня потряс;
Всех звезд светил он ярче в сотню раз,
В тиши сильнее за душу беря.

Являлись в воздухе картины те,
Стояли что всегда в моих глазах —
Сады и башни, дива в небесах
Неясной жизни – я не ведал, где.
Но вдруг я понял: через звездный свод
В лучах тех дом забытый весть мне шлет.

XXXVI. Continuity

There is in certain ancient things a trace
Of some dim essence – more than form or weight;
A tenuous aether, indeterminate,
Yet linked with all the laws of time and space.
A faint, veiled sign of continuities
That outward eyes can never quite descry;
Of locked dimensions harbouring years gone by,
And out of reach except for hidden keys.

It moves me most when slanting sunbeams glow
On old farm buildings set against a hill,
And paint with life the shapes which linger still
From centuries less a dream than this we know.
In that strange light I feel I am not far
From the fixt mass whose sides the ages

are.

XXXVI. Непрерывность

В вещах старинных след порой явлен
Неясной сути – более, чем вес;
Эфир тончайший, словно из небес,
Но с временем, пространством связан он.
Знак непрерывности столь тускл, размыт,
Что весь не обнаружить никогда;
В нем заперты минувшие года,
Ключом лишь тайным может быть открыт.

Он трогает меня, когда закат
Пылает в старых фермах под холмом
И образы живит, что меньшим сном,
Чем видно нам, эпох ярмо влачат.
Я верю в странном свете том: близка
Ко мне твердыня, грани чьи века.

Poemata Minora, Volume II / Маленькие стихотворения, Том II

To The Gods, Heroes, & Ideals Of The ANCIENTS
This Volume is Affectionately DEDICATED
By A GREAT ADMIRER.
I submit to the publik these idle lines, hoping they will please. They form a sort of series, with my Odyssey, Iliad, Aeneid, and the like.
Данный том с любовью ПОСВЯЩАЕТСЯ ЯРЫМ ПОКЛОННИКОМ Богам, Героям и Идеалам ДРЕВНИХ
Представляю публике сии праздные строки с надеждой, что они ей понравятся. Вместе с моими «Одиссеей», «Илиадой», «Энеидой» и прочими они образуют что-то вроде цикла.

Ode to Selene or Diana

Immortal Moon, in maiden splendour shine.
Dispense thy beams, divine Latona's child.
Thy silver rays all grosser things define,
And hide harsh truth in sweet illusion mild.

In thy soft light, the city of unrest
That stands so squalid in thy brother's glare
Throws off its habit, and in silence blest
Becomes a vision, sparkling bright and fair.

The modern world, with all its care & pain,
The smoky streets, the hideous clanging mills,
Face 'neath thy beams, Selene, and again
We dream as shepherds on Chaldœa's hills.

Take heed, Diana, of my humble plea.
Convey me where my happiness may last —
Draw me against the tide of time's rough sea,

And let my spirit rest amid the past.

Ода Селене, или Диане

Луна, сияй же в девственном величье.
Лучись, дитя Латоны неземной.
В свету твоем вещей крупней обличье,
Суровость правды скрыта мягкой мгой.

Когда сверкаешь, город суетливый,
Что в блеске брата твоего убог,
Свой нрав меняет, и в тиши счастливой
Блистает как виденье, чист и строг.

Мир новый, боль где скрыла благодать,
Где шум заводов, да в дыму аллеи,
Глядит в тебя, Селена, и опять
Мечтаем мы, как пастухи в Халдее.

Диана, внемли моему прошенью.
Туда неси, мое где счастье есть —
Наперекор волн времени теченью,
Покой души в былом дай мне обресть.

To the Old Pagan Religion

Olympian Gods! How can I let ye go
And pin my faith to this new Christian creed?
Can I resign the deities I know
For him who on a cross for man did bleed?

How in my weakness can my hopes depend
On one lone God, though mighty be his pow'r?
Why can Jove's host no more assistance lend,
To soothe my pains, and cheer my troubled hour?

Are there no Dryads on these wooded mounts
O'er which I oft in desolation roam?
Are there no Naiads in these crystal founts?
Nor Nereids upon the ocean foam?

Fast spreads the new; the older faith declines.

The name of Christ resounds upon the air.
But my wrack'd soul in solitude repines
And gives the Gods their last-receivèd pray'r.

Древней языческой религии

Олимпа Боги! Вас могу ль утратить
И пригвоздиться к вере во Христа?
Могу ль предать своих богов я ради
Терпевшего мучения креста?

И как же в слабости мне уповать
На Бога одного, пусть он велик?
Ужель мне не поможет Зевса рать
В страданиях моих и в грусти миг?

Неужто нет дриад в холмах лесистых,
Где часто я брожу совсем один?
И нет наяд в источниках сих чистых?
И нереид среди морских глубин?

Но никнет вера древности пред новой.
Христово имя воздух сотрясает.
Моя ж душа с расшатанной основой,
Богов в мольбе последней призывает.

On the Ruin of Rome

Low dost thou lie, O Rome, neath the foot of the Teuton
Slaves are thy men, and bent to the will of thy conqueror:
Whither hath gone, great city, the race
that gave law to all nations,
Subdu'd the east and the west,
and made them bow down to thy consuls.
Knew not defeat, but gave it to all who attack'd thee?

Dead! and replac'd by these wretches
who cower in confusion
Dead! They who gave us this empire to guard and to live in
Rome, thou didst fall from thy pow'r
with the proud race that made thee,
And we, base Italians, enjoy'd
what we could not have builded.

На развалинах Рима

Низко лежишь, о Рим, под пятою тевтона
В рабстве мужи твои, чтут захватчика волю:
Город великий, племя где то,
что народы повергло,
Запад с востоком
пред консулами твоими склонив?
Непобедимый, сдался ты всем нападавшим?

Мертв! лишь отбросы жалкие
вместо тебя
Мертв! тот народ, что империю дал нам
Рим, ты все ж пал,
с гордым племенем, тебя сотворившим,
А мы, итальяшки, владеем тем,
чего недостойны.

To Pan

Seated in a woodland glen
By a shallow stream
Once I fell a-musing, when
I was lull'd into a dream.

From the brook a shape arose
Half a man and half a goat.
Hoofs it had instead of toes
And a beard adorn'd its throat.

On a set of rustic reeds
Sweetly play'd this hybrid man
Naught car'd I for earthly needs,
For I knew that this was Pan.

Nymphs and Satyrs gather'd round
To enjoy the lively sound.

All too soon I woke in pain
And return'd to haunts of men.
But in rural vales I'd fain
Live and hear Pan's pipes again.

К Пану

Раз в долине я лесной,
Ручеек где пробегал,
Наслаждался грез игрой
И тихонько задремал.

Воды разом отступили,
Человек-козел возник.
Вместо ног копыта были,
Бородой украшен лик.

На сиденье он простом
Сладко трели выводил,
Я забыл о всем земном —
Ибо знал, что Пан то был.

Вкруг сатиры, нимфы встали,
Песням радостно внимали.

Пробудясь от сказки сей,
Я вернулся в быт людей.
Лучше б жил я средь полей,
Внемля звукам Пана флейт.

On the Vanity of Human Ambition

Apollo, chasing Daphne, gain'd his prize
But lo! she turn'd to wood before his eyes.
More modern swains at golden prizes aim,
And ever strive some worldly thing to claim.
Yet 'tis the same as in Apollo's case,
For, once attain'd, the purest gold seems base.
All that men seek 's unworthy of the quest,
Yet seek they will, and never pause for rest.
True bliss, methinks, a man can only find
In virtuous life, & cultivated mind.

На тщетность человеческих стремлений

Гонялся Аполлон за Дафной зря:
Схватил – в руках лишь дерева кора.
И нынче метят пастушки на злато,
Им вещи суетной добиться надо.
Но Аполлона случай то как раз:
Сокровище добыв, в нем видят грязь.
Что люди ищут, поисков не стоит —
Однако их ничто не успокоит.
А истинное счастье, мнится мне,
В безгрешности и развитом уме.

[To His Mother on Thanksgiving]

Dear Mother: —
If, as you start toward Lillie's festive spread,
You find me snoring loudly in my bed,
Awake me not, for I would fain repose,
And thro' the day in quiet slumbers doze.
But lest I starve, for lack of food to eat,
Leave here a dish of Quaker Puffèd Wheat,
Or breakfast biscuit, which, it matters not,
To break my fast when out of bed I've got.
And if to supper you perchance should stay,
Thus to complete a glorious festive day,
Announce the fact to me by Telephone,
That whilst you eat, I may prepare my own.

[Матери на День благодарения]

Дорогая мама —

Когда на праздник к Лилли ты пойдешь,

Храпящим громко коль меня найдешь,

То не буди, покой так нужен мне,

Хочу проспать весь день во сладком сне.

Чтоб с голоду не умер я покуда,

Поставь мне здесь пшеничных хлопьев блюдо

Иль с завтрака осталось что печенье —

Чем пост прервать вслед сна, мне нет значенья.

А если ужинать там будешь вдруг,

Веселый так чтоб завершить досуг,

О сем по телефону извести —

Я приготовлю сам, пока ешь ты.

The End of the Jackson War

Indulgent sir, pray spare an inch or two,
And print the carping critics' joint adieu.
So long it is since we began the fray
That readers swear we've filched your Log away!
Forgive, we beg, the sinners that presume
To fill with venomed verse such precious room.
Inflamed by war, and in a martial rage,
We held a while the centre of the stage
Till, blinded by each other's furious fire,
We battled on, forgetting to retire.
But fiercest feuds draw sometimes to their ends,
And ancient foemen live to meet as friends:
So do we now, conjoin'd in lasting peace,
Lay down our pens, and mutual slander cease.
What sound is this? 'Tis but a joyous yell
From thankful thousands, as we say

farewell.

Конец джексоновской войны

О сэр, достанет дюйма для изданья
От критиков совместного прощанья.
Давно свою мы ссору развязали,
Клянут уж нас, что ваш «Журнал» украли!
Простите, молим, наши все грехи —
В сокровищницу с ядом слать стихи.
Неистовой захвачены борьбой,
Удерживали сцену за собой,
И яростным огнем ослеплены,
Забыв об отдыхе, сражались мы.
Стихает ярость распрей иногда,
Друзьями сходятся враги тогда:
Вот так и мы, мир прочный заключим,
Отложим перья, ругань прекратим.
Но что за шум? Звучит то ликованье
От тысяч благодарных за прощанье.

The Teuton's Battle-Song

Omnis erat vulnus unda
Terra rubefacta calido
Frendebat gladius in loricas
Gladius fludebat clypeus…
Non retrocedat vir a viro
Hoc fuit viri fortis nobilitas diu…
Laetus cerevisiam cum Asis
In summa sede bibam
Vitae clapsae sunt horae
Ridens moriar.

Regner Lodbrog

The mighty Woden laughs upon his throne,
And once more claims his children for his own.
The voice of Thor resounds again on high,
While arm'd Valkyries ride from out the sky:
The Gods of Asgard all their pow'rs release
To rouse the dullard from his dream of peace.
Awake! ye hypocrites, and deign to scan

The actions of your "brotherhood of Man".
Could your shrill pipings in the race impair
The warlike impulse put by Nature there?
Where now the gentle maxims of the school,
The cant of preachers, and the Golden Rule?
What feeble word or doctrine now can stay
The tribe whose fathers own'd Valhalla's sway?
Too long restrain'd, the bloody tempest breaks,
And Midgard 'neath the tread of warriors shakes.
On to thy death, Berserker bold! and try
In acts of Godlike bravery to die!
Who cares to find the heaven of the priest,
When only warriors can with Woden feast?
The flesh of Schrimnir, and the cup of mead,
Are but for him who falls in martial deed:
Yon luckless boor, that passive meets his end,
May never in Valhalla's court contend.

Slay, brothers, slay! and bathe in crimson gore;

Let Thor, triumphant, view the sport once more!

All other thoughts are fading in the mist,

But to attack, or if attack'd, resist.

List, great Alfadur, to the clash of steel;

How like a man does each brave swordsman feel!

The cries of pain, the roars of rampant rage,

In one vast symphony our ears engage.

Strike! Strike him down! whoever bars the way;

Let each kill many ere he die today!

Ride o'er the weak; accomplish what ye can;

The Gods are kindest to the strongest man!

Why should we fear? What greater joy than this?

Asgard alone could give us sweeter bliss!

My strength is waning; dimly can I see

The helmeted Valkyries close to me.

Ten more I slay! How strange the thought of fear,

With Woden's mounted messengers so near!

The darkness comes; I feel my spirit rise;

A kind Valkyrie bears me to the skies.

With conscience clear, I quit the earth below,

The boundless joys of Woden's halls to know.

The grove of Glasir soon shall I behold,

And on Valhalla's tablets be enroll'd:

There to remain, till Heindall's horn shall sound,

And Ragnarok enclose creation round;

And Bifrost break beneath bold Surtur's horde,

And Gods and men fall dead beneath the sword;

When sun shall die, and sea devour the land,

And stars descend, and naught but Chaos stand.

Then shall Alfadur make his realm anew,

And Gods and men with purer life indue.

In that blest country shall Abundance reign,

Nor shall one vice or woe of earth remain.

Then, not before, shall men their battles cease,

And live at last in universal peace.

Thro' cloudless heavens shall the eagle soar,

And happiness prevail for evermore.

Тевтонская боевая песнь

Каждая рана потоком
Землю багрила теплым вином
Меч звенел о латы
Меч крошил щиты…
Воин с воином сошлись
Сей воин храбрый славен давно…
Радостный, брагу из земли Азийской,
Воссев на вершине, я выпью.
Жизни ускользают часы.
Смеющийся, умру.

Регнер Лодброг

На троне в смехе Вотан-вседержитель
Сзывает отпрысков к себе в обитель.
Раскаты Тора вновь в выси гремят,
Валькирии с оружием летят:
Все силы грозных Асгарда богов
Тупиц пробудят от их мирных снов.
Проснитесь и извольте же, ханжи,
Узреть дела об «общем братстве» лжи.

Мог заглушить ли в расе визг ваш чванный

Воинственный порыв, Природой данный?

Где ж добренькие максимы для школ

И Золотое Правило от зол?

Каким призывом жалким вы б сдержали

То племя, чьих отцов в Вальхаллу брали?

Сгущается кровавой бури мрак,

И Мидгард сотрясает марша шаг.

Себя ты смертью, берсерк, обагри!

В божественном бесстрашии умри!

Кого заботят небеса святош,

Коль воин лишь на Вотана пир вхож?

И плоть Сэхримнира, и чаша меда

Для бьющихся до смертного исхода:

Трусливой смерти снесшему позор

Вовеки не вступить в Вальхаллы двор.

Несите ж смерть! Омоет пусть вас кровь,

Ликуя, Тор узрит охоту вновь!

Одна лишь мысль ясна – атаковать,
Коль атакован – так не отступать.
Услышь, Альфедр, удары с бойни,
Как чувствует себя мужчиной воин!
Рев ярости свирепой, боли глас
Сливаются в симфонию для нас.
Рази! – кто не вставал бы на дороге;
Пред смертью пусть зарежет каждый многих!
Над слабым будь; что можешь, то исполни —
К сильнейшим Боги только благосклонны!
Бояться? С чем такой восторг сравним?
Нас осчастливить Асгард мог один!
Но тают силы, смутно вижу я,
Валькирии уж около меня.
Убил еще десяток! Чужд мне страх —
Совсем ведь рядом девы на конях!
Вот пала тьма, и дух оставил тело,
Валькирия со мною ввысь взлетела.
Чист совестью, я покидаю мир,

Узнать чтоб Вотана веселый пир.
Увижу вскоре рощи Гласир чудо
И занесен в Вальхаллы списки буду:
Там ждать, когда задует Хеймдалль в рог,
Замкнет кольцо творенья Рагнарёк,
Биврест разрушит Суртура орда,
Богов, людей пожнет меча страда,
Исчезнет солнце, море сушь сожрет,
Погаснут звезды, Хаос снизойдет.
Затем Альфедр создаст свой мир по новой,
Богов, людей с чистейшею основой.
Придет страна блаженная Обилья,
Не будет в ней пороков и насилья.
Оставят люди лишь тогда сраженья,
Покой охватит грани все творенья.
А в ясном небе воспарит орел,
И счастье навсегда займет престол.

On Receiving a Picture of Swans

With pensive grace the melancholy Swan
Mourns o'er the tomb of luckless Phaëton;
On grassy banks the weeping poplars wave,
And guard with tender care the wat'ry grave.
Would that I might, should I too proudly claim
An Heav'nly parent, or a Godlike fame,
When flown too high, and dash'd to depths below,
Receive such tribute as a Cygnus' woe!
The faithful bird, that dumbly floats along,
Sighs all the deeper for his want of song.

На получение открытки с лебедями

Печальный Лебедь с грацией унылой
Скорбит над фаэтоновой могилой;
В слезах качают тополя листвой,
Могилы водной берегут покой.
Я б мог, воздать просил бы величаво
Небесным родом или божьей славой,
Когда, поднявшись ввысь и пав в глубины,
Обрел в награду б плач лишь лебединый!
А верный лебедь молча проплывает,
В тоске по песне глубже все вздыхает.

Temperance Song
[Tune: “The Bonnie Blue Flag”]

1. We are a band of brothers
Who fight the demon Rum,
With all our strength until at length
A better time shall come.

(Chorus)
Hurrah! Hurrah! for Temperance, Hurrah!
‘Tis sweet to think that deadly drink
Some day no more shall mar!

2. We’ll drive from off our table,
We’ll drive from out our gate
The gross offence that clouds our sense,
And leads to dismal Fate.

3. We’ll stop the bloated brewer,
We’ll close the foul saloon,
We’ll teach the land to understand
How mighty is our boon.

4. If aught our progress hinder,

Or check our upward course,
We'll scorn the hand that threats our stand
And strive with double force.

5. And when at last we triumph;
When whiskey fades from view;
The drunkard slave no more shall crave,
But join our legions, too!

Песнь трезвости

На мелодию «Прекрасного Синего Флага»

1. Отряд мы братьев стойкий,
1. Мы бьемся с Ромом злым
1. И в силу всю идем ко дню,
1. Настанет что благим.

Припев:
Ура! Ура! И Трезвости ура!
Я верить рад, что спирта яд
Уйдет с пути добра!

2. Мы скинем со стола,
1. Изгоним за порог
1. Греха тот вид, что ум мутит
1. И жизни косит срок.

3. Закроем пивоварни
1. И каждый мерзкий бар,
1. Поймут тогда, и навсегда,
1. Огромен как наш дар.

4. Мешать нам вдруг что будет,
1. Иль сдержит наш подъем,
1. Презрим мы то, грозит нам что,
1. И снова в бой пойдем.

5. Когда ж придет победа,
1. И сгинет виски вон,
1. Пропойца-раб не будет слаб,
1. В наш вступит легион!

The Poe-et's Nightmare
A Fable

Luxus tumultus semper causa est.

Lucullus Languish, student of the skies,
And connoisseur of rarebits and mince pies,
A bard by choice, a grocer's clerk by trade,
(Grown pessimist through honours long delay'd)
A secret yearning bore, that he might shine
In breathing numbers, and in song divine.
Each day his fountain pen was wont to drop
An ode or dirge or two about the shop,
Yet naught could strike the chord within his heart
That throbb'd for poesy, and cry'd for art.
Each eve he sought his bashful Muse to wake
With overdoses of ice cream and cake,
But though th' ambitious youth a dreamer grew,

Th' Aonian Nymph delcin'd to come to view.

Sometimes at dusk he scour'd the heav'ns afar

Searching for raptures in the evening star;

One night he strove to catch a tale untold

In crystal deeps – but only caught a cold.

So pin'd Lucullus with his lofty woe,

Till one drear day he bought a set of Poe:

Charm'd with the cheerful horrors there display'd,

He vow'd with gloom to woo the Heav'nly Maid.

Of Auber's Tarn and Yaanek's slope he dreams,

And weaves an hundred Ravens in his schemes.

Not far from our young hero's peaceful home,

Lies the fair grove wherein he loves to roam.

Tho' but a stunted copse in vacant lot,

He dubs it Tempe, and adores the spot;

When shallow puddles dot the wooded

plain,

And brim o'er muddy banks with muddy rain,

He calls them limpid lakes or poison pools,

(Depending on which bard his fancy rules).

'Tis here he comes with Heliconian fire

On Sundays when he smites the Attic lyre;

And here one afternoon he brought his gloom,

Resolv'd to chant a poet's lay of doom.

Roget's Thesaurus, and a book of rhymes,

Provide the rungs whereon his spirit climbs:

With this grave retinue he trod the grove

And pray'd the Fauns he might a Poe-et prove.

But sad to tell, ere Pegasus flew high,

The not unrelish'd supper hour drew nigh;

Our tuneful swain th' imperious call attends,

And soon above the groaning table bends.

Though it were too prosaic to relate

Th' exact particulars of what he ate,

(Such long-drawn lists the hasty reader skips,

Like Homer's well-known catalogue of ships)

This much we swear: that as adjournment near'd,

A monstrous lot of cake had disappear'd!

Soon to his chamber the young bard repairs,

And courts soft Somnus with sweet Lydian airs;

Thro' open casement scans the star-strown deep,

And 'neath Orion's beams sinks off to sleep.

Now start from airy dell the elfin train

That dance each midnight o'er the sleeping plain,

To bless the just, or cast a warning spell

On those who dine not wisely, but too well.

First Deacon Smith they plague, whose nasal glow

Comes from what Holmes hath call'd "Elixir Pro";

Group'd round the couch his visage they deride,

Whilst through his dreams unnumber'd serpents glide.

Next troop the little folk into the room

Where snore our young Endymion, swath'd in gloom:

A smile lights up his boyish face, whilst he

Dreams of the moon – or what he ate at tea.

The chieftain elf th' unconscious youth surveys,

And on his form a strange enchantment lays:

Those lips, that lately trill'd with frosted cake,

Uneasy sounds in slumbrous fashion make;

At length their owner's fancies they rehearse,

And lisp this awesome Poe-em in blank verse:

Небылица

Чрезмерность враг покоя неизменно.

Лукулл, что Лэнгвиш, астроном-любитель
Гренков и сладких пирожков ценитель,
Душою бард, занятьем – продавец,
(Унынья полон: славы где ж венец?)
Желанье тайное имел: блистать
Живым стихом и песнею вещать.
Перо ж строчило ежедневно с ходу
О лавке панихиду или оду:
Увы, не полнилось высоким чувством
Поэта сердце, билось что искусством.
Взывал он к музе робкой вечерами
Пирожными и прочими сластями,
Хоть из подростка вырос фантазер,
Не тешил образ аониды взор.
На небо он смотрел в закатный час,
В звезде вечерней чтоб обресть экстаз;
Раз ночью взялся ухватить гимн чуду

В глуби кристальной – подхватил простуду.
Тужил Лукулл от горя своего,
Пока однажды не купил книг По:
Пленившись ужасами на страницах,
Поклялся хмуро, что придет девица.
Зрит в грезах Йанек, озеро Обера,
Сто «Воронов» отныне планов мера.
Вблизи от дома нашего героя —
Лесок, где ищет он порой покоя.
Пускай кустов то чахлых лишь скопленье,
Нарек его он Темпе в восхищенье;
Когда равнину покрывают лужи,
Полнясь дождем среди размокшей суши —
Озера иль пруды с отравой это
(Зависит от увлекшего поэта).
Здесь Геликонский пыл его и жжет
Воскресным днем, коль лиру он берет;
Сюда Лукулл принес свою хандру
Воспеть поэта горькую судьбу.

Тезаурус Роже да рифм словарь —
Подспорье духу, что во тьме фонарь:
С сей важной свитой он вступил в лесок,
Взмолился фавнам, как По-эт чтоб рек.
К несчастью, прежде чем Пегас взлетел,
Весьма желанный ужин подоспел;
Внимает зову музыкант-пастух,
И вот уж за столом он ест за двух.
Хотя и было б слишком прозаично
Перечислять, что съедено им лично,
(Не стерпит длинный список чтец скорей,
Как каталог Гомеров кораблей)
Клянемся мы: еще до перерыва
Пирог огромный скушал он ретиво!
Бард юный в комнату свою уходит,
К Гипносу песнь лидийскую заводит;
Вздевает очи к звездам утомленно
И вязнет в сне под светом Ориона.
Но вот из леса грез мчит эльфов рой,

Над долом что танцует в час ночной,
Благословить примерных иль околдовать
Всех тех, кто в ужин любит пировать.
Пал первым дьякон Смит, багрян чей нос
От «Эликсира», в стих что Холмс занес;
Смеются эльфы, обступив постель,
И змеи в снах его кишат отсель.
Вслед спальня подвергается атаке,
Храпит где наш Эндимион во мраке
С улыбкой на мальчишеском челе,
Когда луну – иль ужин – видит в сне.
Вождь эльфов на юнца бросает взгляд,
И чары странные на нем лежат:
Уста, что наслаждались пирогом,
Теперь бормочут в забытьи с трудом;
Полнясь хозяина мечтами всеми,
Лепечут белые стихи По-эмы:

Aletheia Phrikodes

Omnia risus et omnia pulvis et omnia nihil.

Demoniac clouds, up-pil'd in chasmy reach
Of soundless heav'n, smother'd the brooding night;
Nor came the wonted whisp'rings of the swamp,
Nor voice of autumn wind along the moor,
Nor mutter'd noises of th' insomnious grove
Whose black recesses never saw the sun.
Within that grove a hideous hollow lies,
Half bare of trees; a pool in centre lurks
That none dares sound; a tarn of murky face,
(Tho' naught can prove its hue, since light of day,
Affrighted, shuns the forest-shadow's banks).
Hard by, a yawning hillside grotto breathes
From deeps unvisited, a dull, dank air

That sears the leaves on certain stunted trees

Which stand about, clawing the spectral gloom

With evil boughs. To this accursed dell

Come woodland creatures, seldom to depart:

Once I behold, upon a crumbling stone

Set altar-like before the cave, a thing

I saw not clearly, yet from glimpsing fled.

In this half-dusk I meditate alone

At many a weary noontide, when without

A world forgets me in its sun-blest mirth.

Here howls by night the werewolves, and the souls

Of those that knew me well in other days.

Yet on this night the grove spake not to me;

Nor spake the swamp, nor wind along the moor

Nor moan'd the wind about the lonely eaves

Of the bleak, haunted pile wherein I lay.

I was afraid to sleep, or quench the spark

Of the low-burning taper by my couch.

I was afraid when through the vaulted space

Of the old tow'r, the clock-ticks died away

Into a silence so profound and chill

That my teeth chatter'd – giving yet no sound.

Then flicker'd low the light, and all dissolv'd

Leaving me floating in the hellish grasp

Of body'd blackness, from whose beating wings

Came ghoulish blasts of charnel-scented mist.

Things vague, unseen, unfashion'd, and unnam'd

Jostled each other in the seething void

That gap'd, chaotic, downward to a sea

Of speechless horror, foul with writhing thoughts.

All this I felt, and felt the mocking eyes

Of the curs'd universe upon my soul;

Yet naught I saw nor heard, till flash'd a

beam
Of lurid lustre through the rotting heav'ns,
Playing on scenes I labour'd not to see.
Methought the nameless tarn, alight at last,
Reflected shapes, and more reveal'd within
Those shocking depths that ne'er were seen before;
Methought from out the cave a demon train,
Grinning and smirking, reel'd in fiendish rout;
Bearing within their reeking paws a load
Of carrion viands for an impious feast.
Methought the stunted trees with hungry arms
Grop'd greedily for things I dare not name;
The
while a stifling, wraith-like noisomeness
Fill'd all the dale, and spoke a larger life
Of uncorporeal hideousness awake
In the half-sentient wholeness of the spot.
Now glow'd the ground, and tarn, and cave, and trees,

And moving forms, and things not spoken of,

With such a phosphorescence as men glimpse

In the putrescent thickets of the swamp

Where logs decaying lie, and rankness reigns.

Methought a fire-mist drap'd with lucent fold

The well-remember'd features of the grove,

Whilst whirling ether bore in eddying streams

The hot, unfinish'd stuff of nascent worlds

Hither and thither through infinity

Of light and darkness, strangely intermix'd;

Wherein all entity had consciousness,

Without th' accustom'd outward shape of life.

Of these swift-circling currents was my soul,

Free from the flesh, a true constituent part;

Nor felt I less myself, for want of form.

Then clear'd the mist, and o'er a star-strown

scene
Divine and measureless, I gaz'd in awe.
Alone in space, I view'd a feeble fleck
Of silvern light, marking the narrow ken
Which mortals call the boundless universe.
On ev'ry side, each as a tiny star,
Shone more creations, vaster than our own,
And teeming with unnumber'd forms of life;
Though we as life would recognize it not,
Being bound to earthy thoughts of human mould.
As on a moonless night the Milky Way
In solid sheen displays its countless orbs
To weak terrestrial eyes, each orb a sun;
So beam'd the prospect on my wond'ring soul;
A spangled curtain, rich with twinkling gems,
Yet each a mighty universe of suns.
But as I gaz'd, I sens'd a spirit voice
In speech didactic, though no voice it was,
Save as it carried thought. It bade me mark

That all the universes in my view
Form'd but an atom in infinity;
Whose reaches pass the ether-laden realms
Of heat and light, extending to far fields
Where flourish worlds invisible and vague,
Fill'd with strange wisdom and uncanny life,
And yet beyond; to myriad spheres of light,
To spheres of darkness, to abysmal voids
That know the pulses of disorder'd force.
Big with these musings, I survey'd the surge
Of boundless being, yet I us'd not eyes,
For spirit leans not on the props of sense.
The docent presence swell'd my strength of soul;
All things I knew, but knew with mind alone.
Time's endless vista spread before my thought
With its vast pageant of unceasing change
And sempiternal strife of force and will;
I saw the ages flow in stately stream
Past rise and fall of universe and life;

I saw the birth of suns and worlds, their death,

Their transmutation into limpid flame,

Their second birth and second death, their course

Perpetual through the aeons' termless flight,

Never the same, yet born again to serve

The varying purpose of omnipotence.

And whilst I watch'd, I knew each second's space

Was greater than the lifetime of our world.

Then turn'd my musings to that speck of dust

Whereon my form corporeal took its rise;

That speck, born but a second, which must die

In one brief second more; that fragile earth;

That crude experiment; that cosmic sport

Which holds our proud, aspiring race of mites

And moral vermin; those presuming mites

Whom ignorance with empty pomp adorns,

And misinstructs in specious dignity;
Those mites who, reas'ning outward, vaunt themselves
As the chief work of Nature, and enjoy
In fatuous fancy the particular care
Of all her mystic, super-regnant pow'r.
And as I strove to vision the sad sphere
Which lurk'd, lost in ethereal vortices;
Methough my soul, tun'd to the infinite,
Refus'd to glimpse that poor atomic blight;
That misbegotten accident of space;
That globe of insignificance, whereon
(My guide celestial told me) dwells no part
Of empyreal virtue, but where breed
The coarse corruptions of divine disease;
The fest'ring ailments of infinity;
The morbid matter by itself call'd man:
Such matter (said my guide) as oft breaks forth
On broad Creation's fabric, to annoy
For a brief instant, ere assuaging death
Heal up the malady its birth provok'd.

Sicken'd, I turn'd my heavy thoughts away.
Then spake th' ethereal guide with mocking mien,
Upbraiding me for searching after Truth;
Visiting on my mind the searing scorn
Of mind superior; laughing at the woe
Which rent the vital essence of my soul.
Methought he brought remembrance of the time
When from my fellows to the grove I stray'd,
In solitude and dusk to meditate
On things forbidden, and to pierce the veil
Of
seeming good and seeming beauteousness
That covers o'er the tragedy of Truth,
Helping mankind forget his sorry lot,
And raising Hope where Truth would crush it down.
He spake, and as he ceas'd, methought the flames
Of fuming Heav'n resolv'd in torments dire;
Whirling in maelstroms of rebellious might,

Yet ever bound by laws I fathom'd not.
Cycles and epicycles of such girth
That each a cosmos seem'd, dazzled my gaze
Till all a wild phantasmal flow became.
Now
burst athwart the fulgent formlessness
A rift of purer sheen, a sight supernal,
Broader that all the void conceiv'd by man,
Yet narrow here. A glimpse of heav'ns beyond;
Of weird creations so remote and great
That ev'n my guide assum'd a tone of awe.
Borne on the wings of stark immensity,
A touch of rhythm celestial reach'd my soul;
Thrilling me more with horror than with joy.
Again the spirit mock'd my human pangs,
And deep revil'd me for presumptuous thoughts;
Yet changing now his mien, he bade me scan

The wid'ning rift that clave the walls of space;

He bade me search it for the ultimate;

He bade me find the truth I sought so long;

He bade me brave th' unutterable Thing,

The final Truth of moving entity.

All this he bade and offer'd – but my soul,

Clinging to life, fled without aim or knowledge,

Shrieking in silence through the gibbering deeps.

Thus shriek'd the young Lucullus, as he fled

Through gibbering deeps – and tumbled out of bed;

Within the room the morning sunshine gleams,

Whilst the poor youth recalls his troubled dreams.

He feels his aching limbs, whose woeful pain

Informs his soul his body lives again,

And thanks his stars – or cosmoses – or such —

That he survives the noxious nightmare's clutch.

Thrill'd with the music of th' eternal spheres,

(Or is it the alarm-clock that he hears?)

He vows to all the Pantheon, high and low,

No more to feed on cake, or pie, or Poe.

And now his gloomy spirits seem to rise,

As he the world beholds with clearer eyes;

The cup he thought too full of dregs to quaff,

Affords him wine enough to raise a laugh.

(All this is metaphor – you must not think

Our late Endymion prone to stronger drink!)

With brighter visage and with lighter heart,

He turns his fancies to the grocer's mart;

And strange to say, at last he seems to find

His daily duties worthy of his mind.

Since Truth prov'd such a high and dang'rous goal,

Our bard seeks one less trying to his soul;

With deep-drawn breath he flouts his dreary

woes,
And a good clerk from a bad poet grows!
Now close attend my lay, ye scribbling crew
That bay the moon in numbers strange and new;
That madly for the spark celestial bawl
In metres short or long, or none at all;
Curb your rash force, in numbers or at tea,
Nor over-zealous for high fancies be;
Reflect, ere ye the draught Pierian take,
What worthy clerks or plumbers ye might make;
Wax not too frenzied in the leaping line
That neither sense nor measure can confine,
Lest ye, like young Lucullus Launguish, groan
Beneath Poe-etic nightmares of your own!

Ужасающая правда

Все суть смех, все суть прах, все суть ничто.

Ширь адских туч, загромоздив проем
Небес беззвучных, ночь обволокла;
Затих привычный шорох из болот,
Над вереском осенний ветер смолк,
И больше не шептал бессонный лес,
Не знают солнца в коем тайники.
Ужасная ложбина в роще есть,
Почти без древ, а посреди – прудок,
Ничто где не звучит; то омут тьмы
(Окрас его ж неведом, ибо свет
В испуге сторонится берегов.)
Поблизости пещеры зев несет
Из бездны неторёной затхлый ток,
Что сушит листья чахлых деревец,
Окрест стоящих, рвущих зыбкий мрак
Зловещими ветвями. В мерзость ту
Лесная живность входит, редко прочь:
Я видел, как на каменном бугре,
Воздвигнутом у грота алтарем,
Исчезла тварь, пред взором лишь мелькнув.
В сей тьме я думам предаюсь, один,

В полуденной тоске, когда весь мир
Меня не помнит в радости своей.
Ночами воют оборотни здесь
И души тех, кто знал меня в былом.
В ту ж ночь не говорил со мною лес,
Молчала топь, и вереск не шуршал,
Со стоном ветер не терзал карниз
Строенья мрачного, где я лежал.
Мне было страшно спать, иль потушить
У ложа пламя тусклое свечи.
Мне было страшно в миг, когда чрез свод
На старой башне тиканье часов
Умолкло столь глубокой тишиной,
Что стук моих зубов беззвучен был.
Вдруг свет померк, и растворилось все,
Меня оставив в дьявольском плену
Сгущенной тьмы, биенья коей крыл
Наслали мерзкий гнилостный туман.
Черты чего-то, без имен и форм,
Кишели в клокотанье пустоты,

Зиявшей хаосом над морем волн
Немого страха, корчилась где мысль.
Сие я ощущал – да на своей душе
Вселенной проклятой глумливый взгляд;
Я слеп был, глух, пока не вспыхнул луч
Зловещим блеском чрез небес труху,
Открыв мне виды, что страшили глаз.
Казалось, что тот пруд, теперь в свету,
Фигуры отражал и представлял
Из мерзких недр, невиданных досель;
Казалось, из пещеры бесов шлейф
С ухмылками выкатывался зло,
Неся в дымящихся ручищах груз
Мертвецких яств на нечестивый пир.
Казалось, ветви низкорослых древ
Искали жадно, что назвать боюсь;
Удушливая, призрачная вонь
Объяла дол, и говорила жизнь
Бесплотной мерзости, восстав из сна,
В единстве сцен, сознательном почти.

Земля, лесок, пещера, озерцо,
Фигуры и замолчанное мной
Теперь светились так, как встретишь лишь
В чащобах гнилостных глухих болот,
Где лес лежит в трухе, да правит смрад.
Казалось, огненный туман накрыл
Столь памятные рощи той черты,
Воронка ж неба вихрями несла
Закваски жар рождавшихся миров
Туда-сюда чрез бесконечность тьмы
И света, перемешанных чудно;
Сознанье там имела сущность вся —
Без формы, в коей нам привычна жизнь.
От токов круговых моя душа
Отвергла плоть, как подлинную часть,
Не умалив меня потерей сей.
Исчез туман, и вид скопленья звезд —
Безмерный, дивный – трепетом пробрал.
Я в космосе зрел искру серебра,

Что отмечала знаний жалкий круг —
Его вселенной смертные зовут.
Со всех сторон, со звёздочку на вид,
Миры сверкали, нашего крупней,
Несметно жизни формами полны,
Хотя как жизнь их не постигнуть нам,
Зажатым в мыслях бренного мирка.
И как безлунной ночью Млечный Путь
Являет в блеске звезды без числа
Глазам, где солнце – каждая звезда,
Так вид тот светом лился в душу мне;
Завеса из сверкающих камней,
И каждый был вселенною из солнц.
Взирая, слушал я духовный глас,
Что наставлял, хоть и беззвучен был,
Но мысль мне нес. Желал он, я чтоб знал:
Вселенные те перед взором моим —
Лишь атом в бесконечности частиц,
Раскинулась что до эфирных царств
Жары и света, до далеких областей
Цветущих, но невидимых миров,

Что полнят мудрость чуждая и жизнь,
И дальше, к мириадам света сфер,
И к сферам тьмы, к бездонной пустоте,
Знакомой с ритмом хаотичных сил.
Тех полон дум, я море созерцал
Из бытия бескрайнего – но зрел
Без глаз: в опоре духа нет лжи чувств.
Незримый гид моей душе дал мощь,
Я все постиг, постиг одним умом.
Простерлось в мыслях время без границ,
Его спектакль пространный перемен
И принуждения с желаньем спор;
Я видел величавый ток веков,
Росли и гибли в коем мир и жизнь;
Я видел зарожденье солнц, их смерть,
Их превращение в простой огонь,
Опять рождение и смерть, их ход
Чрез вечное течение эпох,
Все время разными, но вновь и вновь

Рожденными всесилию служить.
Пока ж смотрел, я знал, что каждый миг
Длинней, чем мира нашего вся жизнь.
Вслед думы заняла пылинка та,
Где тело бренное мое взросло;
Пылинка, что родилась миг назад
И в миг исчезнет; хрупкая земля,
Эксперимент; космическая блажь,
Что в нас вселяет гордость, теша вшей
Да паразитов род; чванливых вшей,
Кого невежество рядится в лоск
И преподносит избранности ложь;
Тех вшей, кто похваляются собой
Как пиком дел Природы, мнят себя
Предметом исключительных забот
Ее загадочных всевластных сил.
Пока я вглядывался в тусклый шар,
Затерянный средь вихрей неземных,
Мой дух, пред бесконечностью пред-
став,

Свой взгляд отвел от этой жалкой тли;
Случайности без всяких прав на жизнь,
Ничтожного земного шара, где
(Сказал мне гид небесный) не живет
Совсем достоинств, а плодятся лишь
Пороки мерзкие, болезнь небес,
На теле бесконечности нарыв;
Недуг же сам зовется человек:
Сие (сказал мой гид) частенько ткань
Творенья потрясает, лишь на миг,
Пока успокоительная смерть
Не исцелит привитую болезнь.
С досадой мысль я скорбную прогнал.
Затем насмешливо глаголал гид,
За поиск Истины коря меня;
Презреньем жгучим высшего ума
Разя мой разум и глумясь, что скорбь
Вселилась в глубине души моей.
Как будто он вернул меня в тот день,
Когда я от друзей в лесок ушел,
Чтоб одному в тени поразмышлять

О запрещенном и сорвать покров
Притворных благ и мнимой красоты,
Что ужас Правды под собой таят,
Мешая помнить людям их удел,
Даря Надежду Правде вопреки.
Когда же он умолк, огни Небес
Клубящихся исчезли в корчах мук;
Взметнувшись в вихрях мощи бунтовской,
Но несвободной от законов уз.
От циклов, эпициклов шириной
Едва ль не с космос я почти ослеп,
И слилось все в клокочущий фантом.
Вдруг блеск бесформенности пересек
Чистейшего сияния разрыв —
Обширней пустоты, что знает люд,
Но узкий здесь. Мельканье тех небес;
Созданий странных, мощь чья такова,
Что даже гид мой с трепетом притих.
На крыльях необъятности нагой
Достиг моей души небесный ритм;
Но радость заглушил объявший страх.

Вновь осмеял мои страданья дух
И выбранил за дерзновенность дум;
В лице вдруг изменившись, предложил
Взглянуть на щель, что в космоса стене;
Он предложил найти мне в ней предел;
Ту истину, что долго я искал,
Невыразимое принять смелей,
Всю Правду о подвижном бытии.
Да, предложил мне – но моя душа,
За жизнь цепляясь, знанья не взяла
И скрылась с воплем в рокоте глубин.

Вот так Лукулл наш с криком убегал
По рокоту глубин – и с ложа пал;
Уж солнцем комната озарена,
Бедняга весь под впечатленьем сна.
Но боли в членах говорят без слов:
Живут его душа и тело вновь,
Он воздает хвалу звезде своей,
Что вырвался из ужаса когтей.
И трепеща от музыки светил,
(Иль то будильник утром зазвонил?)

Пред Пантеоном он дает зарок:
Не взглянет впредь на По и на пирог.
Теперь он чувствует себя бодрей,
Поскольку мир пред ним предстал ясней;
И в чаше, где он видел только муть,
Вина достанет, чтоб рассеять грусть.
(Метафора здесь: ведь сновидец наш,
Конечно, не приемлет пьянства блажь!)
Он с радостью, с сияющим лицом
Себя воображает продавцом;
И вот дела, достиг он пониманья,
Что труд сей есть предел его желанья.
Коль Истина явила столь угроз,
Наш бард попроще ставит свой вопрос;
Былых печалей нет уж и в помине,
Плохой поэт – хороший клерк отныне!
Внимайте ж мне, марателей артель,
Кто строчит стих, невиданный досель;
Помешан кто на криках до небес
В размере кратком, долгом – или без;

Смиряйте прыть на ужине, в стихах
И будьте поумеренней в мечтах:
Быть может, раньше Музы к вам придет
Торговца или слесаря почет;
И не безумствуйте кривой строкой,
Пренебрегая смыслом и стопой,
Чтоб как Лукулл наш не стонать от снов
Из ваших По-этических трудов!

The Unknown

A seething sky —
A mottled moon —
Waves surging high —
Storm's raving rune;

Wild clouds a-reel —
Wild winds a-shout —
Black vapours steal
In ghastly rout.

Thro' rift is shot
The moon's wan grace —
But God! That blot
Upon its face!

Неведомое

Клокочет свод —
Ряба луна —
Волненье вод —
Песнь бурь грозна;

Дик вихрь из туч —
Дик вой ветров —
Не светит луч
Сквозь мрак паров.

Блеснул луной
Вдруг тьмы разлом —
Бог мой! Пятно
На лике том!

The Nymph's Reply to the Modern Business Man

With Apologies to W. Raleigh, Esq.
See Tryout for October, 1916.

If all the world and love were young,
And I had ne'er before been "stung",
I might enough a dullard prove
To live with thee and be thy love.

But promis'd "autos", Love's rewards,
Turn out too often to be Fords;
And tho' you vaunt your splendid yacht —
'Tis but a rowboat, like as not!

Your silks and sapphires rouse my heart,
But I can penetrate your art —
My seventh husband fool'd my taste
With shoddy silks and stones of paste!

I like your talk of home and touring;
They savour of a love enduring;
But others have said things like that —

And led me to a Harlem flat!

So, dear, tho' were your pledges true
I should delight to dwell with you;
I still must as a widow rove,
Nor live with thee, nor be thy love!

Ответ нимфы современному бизне-смену

С извинениями У. Рэли, эсквайру. См. «Трайаут» за октябрь 1916.

Будь юными любовь и свет,
И не познай я много бед,
То дурой бы была такой,
Что стала бы тебе женой.

Но все авто, что обещают,
Уж часто «фордами» бывают;
А яхтой хвалишься своей —
То лодка ведь, что толку в ней!

Сапфиры и шелка чудесны,
Но трюки мне твои известны —
Меня седьмой дурачил муж
Подделкою – дрянной к тому ж!

О доме речи мне милы,
Достоин пыл твой похвалы;
Но и другие говорили —

А после в Гарлеме мы жили!

Твои обеты правдой будь,
Я б бросилась тебе на грудь;
А так – останусь я вдовой,
Быть не могу тебе женой!

A Garden

There's an ancient, ancient garden that I see sometimes in dreams,

Where the very Maytime sunlight plays and glows with spectral gleams;

Where the gaudy-tinted blossoms seem to wither into grey,

And the crumbling walls and pillars waken thoughts of yesterday.

There are vines in nooks and crannies, and there's moss about the pool,

And the tangled weedy thicket chokes the arbour dark and cool:

In the silent sunken pathways springs a herbage sparse and spare,

While the musty scent of dead things dulls the fragrance of the air.

There is not a living creature in the lonely space around,

And the hedge-encompass'd quiet never echoes to a sound.

As I walk, and wait, and listen, I will often

seek to find

When it was I knew that garden in an age long left behind;

I will oft conjure a vision of a day that is no more,

As I gaze upon the grey, grey scenes I feel I knew before.

Then a sadness settles o'er me, and a tremor seems to start:

For I know the flow'rs are shrivell'd hopes – the garden is my heart!

Сад

Древний, древний сад есть, вижу в снах
который я порой,
Солнца майского мерцает свет где призрачной игрой,
Где цветенья пышность вянет и становится сера,
Да колонн и стен руины будят думы о вчера.
В уголках укромных лозы, мох на берегах пруда,
И прохладная беседка трав сплетеньем увита;
Кое-где на молчаливых тропках всходят сорняки,
Аромат же заглушают гнили затхлые душки.
Ни одной живой души нет места этого округ,
И в покое за оградой не отдастся эхом звук.
Как гуляю, жду да внемлю, часто хо-

чется найти

Пору ту, когда знал сад я, хоть осталась позади —

Лишь пленюсь картиной серой, серой, памятной душе,

Возникают образы из дней тех, что в былом уже.

Вслед печаль и дрожь приходят: созерцать мне нелегко

Вид цветов – надежд увядших, сада – сердца моего!

The Poet of Passion

Pray observe the soft poet with amorous quill

Waste full half of a sheet on vague inspiration.

Do not fancy him drunk or imagine him ill

If he wails by the hour of his heart's desolation:

'Tis but part of his trade

To go mad o'er a maid

On whose beautiful face he his eyes ne'er hath laid —

And the fond ardent passion that loudly resounds

May tomorrow in Grub Street bring two or three pounds!

Поэт страсти

Вы поймите поэта с амурным пером,
В смутном кто вдохновенье извел поллиста.
И не думайте, пьян или болен что он,
Коль рыдает, на сердце когда пустота:
Ведь его ремесло,
Чтоб безумье нашло
На него от девицы, не зрел чье чело —
И, возможно, кричащая пылкая страсть
Через день парой фунтов на Граб-стрит воздаст!

Nemesis

Thro' the ghoul-guarded gateways of slumber,
Past the wan-moon'd abysses of night,
I have liv'd o'er my lives without number,
I have sounded all things with my sight;
And I struggle and shriek ere the daybreak,
being driven to madness with fright.

I have whirl'd with the earth at the dawning,
When the sky was a vaporous flame;
I have seen the dark universe yawning
Where the black planets roll without aim,
Where they roll in their horror unheeded,
without knowledge or lustre or name.

I had drifted o'er seas without ending,
Under sinister grey-clouded skies,
That the many-fork'd lightning is rending,
That resound with hysterical cries;
With the moans of invisible daemons,

that out of the green waters rise.

I have plung'd like a deer through the arches
Of the hoary primordial grove,
Where the oaks feel the presence that marches,
And stalks on where no spirit dares rove,
And I flee from a thing that surrounds me,
and leers thro' dead branches above.

I have stumbled by cave-ridden mountains
That rise barren and bleak from the plain,
I have drunk of the fog-foetid fountains
That ooze down to the marsh and the main;
And in hot cursed tarns I have seen things,
I care not to gaze on again.

I have scan'd the vast ivy-clad palace,
I have trod its untenanted hall,
Where the moon rising up from the valleys
Shows the tapestried things on the wall;
Strange figures discordantly woven,
that I cannot endure to recall.

I have peer'd from the casements in wonder
At the mouldering meadows around,
At the many-roof'd village laid under
The curse of a grave-girdled ground;
And from rows of white urn-carven marble,
I listen intently for sound.

I have haunted the tombs of the ages,
I have flown on the pinions of fear,
Where the smoke-belching Erebus rages;
Where the jokulls loom snow-clad and drear:
And in realms where the sun of the desert
consumes what it never can cheer.

I was old when the pharaohs first mounted
The jewel-deck'd throne by the Nile;
I was old in those epochs uncounted
When I, and I only, was vile;
And Man, yet untainted and happy,
dwelt in bliss on the far Arctic isle.

Oh, great was the sin of my spirit,
And great is the reach of its doom;

Not the pity of Heaven can cheer it,
Nor can respite be found in the tomb;
Down the infinite aeons come beating
the wings of unmerciful gloom.

Thro' the ghoul-guarded gateways of slumber,
Past the wan-moon'd abysses of night,
I have liv'd o'er my lives without number,
I have sounded all things with my sight;
And I struggle and shriek ere the daybreak,
being driven to madness with fright.

Немезида

Мимо гулов, чрез дрёмы ворота,
Миновав лунной ночи простор,
Прожила свои жизни без счета,
Разузнал о вещах всех мой взор;
И я бьюсь и кричу до утра,
пока ужас берет на измор.

На рассвете с Землей я кружила,
Был когда весь в огне небосклон;
Зрела космоса зев как могила,
Где бесцельных миров легион,
Где вращаются в страхе они
без познания и без имен.

И носили морей меня волны,
Под покровом из туч темноты,
Разрывают что всполохи молний,
Оглашают что вопли беды;
С воем бесов невидимых,
кои встают из зеленой воды.

Как олень я ныряла чрез своды
Первобытной дубравы седой,
Где средь древ нечто чуждой природы
Бродит, дух где не смеет простой,
И бегу от того, что меня окружает
и смотрит с враждой.

Спотыкалась о горы в кавернах,
Что сурово взирают с высот,
И пила из источников в сквернах,
Что текут до морей и болот;
И в зловредных озерах увидела то,
что с поры той гнетет.

Посетила я замок старинный
И бродила по залу вдоль стен,
Где луна, поднимаясь с долины,
Освещает чудной гобелен;
Те обличья нестройные память
мою захватили в свой плен.

Трепеща, я из окон смотрела
На гниющий поблизости луг,
На деревню, что рядом скорбела

Под проклятьем надгробий вокруг;
Из белеющих мраморных урн
я внимательно слушала звук.

Я веков посещала могилы
И летала на страха крылах,
Где бушует Эреб со всей силы;
Где угрюмые горы в снегах:
И в мирах, где палит все светило,
не жалуя радость в лучах.

Я стара уж была, фараоны
Трон воздвигли на Ниле когда;
И состарилась в век отдаленный,
В коем я лишь была нечиста;
Человек же на острове в Арктике жил
без вины, как дитя.

О, грехов моих тяжесть огромна,
И огромен души моей рок;
Состраданье Небес мне никчемно,
Даже смерть не оттянет мой срок;
Мчатся крылья жестокого мрака
в эпох бесконечных чертог.

Мимо гулов, чрез дремы ворота,
Миновав лунной ночи простор,
Прожила свои жизни без счета,
Разузнал о вещах всех мой взор;
И я бьюсь и кричу до утра,
пока ужас берет на измор.

Astrophobos

In the midnight heavens burning
Thro' the ethereal deeps afar,
Once I watch'd with restless yearning
An alluring, aureate star;
Ev'ry eve aloft returning,
Gleaming nigh the Arctic car.

Mystic waves of beauty blended
With the gorgeous golden rays;
Phantasies of bliss descended
In a myrrh'd Elysian haze;
In the lyre-born chords extended
Harmonies of Lydian lays.

There (thought I) lie scenes of pleasure,
Where the free and blessed dwell,
And each moment bears a treasure
Freighted with the lotus-spell,
And there floats a liquid measure
From the lute of Israfel.

And (I told myself) were shining
Worlds of happiness unknown,
Peace and Innocence entwining
By the Crowned Virtue's throne;
Men of light, their thoughts refining
Purer, fairer, than my own.

Thus I mus'd when o'er the vision
Crept a red delirious change;
Hope dissolving to derision,
Beauty to distortion strange;
Hymnic chords in weird collision,
Spectral sights in endless range.

Crimson burn'd the star of madness
As behind the beams I peer'd;
All was woe that seem'd but gladness
Ere my gaze with truth was sear'd;
Cacodaemons, mir'd with madness,
Thro' the fever'd flick'ring leer'd.

Now I know the fiendish fable
That the golden glitter bore;
Now I shun the spangled sable

That I watch'd and lov'd before;
But the horror, set and stable,
Haunts my soul forevermore.

Астрофобия

В полночь во небес горенье
Сквозь эфирных бездн чреду
Зрел однажды я в томленье
В даль манящую звезду,
В выси ночи порожденье
Подле Арктоса в свету.

Волны красоты смешались
С током золотых лучей;
Счастья образы спускались
В дымке мирры до очей,
Да аккорды лир сливались
В песни, лад лидийский чей.

Там (я думал) мир отрады,
Где живут без зла и мук,
Каждый миг вскрывает клады
В чарах лотоса округ,
И там льется для услады
Лютни Израфеля звук.

И (сказал себе) сверкают
Царства там безвестных благ,
Мир, Невинность увивают
Добродетели очаг;
Света люд, чьи воспаряют
Думы – не взнестись мне так.

Я мечтал, но вдруг в картину
Вкрался чуждый красный бред,
Чаянье разбив в руину,
Красоту в обман сует,
Гимнов ноты в мешанину,
Виды в бесконечный след.

Ал был цвет звезды безумной,
Лишь в лучи я вперил взор;
Радость горестью подлунной
Стала, как раскрылся вздор;
Бесы в пелене безумной
Чрез мерцанье слали мор.

Знаю смысл теперь я знака,
Золотистый блеск что нес;
Избегаю в звездах мрака,

Бывшего предметом грез;
Страх устойчивый, однако,
Навсегда к душе прирос.

Sunset

The cloudless day is richer at its close;
A golden glory settles on the lea;
Soft, stealing shadows hint of cool repose
To mellowing landscape, and to calming sea.

And in that nobler, gentler, lovelier light,
The soul to sweeter, loftier bliss inclines;
Freed form the noonday glare, the favour'd sight
Increasing grace in earth and sky divines.

But ere the purest radiance crowns the green,
Or fairest lustre fills th' expectant grove,
The twilight thickens, and the fleeting scene
Leaves but a hallow'd memory of love!

Закат

День ясный краше на своем исходе,
Когда поля сиянье золотит;
Прохладу предвещает тень природе
И морю, что в безмолвии лежит.

В прекрасном свете ласковом таком
Душа впадает в райское блаженство;
Без яркой броскости, слепящей днем,
Везде открыто взору совершенство.

Но прежде, чем наполнит роскошь луг
Иль рощу, что снедает ожиданье,
Темнеет, и минутный вид вокруг
Нам оставляет лишь воспоминанье!

A Cycle of Verse / Стихотворный цикл
Oceanus

Sometimes I stand upon the shore
Where ocean vaults their effluence pour,
And troubled waters sigh and shriek
Of secrets that they dare not speak.
From nameless valleys far below,
And hills and plains no man may know,
The mystic swells and sullen surges
Hint like accursed thaumaturges
A thousand horrors, big with awe,
That long-forgotten ages saw.
O salt, salt winds, that bleakly sweep
Across the barren heaving deep:
O wild, wan waves, that call to mind
The chaos Earth hath left behind:
Of you I ask one thing alone —
Leave, leave your ancient lore unknown!

Clouds

Of late I climb'd a lonely height
And watch'd the moon-streak'd clouds in flight,
Whose forms fantastic reel'd and whirl'd
Like genii of a spectral world.
Thin cirri veil'd the silv'ry dome
And waver'd like the ocean foam,
While shapes of darker, heavier kind
Scudded before a daemon wind.
Methought the churning vapours took
Now and anon a fearsome look,
As if admist the fog and blur
March'd figures known and sinister.
From west to east the things advanc'd —
A mocking train that leap'd and danc'd
Like Bacchanals with joined hands
In endless file thro' airy lands.
Aërial mutt'rings, dimly heard,
The comfort of my spirit stirr'd

With hideous thoughts, that bade me screen
My sight from the portentous scene.
“Yon fleeing mists,” the murmurs said,
“Are ghost of hopes, deny’d and dead.”

Океан

Порой я выхожу на брег,
Где океан вершит набег,
И воды в буйстве голосят
О тайнах, что самих страшат.
С долин неназванных на дне,
С холмов безвестных в глубине
Валы угрюмые полны
Намеков, будто колдуны,
На страх да ужас без числа,
Эпоха чья давно прошла.
О ветр соленый, что несет
Волненье чрез пустыню вод:
О волны бурные, чей вид
Подобьем Хаосу дивит:

Прошу вас только об одном —
Молчать о знании своем!

Облака

Недавно я с холмов высот
Взирал на облаков полет,
Клубились что в лучах луны
Как духи призрачной страны.
Дрожали полосы паров,
Так схожи с пеной у брегов,
Темней и гуще ж туч ряды
Скользили ветра впереди.
Казалось мне, порой в клубах
Рождался образ, несший страх,
Как будто средь размытой мглы
Шагали формы, сутью злы.
К востоку с запада ступал
Кортеж глумливый и плясал,
Как в Вакха честь, к плечу плечом
Во всем пространстве неземном.
Эфира шепот, слышный чуть,

Привнес в покой мой мысли жуть,
И стал тогда невыносим
Сей вид знамением дурным.
«Все облака, – шептал мне глас, —
Лишь тень надежд, чей свет погас».

Mother Earth

One night I wander'd down the bank
Of a deep valley, hush'd and dank,
Whose stagnant air possess'd a taint
And chill that made me sick and faint.
The frequent trees on ev'ry hand
Loom'd like a ghastly goblin band,
And branches 'gainst the narrowing sky
Took shapes I fear'd – I knew not why.
Deeper I plung'd, and seem'd to grope
For some lost thing as joy or hope,
Yet found, for all my searchings there,
Naught save the phantoms of despair.
The walls contracted as I went
Still farther in my mad descent,

Till soon, of moon and stars bereft,
I crouch'd within a rocky cleft
So deep and ancient that the stone
Breath'd things primordial and unknown.
My hands, exploring, strove to trace
The features of the valley's face,
When midst the gloom they seem'd to find
An outline frightful to my mind.
Not any shape my straining eyes,
Could they have seen, might recognise;
For what I touch'd bespoke a day
Too old for man's fugacious sway.
The clinging lichens moist and hoary
Forbade me read the antique story;
But hidden water, trickling low,
Whisper'd the tales I should not know.
"Mortal, ephemeral and bold,
In mercy keep what I have told,
Yet think sometimes of what hath been,
And sights these crumbling rocks have seen;
Of sentience old ere thy weak brood

Appear'd in lesser magnitude,
And living things that yet survive,
Tho' not to human ken alive.
I AM THE VOICE OF MOTHER EARTH,
FROM WHENCE ALL HORRORS HAVE THEIR BIRTH."

Мать-Земля

Спускался я ночной порой
В долине, тихой и сырой,
Где затхлый воздух был столь гнил,
Что тошноту я ощутил.
Деревья с каждой стороны
Вздымались гоблинам сродни,
И в узком небе ветви их
Страшили из-за форм чудных.
Я словно там желал найти
Утрату – радости, мечты,
Но встретил в поиске своем
Лишь безысходности фантом.
Смыкался в стенах хладный дол,

Пока я вниз безумно шел,
И скоро в беспросветной мгле
Сдавил меня разлом в скале,
Кой был столь древен и глубок,
Что дух первичности сберег.
Стремясь на ощупь отыскать
Знакомый дола лик опять,
Я в темноте нашарил вдруг
Рельеф, кой вверг меня в испуг.
Могли б узреть его глаза,
Признать что было бы нельзя —
Я трогал нечто из эпох
Старей людьми отжитых крох.
Лишайник мокрый в том расколе
Прочесть рассказ мне не позволил,
Но нашептал ручей в стене,
Что знать не должно было мне.
«О смертный, срок чей зрим едва,
Запомни же мои слова,
О прошлом думай иногда,
О видах этих мест тогда,
О жизни, прежде чем твой род

Предстал в ничтожности забот,
И тварях, выживших с тех пор,
Хоть их людской не видит взор.
Я ГОЛОС МАТЕРИ-ЗЕМЛИ,
ИЗ НЕДР ЧЬИХ УЖАСЫ ВЗОШЛИ».

Despair

O'er the midnight moorlands crying,
Thro' the cypress forests sighing,
In the night-wind madly flying,
Hellish forms with streaming hair;
In the barren branches creaking,
By the stagnant swamp-pools speaking,
Past the shore-cliffs ever shrieking,
Damn'd demons of despair.

Once, I think I half remember,
Ere the grey skies of November
Quench'd my youth's aspiring ember,
Liv'd there such a thing as bliss;
Skies that now are dark were beaming,
Bold and azure, splendid seeming
Till I learn'd it all was dreaming —
Deadly drowsiness of Dis.

But the stream of Time, swift flowing,
Brings the torment of half-knowing —

Dimly rushing, blindly going
Past the never-trodden lea;
And the voyager, repining,
Sees the wicked death-fires shining,
Hears the wicked petrel's whining
As he helpless drifts to sea.

Evil wings in ether beating;
Vultures at the spirit eating;
Things unseen forever fleeting
Black against the leering sky.
Ghastly shades of bygone gladness,
Clawing fiends of future sadness,
Mingle in a cloud of madness
Ever on the soul to lie.

Thus the living, lone and sobbing,
In the throes of anguish throbbing,
With the loathsome Furies robbing
Night and noon of peace and rest.
But beyond the groans and grating
Of abhorrent Life, is waiting
Sweet Oblivion, culminating

All the years of fruitless quest.

Отчаяние

В полночь в вереске взвывают,
В кипарисах воздыхают,
В ветре бешено летают
Существа из адской мессы
Средь ветвей как ищут что-то,
Шепчут около болота,
Стонут из водоворота —
То отчаяния бесы.

До того, как столь нелепо
Вдруг ноябрьское небо
Стало молодости склепом,
Счастье жило там со мной;
Небо ведь тогда лучилось
И лазурью как искрилось,
Но я понял: это снилось —
В Дита дреме гробовой.

Все же время быстро мчится,
Боль незнанья в нем таится —

Слепо путь его ложится
Там, никто где не ступал;
Мореплаватель в рыданье
Смерти зрит огней сиянье,
Слышит горя предсказанье —
Волн игрушкой ведь он стал.

Злые крылья в небе бьются;
Грифы в разуме скребутся;
Существа из бреда вьются
Чернотой по небесам.
Тени радости летучей,
Бесы новой грусти жгучей
В душу движут хмурой тучей,
Чтоб осесть навечно там.

Жизнь такая – со слезами,
Мук терзаема штормами,
Фурий мерзостных когтями
Мира лишена всегда.
Но за Жизнью ожидает
Тех, кто стонет и страдает,
То Забвенье, что венчает

Тщетных поисков года.

Revelation

In a vale of light and laughter,
Shining ‘neath the friendly sun,
Where fulfilment follow’d after
Ev’ry hope or dream begun;
Where an Aidenn, gay and glorious,
Beckon’d down the winsome way;
There my soul, o’er pain victorious,
Laugh’d and lingered – yesterday.

Green and narrow was my valley,
Temper’d with a verdant shade;
Sun-deck’d brooklets musically
Sparkled thro’ each glorious glade;
And at night the stars serenely
Glow’d betwixt the boughs o’erhead,
While Astarte, calm and queenly,
Floods of fairy radiance shed.

There amid the tinted bowers,
Raptur’d with the opiate spell

Of the grasses, ferns and flowers,
Poppy, phlox and pimpernel,
Long I lay, entranc'd and dreaming,
Pleas'd with Nature's bounteous store,
Till I mark'd the shaded gleaming
Of the sky, and yearn'd for more.

Eagerly the branches tearing,
Clear'd I all the space above,
Till the bolder gaze, high faring,
Scann'd the naked skies of Jove;
Deeps unguess'd now shone before me,
Splendid beam'd the solar car;
Wings of fervid fancy bore me
Out beyond the farthest star.

Reaching, gasping, wishing, longing
For the pageant brought to sight,
Vain I watch'd the gold orbs thronging
Round the celestial poles of light.
Madly on a moonbeam ladder
Heav'ns abyss I sought to scale,
Ever wiser, ever sadder,

As the fruitless task would fail.

Then, with futile striving sated,
Veer'd my soul to earth again,
Well content that I was fated
For a fair, yet low domain;
Pleasing thoughts of glad tomorrows,
Like the blissful moments past,
Lull'd to rest my transient sorrows,
Still'd my godless greed at last.

But my downward glance, returning,
Shrank in fright from what it spy'd;
Slopes in hideous torment burning,
Terror in the brooklet's tide:
For the dell, of shade denuded
By my desecrating hand,
'Neath the bare sky blaz'd and brooded
As a lost, accursed land.

Откровение

В той долине смеха, света,
Внемлющей благим лучам,
Где недолго ждать ответа
Всем надеждам и мечтам,
Звал где Айденн в путь веселый,
Райской красотой искря —
Там душа моя без боли
В счастье нежилась – вчера.

Был мой дол зеленый, тесный,
В мягком сумраке листвы,
Ручейки на солнце с песней
Пенились среди травы;
Ночью звезды безмятежно
Ярко тлели в небесах,
И Астарты свет неспешно
Изливался в чудесах.

Средь раскрашенных беседок,
Опьяненный колдовством

Папоротниковых веток,
Маков с флоксами кругом,
Долго я лежал в мечтанье,
От щедрот Природы млел,
Вдруг узрел в листве мельканье
Неба – больше захотел.

Вырвав ветви торопливо,
Я расчистил вверх проход
И взметнул свой взгляд пытливо
Ввысь на обнаженный свод:
Бездны в яви засверкали,
Солнца пышно расцвели;
Крылья грез меня умчали
С дола прочь к звезде вдали.

Тотчас возжелав без меры
Сей открывшейся красы,
Тщетно я глядел на сферы
В злате вкруг небес оси.
Как безумный в бездну свода
Лез я по лучам луны —
Мудрость, скорбь взамен полета

Лишь познал до глубины.

Утомлен пустым стараньем,
На земную встал стезю
И смирился с обитаньем
В месте чудном, но внизу;
О приятном завтра думой,
Как о счастье в миг былой,
Вышел из тоски угрюмой,
Алчный грех изгнал долой.

Но мой взгляд при возвращенье
Отвратил внизу кошмар —
Склоны в адовом горенье,
В русле ручейка лишь пар:
Ибо дол, лишенный тени
Оскверняющей рукой,
Полыхал огнем геенны
Под дугой небес нагой.

To Edward John Moreton Drax Plunkett, Eighteenth Baron Dunsany

As when the sun above a dusky wold
Springs into sight, and turns the gloom to gold,
Lights with his magic beams the dew-deck'd bow'rs,
And wakes to life the gay responsive flow'rs;
So now o'er realms where dark'ning dulness lies,
In solar state see shining Plunkett rise!
Monarch of Fancy! whose ethereal mind
Mounts fairy peaks, and leaves the throng behind;
Whose soul untainted bursts the bounds of space,
And leads to regions of supernal grace;
Can any praise thee with too strong a tone,
Who in this age of folly gleam'st alone?
Thy quill, Dunsany, with an art divine

Recalls the gods to each deserted shrine;

From mystic air a novel pantheon makes,

And with new spirits fills the meads and brakes;

With thee we wander thro' primeval bow'rs,

For thou hast brought earth's childhood back, and ours!

How leaps the soul, with sudden bliss increas'd,

When led by thee to lands beyond the East!

Sick of this sphere, in crime and conflict old,

We yearn for wonders distant and untold;

O'er Homer's page a second time we pore,

And rack our brains for gleams of infant lore:

But all in vain – for valiant tho' we strive

No common means those pictures can revive.

Then dawns Dunsany with celestial light,

And fulgent visions break upon our sight:

His barque enchanted each sad spirit bears

To shores of gold, beyond the reach of cares.

No earthly trammels now our thoughts may chain;

For childhood's fancy hath come back again!

What glitt'ring worlds now wait our eager eyes!

What roads untrodden beckon thro' the skies!

Wonders on wonders line the gorgeous ways,

And glorious vistas greet the ravish'd gaze;

Mountains of clouds, castles of crystal dreams,

Ethereal cities and Elysian streams;

Temples of blue, where myriad stars adore

Forgotten gods of aeons gone before!

Such are thine arts, Dunsany, such thy skill,

That scarce terrestrial seems thy moving quill;

Can man, and man alone, successful draw

Such scenes of wonder and domains of

awe?
Our hearts, enraptur'd, fix thy mind's abode
In high Pegãna; hail thee as a god;
And sure, can aught more high or godlike be
Than such a fancy as resides in thee?
Delighted Pan a friend and peer perceives
As thy sweet music stirs the sylvan leaves;
The Nine, transported, bless thy golden lyre,
Approve thy fancy, and applaud thy fire;
Whilst Jove himself assumes a brother's tone,
And vows thy pantheon equal to his own.
Dunsany, may thy days be glad and long;
Replete with visions, and atune with song;
May thy rare notes increasing millions cheer,
Thy name beloved, and thy mem'ry dear!
'Tis thou who hast in hours of dulness brought
New charms of language, and new gems of thought;
Hast with a poet's grace enrich'd the earth

With aureate dreams as noble as thy birth.
Grateful we name thee, bright with fix'd renown,
The fairest jewel in Hibernia's crown.

Эдварду Джону Мортону Драксу Планкетту, восемнадцатому барону Дансени

Как солнце над долиной в темноте
Встает и льется золотом везде,
Лучами волшебства живит росу
И пробуждает вновь цветов красу,
Так и над царствами, что мрак гнетет,
В сиянье зрите Планкетта восход!
Монарх Фантазий! Ум чей неземной
От толп влечется сказки вышиной,
Душа чья из обыденных пространств
Ведет в края божественных убранств;
Тебя возможно ль слишком вознести,
Коль светишь в глупый век один лишь ты?
Твое перо, Дансени, мастерством
Богов вновь кажет в капище пустом,
Творит из тайн небесных пантеон
И селит духов средь травы и крон;

С тобой блуждаем в девственном лесу —
Вернул Земле ты юную красу!
Как скачет сердце в счастье без тревог,
Тобой ведомое вдаль за Восток!
Устав от сферы нашей в зле, вражде,
Мы жаждем див во всей их полноте;
Гомера стих второй читаем раз,
Постичь устои ранние стремясь:
Но тщетно – хоть отважен наш почин,
Привычное нейдет из тех картин.
Тогда Дансени всходит, свет небес,
Являя нам видения чудес:
Уносит барк его, изгнав печаль,
В лишенную сует златую даль.
Земному наших мыслей не поймать —
Вернулась детская мечта опять!
Что за миры откроются глазам!
Что за дороги манят к небесам!
За чудом чудо стелют пышный путь,
От ярких видов взгляд не отвернуть:

Блаженств река, дворец хрустальных снов,
Бесплотный град, нагорья облаков
И храмы в синем, звезды в коих чтят
Богов, забытых эоны назад!
Дансени, пишешь с даром ты таким,
Какой едва ли может быть земным —
Всю эту невидаль да ужас ведь
Не в силах человек простой воспеть!
Стремимся сердцем в дом души твоей
В Пегане – ты подобен богу в ней;
И впрямь, что может быть столь высоко,
Как взлет воображенья твоего?
Для Пана ровня ты и верный друг,
Когда твоих мелодий льется звук;
Твою возносят лиру девять муз,
Хваля за пыл фантазии и вкус;
Юпитер даже держит братский тон,
Равняя своему твой пантеон.
Дансени, пусть твои продлятся дни
И будут песен, образов полны,

Твоя пусть слава будет велика,
А имя сохранится на века!
В застой как свежих замыслов родник,
Привнес ты чары новые в язык,
Тобой улучшена мечтой земля —
Преблагородной, как и кровь твоя.
Поем тебе в признательность за труд,
Венца Гиберии о изумруд!

The City

It was golden and splendid,
That City of light;
A vision suspended
In deeps of the night;
A region of wonder and glory,
whose temples were marble and white.

I remember the season
It dawn'd on my gaze;
The mad time of unreason,
The brain-numbing days
When Winter, white-sheeted and ghastly
stalks onward to torture and craze.

More lovely than Zion
It shone in the sky,
When the beams of Orion
Beclouded my eye,
Bringing sleep that was fill'd with dim mem'ries
of moments obscure and gone by.

Its mansions were stately
With carvings made fair,
Each rising sedately
On terraces rare,
And the gardens were fragrant and bright
with strange miracles blossoming there.

The avenues lur'd me
With vistas sublime;
Tall arches assur'd me
That once on a time
I had wander'd in rapture beneath them,
and bask'd in the Halcyon clime.

On the plazas were standing
A sculptur'd array;
Long-bearded, commanding,
rave men in their day —
But one stood dismantled and broken,
its bearded face batter'd away.

In that city effulgent
No mortal I saw;
But my fancy, indulgent

To memory's law,
Linger'd long on the forms in the plazas, and eyed
their stone features with awe.

I fann'd the faint ember
That glow'd in my mind,
And strove to remember
The aeons behind;
To rove thro' infinity freely,
and visit the past unconfin'd.

Then the horrible warning
Upon my soul sped
Like the ominous morning
That rises in red,
And in panic I flew from the knowledge
of terrors forgotten and dead.

Город

Был прекрасным и пышным
Тот город в свету;
Пронзал неподвижным
Ночи темноту;
Край чуда, блаженства, где мрамором храмы
взнеслись в высоту.

Вспоминаю я бремя
Поры как тюрьма;
То безумия время,
Дни мыслей ярма,
Когда жуть Зимы в белом саване мучит
и сводит с ума.

Он прекрасней Сиона
Сверкал в небесах,
Свет когда Ориона
Застлал мне глаза,
Сном окутав из воспоминаний времен,

чья
померкла краса.

Дворцы величавы,
С прекрасной резьбой,
Вздымали в высь главы,
В даль шли чередой,
А сады в аромате цвели там невиданной
яркой волшбой.

Аллеи манили
Своим колдовством,
А своды твердили:
Когда-то, в былом,
Я в восторге под ними бродил, наслаждаясь
спокойным теплом.

Скульптуры стояли
На его площадях,
Величье являли
Вожди о брадах —
Одна же стояла со стертым лицом и разбитой

в местах.

Среди града сиянья
Не зрел я людей;
Но вот те изваянья
Суровых вождей
Мои мысли нескоро совсем отпустили
из страха когтей.

Углей тлевших пламя
Я в душе раздувал,
Эпохи упрямо
С трудом вспоминал,
Чтоб вольно войти в бесконечность – в былое
тогда б я попал.

Но угрозы ужасной
Вслед знак мне был дан,
Как восход в день злосчастный,
Что цветом багрян,
И бежал я от знаний кошмаров забытых, был к коим
не зван.

Bells

I hear the bells from yon imposing tow'r;
The bells of Yuletide o'er a troubled night;
Pealing with mock'ry in a dismal hour
Upon a world upheav'd with greed and fright.

Their mellow tones on myriad roofs resound;
A million restless souls attend the chime;
Yet falls their message on a stony ground —
Their spirit slaughter'd with the sword of Time.

Why ring in counterfeit of happy years
When calm and quiet rul'd the placid plain?
Why with familiar strains arouse the tears
Of those who ne'er may know content again?

How well I knew ye once – so long ago —
When slept the ancient village on the slope;
Then rang your accents o'er the starlit

snow
In gladness, peace, and sempiternal hope.

In fancy yet I view the modest spire;
The peaked roof, cast dark against the moon;
The Gothic windows, glowing with a fire
That lent enchantment to the brazen tune.

Lovely each snow-drap'd hedge beneath the beams
That added silver to the silver there;
Graceful each col, each lane, and all the streams,
And glad the spirit of the pine-ting'd air.

A simple creed the rural swains profess'd,
In simple bliss among the hills they dwelt;
Their hearts were light, their honest souls at rest;
Cheer'd with the joys by reas'ning mortals felt.

But on the scene a hideous blight intrudes;
A lurid nimbus hovers o'er the land;
Demoniac shapes low'r black above the

woods,
And by each door malignant shadows stand.

The jester Time stalks darkly thro' the mead;
Beneath his tread contentment dies away.
Hearts that were light with causeless anguish bleed,
And restless souls proclaim his evil sway.

Conflict and change beset the tott'ring world;
Wild thoughts and fancies fill the common mind;
Confusion on a senile race is hurl'd,
And crime and folly wander unconfin'd.

I hear the bells – the mocking cursed bells
That wake dim memories to haunt and chill;
Ringing and ringing o'er a thousand hells —
Fiends of the Night – why can ye not be still?

Колокола

Той башни слышу я колокола,
В ночи тревожной Йоля гулкий звук,
Глумливо раздающийся в час зла
Над миром, где царят корысть, испуг.

От эха крыш бессчетных звон сочней;
Сонм скорбных душ весь обращен во слух;
Но канет их посланье средь камней —
Зарезан Времени мечом их дух.

Зачем звонят подделкою времен,
Когда покой царил в долине той?
Зачем вгоняет в грусть знакомый звон
Лишенных ныне радости простой?

Как хорошо знавал в былом я вас,
Когда селенье зрело снов чреду;
Тогда звенел над снегом в ночь ваш глас
В надежде вечной, в счастье и в ладу.

Вот вижу невысокий шпиль как в сне,
Под лунным светом крыши силуэт,
Готические окна, все в огне,
Привнес который в меди песнь секрет.

В снегу ограды красит блеск лучей,
От коих стало больше серебра,
Изящны перевалы, тропки и ручей,
Приятны с запахом сосны ветра.

Была наивной вера у селян,
В наивном счастье жили средь холмов;
Сердца их, души не точил изъян,
Веселье было гостем их домов.

Приходит гибель вдруг в сии места,
Над краем жуткий ореол парит,
На лес ложится бесов чернота,
По тени злобной у дверей стоит.

Чрез луг тайком крадется Время-шут —
Довольство вянет под его стопой.
Сердца ж теперь мучения гнетут,
И правит Время скорбных душ толпой.

Грозят раздор и хаос тем краям,
В умы приходят дикие мечты;
На племя дряхлое низвергнут срам,
Кругом безумья и злодейств следы.

Колокола – их звон глумлив, презрен,
И заставляет что-то вспоминать;
Звонят, звонят над тысячей геенн —
Ночные бесы – что ж вам не смолчать?

The House

‘Tis a grove-circled dwelling
Set close to a hill,
Where the branches are telling
Strange legends of ill;
Over timbers so old
That they breathe of the dead,
Crawl the vines, green and cold,
By strange nourishment fed;

In the gardens are growing
Tall blossoms and fair,
Each pallid bloom throwing
Perfume on the air;
But the afternoon sun
With its shining red rays
Makes the picture loom dun
On the curious gaze,
And above the sweet scent of the blossoms
rise odours of numberless days.

The rank grasses are waving
On terrace and lawn,
Dim memories sav'ring
Of things that have gone;
The stones of the walks
Are encrusted and wet,
And a strange spirit stalks
When the red sun has set,
And the soul of the watcher is fill'd
with faint pictures he fain would forget.

It was in the hot Junetime
I stood by that scene,
When the gold rays of noontime
Beat bright on the green.
But I shiver'd with cold,
Groping feebly for light,
As a picture unroll'd —
And my age-spanning sight
Saw the time I had been there
before flash like fulgury out of the night.

Дом

В роще дом сей построен
Почти под холмом,
Шелест где беспокоен
Ветвей о дурном;
А по древним доскам,
В коих смерть прижилась,
Вьются лозы к верхам,
Пищей странной кормясь;
И не знает никто, что за соки сосут
из-под грядок как грязь.

В тех садах вырастают
Цветы для услад,
Белизной источают
Вокруг аромат;
Но вот в солнца заход
Всех лучей краснота
Бурым вид обдает,
Посмотреть коль туда,
И встает над цветами душок,

источают который года.

Там колышутся травы
Лужаек окрест,
Словно память о яви,
Ушедшей с тех мест;
И булыжники троп
Поросли всюду мхом,
Поступь призрачных стоп
Зрима в мраке ночном,
Душу зрителя ж полнят картины,
что лучше не помнить потом.

Раз в июне я жарком
Вновь там побывал,
В полдня золоте ярком
Лесок весь сверкал.
Но озноб бил меня,
И померк будто свет:
Вид раскрылся сполна,
И сквозь множество лет
Словно вспышкой в ночи увидал пору я,
где остался мой след.

The Nightmare Lake

There is a lake in distant Zan,
Beyond the wonted haunts of man,
Where broods alone in a hideous state
A spirit dead and desolate;
A spirit ancient and unholy,
Heavy with fearsome melancholy,
Which from the waters dull and dense
Draws vapors cursed with pestilence.
Around the banks, a mire of clay,
Sprawl things offensive in decay,
And curious birds that reach that shore
Are seen by mortals nevermore.
Here shines by day the searing sun
On glassy wastes beheld by none,
And here by night pale moonbeams flow
Into the deeps that yawn below.
In nightmares only is it told
What scenes beneath those beams unfold;
What scenes, too old for human sight,

Lie sunken there in endless night;
For in those depths there only pace
The shadows of a voiceless race.
One midnight, redolent of ill,
I saw that lake, asleep and still;
While in the lurid sky there rode
A gibbous moon that glow'd and glow'd.
I saw the stretching marshy shore,
And the foul things those marshes bore:
Lizards and snakes convuls'd and dying;
Ravens and vampires putrefying;
All these, and hov'ring o'er the dead,
Necrophagi that on them fed.
And as the dreadful moon climb'd high,
Fright'ning the stars from out the sky,
I saw the lake's dull water glow
Till sunken things appear'd below.
There shone unnumber'd fathoms down,
The tow'rs of a forgotten town;
The tarnish'd domes and mossy walls;
Weed-tangled spires and empty halls;
Deserted fanes and vaults of dread,

And streets of gold uncoveted.
These I beheld, and saw beside
A horde of shapeless shadows glide;
A noxious horde which to my glance
Seem'd moving in a hideous dance
Round slimy sepulchres that lay
Beside a never-travell'd way.
Straight from those tombs a heaving rose
That vex'd the waters' dull repose,
While lethal shades of upper space
Howl'd at the moon's sardonic face.
Then sank the lake within its bed,
Suck'd down to caverns of the dead,
Till from the reeking, new-stript earth
Curl'd foetid fumes of noisome birth.
About the city, nigh uncover'd,
The monstrous dancing shadows hover'd,
When lo! there oped with sudden stir
The portal of each sepulchre!
No ear may learn, no tongue may tell
What nameless horror then befell.
I see that lake – that moon agrin —

That city and the things within —
Waking, I pray that on that shore
The nightmare lake may sink no more!

Озеро кошмаров

Есть озеро средь края Зан,
Не из любимых людом стран —
Там бродит жуткий мертвый дух,
Чей шаг не различим на слух;
Древнейший призрак, нечестивый,
Столь одинокий и тоскливый,
Кой из густых и мутных вод
Выводит пар, что мор несет.
У топких илистых краев
Противно от гнилых душков,
А птиц, заманит коих брег,
Уж смертным не видать вовек.
Здесь солнце целый день палит
Пустую гладь, что глаз не зрит,
А ночью бьют лучи луны
В зиянье черной глубины.
Но молвят только в страшных снах,
Что возникает в тех лучах,
Что, не пропав в эпох чреде,

Лежит там в вечной темноте —
Ведь в тех глубинах различишь
Безгласной расы тени лишь.
Раз в полночь – немочь для души —
Я зрел то озеро в тиши,
Когда сквозь неба злой оскал
Ущербный месяц воссиял.
Я видел вязкий длинный брег
И тех, кто топи не избег:
Рептилий, в муках смерти ждущих,
Вампиров, воронов гниющих —
Над мертвецами же парил
Злой образ трупоедов крыл.
Ужасный месяц ввысь взошел,
На звезды в небе страх навел,
И в блеске вод открылось мне,
Таилось что досель на дне.
Сквозь жуткую пучину всю
Забытый град сверкал внизу:
Тускнеющие купола,
Во травах шпили без числа,
Пустые храмы, в сводах ил,

Нетронутый златой настил.
И тут скользнула в стороне
Орда бесформенных теней —
Орда отравы, что тотчас
Пустилась в безобразный пляс
Средь мерзостных гробниц рядов
Близ троп, на коих нет следов.
Вдруг вздулось кладбище дугой,
Нарушив вялых вод покой,
А от теней понесся крик
На лунный саркастичный лик.
Вслед вод озерных ток взбурлил
И хлынул в полости могил —
И вот с родившейся земли
Клубы зловонья поползли.
Над градом, что уж обмелел,
Теней ужасных сонм висел,
И – глядь! – распахнута теперь
В гробнице мрачной каждой дверь!
И тут уж описать нельзя,
Кой безымянный ужас начался.
Вот озеро – тот град – луна —

И твари – я, восстав из сна,
Молюсь, чтоб омывался брег
Кошмаров озера вовек!

To Phillis

(With humblest possible apologies to Randolph St. John, Gent.)

Ah, Phillis, had I but bestow'd the art
Upon my verses, that I vainly gave
To fond designs and schemes to win your heart,
And tributes that abas'd me as your slave;
If that fine fervour that I freely pour'd
In suppliance at your feet had liv'd in rhyme,
And the soft warmth wherewith my soul ador'd
Been sav'd in numbers for applauding Time;
Had all th' affection, spent on you alone,
Provok'd my fancy to poetic flights:
Fill'd my rapt brain with passions not my own,
And wafted me to dizzy lyric heights;
The scanty laurels of this feeble quill,

Believe me, kid, would sure be scantier still!

К Филлис

(С покорнейшими извинениями Рэндольфу Сент-Джону, джентльмену)

Ах, Филлис, если б я умел творить
Искусно строфы, коими напрасно
Твое замыслил сердце покорить,
Унизившись как раб тебе подвластный;
Тот если б пыл, что изливал я рьяно
У ног твоих, был в рифме отражен,
И теплота души, тобой лишь пьяной,
В стихах бы сохранилась для Времен;
Вся если бы любовь к тебе одной
Подвигла к поэтическим полетам:
Чужие страсти влив в рассудок мой,
Враз вознесла б к лирическим высотам —
То лавры скудные, что мной даны,
Поверь мне, крошка, были б все ж скудны!

Nathicana

It was in the pale gardens of Zaïs;
The mist-shrouded gardens of Zaïs,
Where blossoms the white nephalotë,
The redolent herald of midnight.
There slumber the still lakes of crystal,
And
streamlets that flow without murm'ring;
Smooth streamlets from caverns of Kathos
Where brood the calm spirits of twilight.
And over the lakes and the streamlets
Are bridges of pure alabaster,
White bridges all cunningly carven
With figures of fairies and daemons.
Here glimmer strange suns and strange planets,
And strange is the crescent Banapis
That sets 'yond the ivy-grown ramparts
Where thickens the dusk of the evening.
Here fall the white vapours of Yabon;

And here in the swirl of vapours
I saw the divine Nathicana;
The garlanded, white Nathicana;
The slender, black-hair'd Nathicana;
The slow-ey'd, red-lipp'd Nathicana;
The silver-voic'd, sweet Nathicana;
The pale-rob'd, belov'd Nathicana.
And ever was she my belovèd,
From ages when time was unfashion'd;
From days when the stars were not fashion'd
Nor any thing fashion'd but Yabon.
And here dwelt we ever and ever,
The innocent children of Zaïs,
At peace in the paths and the arbours,
White-crown'd with the blest nephalotë.
O'er flow'r-cover'd pastures and hillsides
All white with the lowly astalthon;
The lowly yet lovely astalthon,
And dream in a world made of dreaming
The dreams that are fairer than Aidenn;
Bright dreams that are truer than reason!

So dream'd and so lov'd we thro' ages,
Till came the curs'd season of Dzannin;
The daemon-damn'd season of Dzannin;
When red shone the suns and the planets,
And red gleam'd the crescent Banapis,
And red fell the vapours of Yabon.
Then redden'd the blossoms and streamlets
And lakes that lay under the bridges,
And even the calm alabaster
Glow'd pink with uncanny reflections
Till all the carv'd fairies and daemons
Leer'd redly from the backgrounds of shadow.
Now redden'd my vision, and madly
I strove to peer thro' the dense curtain
And glimpse the divine Nathicana;
The pure, ever-pale Nathicana;
The lov'd, the unchang'd Nathicana.
But vortex on vortex of madness
Beclouded my labouring vision;
My damnable, reddening vision
That built a new world for my seeing;

A new world of redness and darkness,
A horrible coma call'd living.
So now in this coma call'd living
I view the bright phantoms of beauty;
The false, hollow phantoms of beauty
That cloak all the evils of Dzannin.
I view them with infinite longing,
So like do they seem to my lov'd one;
So shapely and fair like my lov'd one;
Yet foul from their eyes shines their evil;
Their cruel and pitiless evil,
More evil than Thaphron and Latgoz,
Twice ill for its gorgeous concealment.
And only in slumbers of midnight
Appears the lost maid Nathicana,
The pallid, the pure Nathicana
Who fades at the glance of the dreamer.
Again and again do I seek her;
I woo with deep draughts of Plathotis,
Deep draughts brew'd in wine of Astarte
And strengthen'd with tears of long weeping.

I yearn for the gardens of Zaïs;
The lovely lost gardens of Zaïs
Where blossoms the white nephalotë,
The redolent herald of midnight.
The last potent draught am I brewing;
A draught that the daemons delight in;
A draught that will banish the redness;
The horrible coma call'd living.
Soon, soon, if I fail not in brewing,
The redness and madness will vanish,
And deep in the worm-people'd darkness
Will rot the base chains that have bound me.
Once more shall the gardens of Zaïs
Dawn white on my long-tortur'd vision,
And there midst the vapours of Yabon
Will stand the divine Nathicana;
The deathless, restor'd Nathicana
Whose like is not met with in living.

Натикана

То было в садах бледных Зайса,
В садах затуманенных Зайса,
Где белый цветет нефалотис,
Предвестник полуночи нежный.
Хрустальные спят там озера,
Ручьи молчаливо струятся,
Ручьи из пещер края Катос,
Нависли где сумерек духи.
Поверх же озер и ручьев тех
Мосты из чистейшего гипса,
Мосты в белизне и с резными
Фигурами фей и злых бесов.
Мерцают здесь странные солнца,
И странен Банаписа месяц,
За валом в плюще что садится,
Густеет где вечера сумрак.
Белеет здесь Йабона дымка;
И в вихре ее мне явилась
Небесная дочь Натикана,

В венке и бела Натикана,
Власами черна Натикана,
Прекрасна челом Натикана,
И гласом сладка Натикана,
Вся в белом, любовь Натикана.
Любовью моей она стала
В эпохи еще до созданья
Созвездий и времени даже,
Когда только Йабон был создан.
Здесь жили мы целую вечность,
Как дети невинные Зайса,
В покое средь троп и беседок,
Вплетая в венки нефалотис.
How oft would we float in the twilight
Как часто парили мы в мраке
Над ширью полей и предгорий,
Белел где смиренный асталтон,
Смиренный, но чудный асталтон,
И зрели мы в мире видений
Виденья прекрасней, чем Айденн,
Виденья правдивее яви!
Так в грезах, в любви шли эпохи,

Пока не настал сезон Дзаннин,
Тот проклятый ввек сезон Дзаннин,
Когда покраснели все солнца,
Стал красным Банаписа месяц,
Окрасилась Йабона дымка.
Затем покраснели соцветья,
Озера, ручьи под мостами,
И гипс безмятежный залился
Румяным оттенком столь жутким,
Что бесы и феи резные
Зардели зловеще во мраке.
Мне зрение красным застлало,
И скрылась за плотной завесой
Небесная дочь Натикана,
Вся в белом, чиста Натикана,
Все та же любовь Натикана.
За вихрями вихри безумья
Затмили мне в немощи зренье;
Проклятое в красном все зренье,
Открыло что взору мир новый,
Мир новый во мраке и красном,
Жуть комы под жизни названьем.

И в коме под жизни названьем
Красы лицезрю я фантомы,
Красы лишь пустые фантомы,
Что Дзаннина зло все скрывают.
Я зрю их с безмерным желаньем,
Так схожи они с моей милой,
Блистают красой моей милой,
Но очи скверны их пороком,
Жестоким и лютым пороком,
Затмившим и Тафрон, и Латгоз
Красой своей вдвое страшнее.
И только в полночных виденьях
Приходит теперь Натикана,
Бледна и чиста Натикана,
Но тает при взгляде сновидца.
Ищу ее снова и снова
С Платотиса крепкою дозой,
Сварил что на винах Астарты,
Скрепляя своими слезами.
Томлюсь по садам бледным Зайса,
Чудесным садам бледным Зайса,
Где белый цветет нефалотис,

Предвестник полуночи нежный.
Последнюю дозу готовлю,
Ту дозу, что радует бесов,
Ту дозу, что красное скроет,
Жуть комы под жизни названьем.
И скоро, варю если верно,
Безумье и красное сгинут,
В глубинах червивого мрака
Оковы мои распадутся.
И снова сады будут Зайса
Белеть пред измученным взором,
И в Йабона дымке предстанет
Небесная дочь Натикана,
Бессмертная та Натикана,
Подобия коей нет в жизни.

Nyarlathotep

Nyarlathotep... the crawling chaos... I am the last... I will tell the audient void...

I do not recall distinctly when it began, but it was months ago. The general tension was horrible. To a season of political and social upheaval was added a strange and brooding apprehension of hideous physical danger; a danger widespread and all-embracing, such a danger as may be imagined only in the most terrible phantasms of the night. I recall that the people went about with pale and worried faces, and whispered warnings and prophecies which no one dared consciously repeat or acknowledge to himself that he had heard. A sense of monstrous guilt was upon the land, and out of the abysses between the stars swept chill currents that made men shiver in dark and lonely places. There was a demoniac alteration in the sequence of the seasons the autumn heat lingered fearsomely, and everyone felt that the world and perhaps the universe had passed from the control of known gods or forces to that of gods or forces which were unknown.

And it was then that Nyarlathotep came out of Egypt. Who he was, none could tell, but he was of the old

native blood and looked like a Pharaoh. The fellahin knelt when they saw him, yet could not say why. He said he had risen up out of the blackness of twenty-seven centuries, and that he had heard messages from places not on this planet. Into the lands of civilisation came Nyarlathotep, swarthy, slender, and sinister, always buying strange instruments of glass and metal and combining them into instruments yet stranger. He spoke much of the sciences of electricity and psychology and gave exhibitions of power which sent his spectators away speechless, yet which swelled his fame to exceeding magnitude. Men advised one another to see Nyarlathotep, and shuddered. And where Nyarlathotep went, rest vanished, for the small hours were rent with the screams of nightmare. Never before had the screams of nightmare been such a public problem; now the wise men almost wished they could forbid sleep in the small hours, that the shrieks of cities might less horribly disturb the pale, pitying moon as it glimmered on green waters gliding under bridges, and old steeples crumbling against a sickly sky.

It was in the hot autumn that I went through the night with the restless crowds to see Nyarlathotep; through the stifling night and up the endless stairs into the choking room. And shadowed on a screen, I

saw hooded forms amidst ruins, and yellow evil faces peering from behind fallen monuments. And I saw the world battling against blackness; against the waves of destruction from ultimate space; whirling, churning, struggling around the dimming, cooling sun. Then the sparks played amazingly around the heads of the spectators, and hair stood up on end whilst shadows more grotesque than I can tell came out and squatted on the heads. And when I, who was colder and more scientific than the rest, mumbled a trembling protest about imposture and static electricity, Nyarlathotep drove us all out, down the dizzy stairs into the damp, hot, deserted midnight streets.

I screamed aloud that I was not afraid; that I never could be afraid; and others screamed with me for solace. We swore to one another that the city was exactly the same, and still alive; and when the electric lights began to fade we cursed the company over and over again, and laughed at the queer faces we made.

I believe we felt something coming down from the greenish moon, for when we began to depend on its light we drifted into curious involuntary marching formations and seemed to know our destinations though we dared not think of them. Once we looked at the pavement and found the blocks loose and displaced by grass, with scarce a line of rusted metal

to shew where the tramways had run. And again we saw a tram-car, lone, windowless, dilapidated, and almost on its side. When we gazed around the horizon, we could not find the third tower by the river, and noticed that the silhouette of the second tower was ragged at the top. Then we split up into narrow columns, each of which seemed drawn in a different direction. One disappeared in a narrow alley to the left, leaving only the echo of a shocking moan. Another filed down a weed-choked subway entrance, howling with a laughter that was mad. My own column was sucked toward the open country, and presently I felt a chill which was not of the hot autumn; for as we stalked out on the dark moor, we beheld around us the hellish moon-glitter of evil snows. Trackless, inexplicable snows, swept asunder in one direction only, where lay a gulf all the blacker for its glittering walls. The column seemed very thin indeed as it plodded dreamily into the gulf. I lingered behind, for the black rift in the green-litten snow was frightful, and I thought I had heard the reverberations of a disquieting wail as my companions vanished; but my power to linger was slight. As if beckoned by those who had gone before, I half-floated between the titanic snowdrifts, quivering and afraid, into the sightless vortex of the unimaginable.

Screamingly sentient, dumbly delirious, only the gods that were can tell. A sickened, sensitive shadow writhing in hands that are not hands, and whirled blindly past ghastly midnights of rotting creation, corpses of dead worlds with sores that were cities, charnel winds that brush the pallid stars and make them flicker low. Beyond the worlds vague ghosts of monstrous things; half-seen columns of unsanctifled temples that rest on nameless rocks beneath space and reach up to dizzy vacua above the spheres of light and darkness. And through this revolting graveyard of the universe the muffled, maddening beating of drums, and thin, monotonous whine of blasphemous flutes from inconceivable, unlighted chambers beyond Time; the detestable pounding and piping whereunto dance slowly, awkwardly, and absurdly the gigantic, tenebrous ultimate gods the blind, voiceless, mindless gargoyles whose soul is Nyarlathotep.

Ньярлатхотеп

Ньярлатхотеп… Ползучий хаос… Я последний… Мне будет внимать пустота…

Не помню точно, когда все началось, но с тех пор прошло уже несколько месяцев. Царившая повсеместно напряженность была воистину ужасной. К политическим и социальным потрясениям прибавилось непостижимое и тягостное ощущение скрытой физической угрозы, угрозы всеобщей и всеохватывающей, угрозы, какую можно представить только в ужаснейших фантомах ночи. Помню, люди ходили с бледными и встревоженными лицами и шептали предостережения и пророчества, которые никто не осмеливался повторить осознанно или даже признаться самому себе, что слышал их. Чувство чудовищной вины пало на землю, а из межзвездных бездн хлынули холодные течения, от которых люди дрожали в темных и уединенных местах. В последовательности времен года произошла дьявольская перемена — жаркая осень зловеще затянулась, и каждый ощущал, что весь мир — а может, и вся вселенная — перешли из-под власти известных богов или сил к тем богам

или силам, что людям неведомы.

Именно тогда и явился из Египта Ньярлатхотеп. Кем он был — этого сказать не мог никто, но в жилах его текла древняя египетская кровь, и выглядел он словно фараон. При его виде феллахи преклоняли колени, хотя и не могли объяснить, почему так поступают. Он заявил, будто восстал из мрака двадцати семи веков, и якобы получил послания из мест, чуждых нашей планете. Ньярлатхотеп — смуглый, стройный и зловещий — пришел в цивилизованные страны, повсюду скупая загадочные приборы из стекла и металла и собирая из них еще более непонятные аппараты. Он много говорил об электричестве и психологии и демонстрировал силу, от которой зрители теряли дар речи, и которая невероятно увеличивала его славу. Люди советовали друг другу сходить посмотреть на Ньярлатхотепа — и дрожали при этом. А там, где оставлял свой след Ньярлатхотеп, покой исчезал, ибо предрассветные часы оглашались воплями от кошмарных снов. Никогда прежде эти крики не были такой распространенной бедой; теперь же мудрецы едва ли не требовали введения запрета на сон в предрассветные часы, дабы истошные крики в городах поменьше тревожили бледную, источав-

шую жалость луну, тускло освещавшую зеленые воды, скользившие под мостами, и старые шпили, осыпавшиеся под тусклым небом.

I remember when Nyarlathotep came to my city the great, the old, the terrible city of unnumbered crimes. My friend had told me of him, and of the impelling fascination and allurement of his revelations, and I burned with eagerness to explore his uttermost mysteries. My friend said they were horrible and impressive beyond my most fevered imaginings; and what was thrown on a screen in the darkened room prophesied things none but Nyarlathotep dared prophesy, and in the sputter of his sparks there was taken from men that which had never been taken before yet which shewed only in the eyes. And I heard it hinted abroad that those who knew Nyarlathotep looked on sights which others saw not.

Я помню, как Ньярлатхотеп объявился в моем городе — величественном, древнем и ужасном городе бесчисленных преступлений. Мой друг рассказал мне о нем, о чарах и соблазнах его откровений, и я загорелся желанием приобщиться к его невообразимым тайнам. Мой друг сказал, что они потрясающее и ужаснее моих самых лихорадочных мечтаний; и что его проекции на экране в затемненной комнате предсказывают

вещи, которые только Ньярлатхотеп и осмеливается предрекать, а в снопе произведенных им искр из людей извлекается то, что прежде никогда не извлекалось, но что открывается лишь человеческому глазу. Еще до меня доходили многочисленные слухи, будто познавшим Ньярлатхотепа являются виды, недоступные остальным.

Стояла жаркая осень, когда я вместе с беспокойной толпой ночью пошел на встречу с Ньярлатхотепом; душной ночью, вверх по бесконечной лестнице в битком набитую зрителями комнату. И в сумраке на экране я увидел фигуры в капюшонах посреди руин и злобные желтые лица, выглядывающие из-за поваленных монументов. И еще я увидел, как мир сражается с мраком, с волнами разрушения из далекого космоса; как он кружится, клокочет и бьется рядом с тускнеющим и остывающим солнцем. А затем вокруг голов зрителей причудливо заплясали искры, и у всех волосы встали дыбом, и следом появились и опустились на головы тени, чья абсурдность не поддается описанию. А когда я, более хладнокровный и более сведущий в науках, нежели остальные, стал дрожащим тихим голосом протестовать против надувательства и

статического электричества, Ньярлатхотеп всех нас вытолкал вниз по головокружительной лестнице на сырые, жаркие безлюдные полуночные улицы. Я громко кричал, что не боюсь, что меня никому не запугать, и остальные тоже кричали со мной из бравады. Мы уверяли друг друга, что город все тот же самый, и все еще живой; а когда начали гаснуть уличные фонари, мы обрушили проклятья на электрическую компанию и рассмеялись над своими растерянными лицами.

Думаю, на нас воздействовало нечто исходящее от зеленоватой луны, потому что когда на нас упали ее лучи, мы против воли двинулись нелепым строем и, казалось, знали, куда идем, хотя и не осмеливались об этом даже думать. Мостовая, увидели мы, была совершенно разбита и поросла травой, а кое-где среди булыжника проглядывал ржавый след, обозначавший некогда проходившую трамвайную линию. Еще мы увидели одинокий разбитый трамвай без стекол, почти завалившийся набок. Вглядевшись в горизонт, мы не нашли третьей башни у реки и обратили внимание, что силуэт второй башни на вершине неровный. Затем мы разделились на небольшие колонны, и всех нас словно бы потащило в разные стороны. Одна колонна исчезла в узкой

улочке слева, оставив после себя лишь эхо жуткого стона. Другая, заходясь безумным смехом, гуськом спустилась в заросший сорняками вход в подземку. Мою же колонну потянуло в открытую местность, и я уже чувствовал холод, неподобающий жаркой осени; и когда мы прошествовали через мрачное болото, нам открылись зловещие снега, ужасающе сиявшие в лунном свете. Непроторенные и непостижимые снега, со всех сторон стягивающиеся в одном направлении — туда, где лежала бездна, еще более черная из-за своих сверкающих стен. Моя колонна казалась значительно поредевшей, когда мы сонно волочились в эту пропасть. Я отстал, потому что меня пугал тот черный разрыв в залитом зеленым светом снегу, и мне показалось, что я расслышал отзвуки тревожных завываний, когда пропали мои спутники; тем не менее, сил противиться движению у меня уже не было. Меня словно манили те, кто прошел передо мной, и я плыл между огромными сугробами, дрожащий и напуганный, в незримый вихрь невообразимого.

Необыкновенно разумное, невыразимо безумное — только былые боги могут сказать, насколько. Ослабевшая, тончайшая тень, корчащаяся в руках, которые и не руки вовсе, и слепо про-

несшиеся мимо наводящего ужас полуночного мрака гниющих творений — трупов миров с язвами на местах городов — погребальные ветры, что задевают бледные звезды и гасят их мерцание. За мирами — смутные призраки чудовищных существ; едва заметные колонны нечестивых храмов, что покоятся на безымянных скалах на самом дне пространства и взметаются до головокружительного вакуума над сферами света и тьмы. И по всему этому бурлящему кладбищу вселенной раздается приглушенный, сводящий с ума барабанный бой и пронзительный монотонный вой богохульных флейт из немыслимых темных покоев по ту сторону Времени; отвратительный грохот и завывание, под который медленно, неуклюже и нелепо танцуют гигантские, мрачные конечные боги — немые, бездумные горгульи, чья душа есть Ньярлатхотеп.

To Zara

(Inscribed to Miss Sarah Longhurst – June 1829)
By Edgar A. Poe (?)

I looked upon thee yesternight
Beneath the drops of yellow light
That fell from out a poppy moon
Like notes of some far opiate tune.
I looked and sighed, I knew not why,
As when a condor flutters by,
And thought the moonbeams on thy face
Timid to seek thy resting-place.
O sacred spot! Memorial bower!
Unsuited to the mocking hour
When winds of myrrh from Tempe's lake
Stir soft, yet stir thee not awake!
Thy clear brow, Zara, rests so fair
I cannot think death lingers there;
Thy lip as from thy blood is red,
Nor hints of ichors of the dead:

Canst thou, whom love so late consumed,
Lie prey to worms – dissolved, entombed?
And he, whose name suffused thy cheek
With ecstasies thou couldst not speak;
Will he in fancy hold thee ever
Fair as thou art, decaying never,
And dreaming, on thine eyelids press
A tribute to thy loveliness?
Or will his fancy rove beneath
The carven urn and chiselled wreath,
Where still – so still – the shroud shall drape
Grotesque, liquescent turns of shape?
No, Zara, no! Such beauty reigns
Immortal in immortal fanes;
Radiant for ever, ever laden
With beams of uncorrupted Aidenn,
And naught that slumbers here tonight
Can perish from a lover's sight.
Where'er thy soul, where'er thy clay
May rise to hail another day,
Thy second soul, thy beauty's flame,

The songs of passionate lutes shall claim;
Pale, lovely ghost – so young, so fair,
To flutter in sepulchral air —
To flutter where the taper dies
Amidst a mourner's choking sighs!

К Заре

(Посвящается мисс Саре Лонгхерст – июнь 1829)
Эдгар А. По (?)

Глядел я на тебя вчера
В капель из света янтаря,
Лилась что с маковой луны,
Баюльной песенке сродни.
Вздыхал, не ведая причин,
Как видя кондора с вершин,
И созерцал, на твой как лик
Пал осторожно лунный блик.
Заветный памятный приют!
В глумливый час некстати тут,
Из Темпе ветры мирр когда
Текут, тебя же не будя!
Чело твое спокойно столь,
Что в нем незрима смерти боль;
Алеет кровь в губах твоих,
Ихора ж мертвых нет на них:

Как можешь ты, в любовь лишь впав,
Лежать, червей добычей став?
А он, восторгом имя чье
Румянило лицо твое,
Он будет ли хранить в мечтаньях
Тебя живой, без увяданья,
И спящей, в сомкнутости век
С печатью красоты навек?
Иль будет мысль его в ином —
Под урной и резным венком,
Безмолвно саван где таит
Изгибы форм, обмяк чей вид?
Нет, Зара, нет! Красе такой
Сужден нетленности покой;
Сиять извечно, свет нести
От Айденна, от чистоты,
И скверна, дремлет здесь что в ночь,
Пред взором друга сгинет прочь.
И где б твоя душа и плоть
Ни ожили узреть восход,
Везде твоей красы огонь
Восславит страстных лютней звон;

Прекрасный призрак – столь юна,
Бродить чтоб, смерти где страна —
Бродить, свечи где гаснет свет
Скорбящего вздыханьям вслед!

Providence

Where bay and river tranquil blend,
And leafy hillsides rise,
The spires of Providence ascend
Against the ancient skies.

Here centuried domes of shining gold
Salute the morning's glare,
While slanting gables, odd and old,
Are scatter'd here and there.

And in the narrow winding ways
That climb o'er slope and crest,
The magic of forgotten days
May still be found to rest.

A fanlight's gleam, a knocker's blow,
A glimpse of Georgian brick —
The sights and sounds of long ago
Where fancies cluster thick.

A flight of steps with iron rail,
A belfry looming tall,

A slender steeple, carved and pale,
A moss-grown garden wall.

A hidden churchyard's crumbling proofs
Of man's mortality,
A rotting wharf where gambrel roofs
Keep watch above the sea.

Square and parade, whose walls have towered
Full fifteen decades long
By cobbled ways 'mid trees embowered,
And slighted by the throng.

Stone bridges spanning languid streams,
Houses perched on the hill,
And courts where mysteries and dreams
The brooding spirit fill.

Steep alley steps by vines concealed,
Where small-paned windows glow
At twilight on a bit of field
That chance has left below.

My Providence! What airy hosts
Turn still thy gilded vanes;

What winds of elf that with grey ghosts
People thine ancient lanes!

The chimes of evening as of old
Above thy valleys sound,
While thy stern fathers 'neath the mould
Make blest thy sacred ground.

Thou dream'st beside the waters there,
Unchang'd by cruel years;
A spirit from an age more fair
That shines behind our tears.

Thy twinkling lights each night I see,
Tho' time and space divide;
For thou art of the soul of me,
And always at my side!

Провиденс

Залив где реку принимает,
А на холмах леса,
Там шпили Провиденс вздымает
В седые небеса.

Сияньем своды вековые
Приветствуют восход,
Фронтоны старые косые
Стоят себе вразброд.

А средь извилистых дорог,
По склону что бегут,
Забытых дней волшбы мирок
Уставшим даст приют.

Дверного молоточка стук,
Мельканье кирпича —
Кругом былого вид и звук,
Фантазий толчея.

Ступень чугунные перила,
Ввысь башня миражом,

Точеная иголка шпиля,
Стена покрыта мхом.

Знаменья смертности людской
На кладбище ветшают,
И крыши с пристани гнилой
За морем наблюдают.

Сквер старый, чья стоит стена
Сто пятьдесят уж лет,
Деревьями заслонена —
Внимания ей нет.

Над речками во сне мосты,
Усадьбы на холме,
Дворы, где тайны и мечты
Проносятся в уме.

В плюще вся улочка крутая
Из окон свет струит
В вечерней тьме до поля края,
В низовье что лежит.

Мой Провиденс! Эфира рать
Здесь вертит флюгера,
Несут вдоль улиц благодать

Волшебные ветра!

Как в прошлом звон колоколов
Звучит долин окрест,
И стражем прах твоих отцов
Бдит святость этих мест.

Мечтаешь, стоя над водой,
И не вредим годами,
Эпохи дух чудесной той,
Что светит за слезами.

Мерцанье зрю твоих огней,
Неважно где, когда;
В душе живешь ведь ты моей,
Ты за меня всегда!

The Cats

Babels of blocks to the high heavens tow'ring,
Flumes of futility swirling below;
Poisonous fungi in brick and stone flow'ring,
Lanterns that shudder and death-lights that glow.

Black monstrous bridges across oily rivers,
Cobwebs of cable to nameless things spun;
Catacomb deeps whose dank chaos delivers
Streams of live foetor, that rots in the sun.

Colour and splendour, disease and decaying,
Shrieking and ringing and scrambling insane,
Rabbles exotic to stranger-gods praying,
Jumbles of odour that stifle the brain.

Legions of cats from the alleys nocturnal,
Howling and lean in the glare of the moon,

Screaming the future with mouthings infernal,
Yelling the burden of Pluto's red rune.

Tall tow'rs and pyramids ivy'd and crumbling,
Bats that swoop low in the weed-cumber'd streets;
Bleak broken bridges o'er rivers whose rumbling
Joins with no voice as the thick horde retreats.

Belfries that blackly against the moon totter,
Caverns whose mouths are by mosses effac'd,
And living to answer the wind and the water,
Only the lean cats that howl in the waste!

Кошки

К самому небу вздымаются башни,
Тщетных каналов бурленье внизу;
Плесень с отравой кирпич точит влажный,
Смерти огни полыхают вовсю.

Мрака мосты через жирные речки,
Нечто без имени в путах тенёт;
Хаос глубин, а оттуда утечки
Вони живой, что на солнце гниет.

Цвет и величие, гниль и невзгода,
Воплей и звона безумный чертог,
Странным богам поклонение сброда,
Мозг цепенящий сумбурный душок.

Полчища кошек с аллей полуночных
В лунном свету завывают в надрыв,
Крики о будущем пастей порочных,
К рдеющей руне Плутона призыв.

Ветхие башни, плющом все увиты,

Мыши летучие мчат с высоты;
Рокоту рек у мостов, что разбиты,
Вопли не вторят с уходом орды.

Звонницы, зыбкие с лунным восходом,
Жерла пещер, затерялись что в мхах,
Жизнь, отвечать чтобы ветру и водам —
В кошках лишь, воющих на пустырях!

A Year Off

Had I a year to idle thro',
With cash to waste and no restriction,
I'd plan a programme to outdo
The wildest feats of travel fiction.

On steamship guides I'd slake my thirst,
And railway maps would make me wiser —
America consider'd first
To please the local advertiser.

O'er England and the Continent
I'd chart a course to shame the sages,
In each cathedral town intent
To catch the colour of the ages.

Paris and Rome I would not miss;
Without the Rhine I'd be no planner,
For one must make a jaunt like this
A Grand Tour in the ancient manner!

But Europe is a trifle trite,
So I would spare no pains in learning

How best to scan in casual flight
The East, where sheiks and sands are burning.

I'd look up ferries on the Nile,
And 'bus fares for the trip to Mecca;
Have chemists test in proper style
The drinking-fountain of Rebecca.

The route of ev'ry Tigris barge
I'd note, and find how much they'd ask us;
What good hotels in Bagdad charge,
And yellow taxis in Damascus.

And I would surely have on hand
The folders of that great excursion,
The Golden Road to Samarcand,
Thro' Bahai bow'rs and gardens Persian.

Beyond, the Pullman rates I'd get
For Kiao-chan and Yokohama,
Arranging passage thro' Thibet
To dally with the Dalai Lama.

In tropic isles I'd plan to stay
Till South Sea melodies would bore me,

And for the North Pole book a day,
Where only Peary went before me.

Thus might I scheme – till in the end
The year would slip away unheeded,
My money safe with me to spend,
And the wild outing scarcely needed!

Год долой

Имей я праздным целый год,
Еще деньжат в придачу лишних,
Я б создал план, кой превзойдет
Все подвиги из странствий книжных.

Я справочником был бы сыт,
От карт прибавилось бы знаний —
Ничто ведь выше не стоит
Рекламодателей желаний.

Чрез Англию и материк
Я б курс провел, к стыду ученых,
Когда в соборах бы постиг
Всю суть столетий потаенных.

Не пропустил бы Рим, Париж;
Без Рейна схеме быть негодной —
Ее ведь только и сравнишь
С «Большой поездкой» старомодной!

Европа все-таки пустяк,
И потому узнал я б точно,

Изведать наспех лучше как
Песков и шейхов край восточный.

Нашел бы через Нил паром,
Тариф автобусов до Мекки;
И тесту бы подверг потом
Фонтанчик питьевой Ревекки.

По Тигру расписал бы путь,
Платить чтоб местным без подсказки;
Почем в Багдаде отдохнуть,
И сколько за такси в Дамаске.

Заполучил бы прейскурант
Экскурсий долгих в караване
Пути Златого в Самарканд,
Чрез храмы бахаи в Иране.

Узнал бы цены на билет
В Циндао, после в Йокогаму,
И для поездки на Тибет,
Увидеть чтобы далай-ламу.

На тропики я б срок отвел,
Чтоб море Юга слушать долго,

Поход на полюс бы учел,
Где до меня был Пири только.

Так строить я б мог план – пока
Не вышел год бы незаметно,
Я не спустил ни медяка,
Да и скитаться было б тщетно!

Festival

There is snow on the ground,
And the valleys are cold,
And a midnight profound
Blackly squats o'er the wold;
But a light on the hilltops half-seen
hints of feastings unhallowed and old.

There is death in the clouds,
There is fear in the night,
For the dead in their shrouds
Hail the sun's turning flight,
And chant wild in the woods as they dance
round a Yule-altar fungous and white.

To no gale of Earth's kind
Sways the forest of oak,
Where the sick boughs entwined
By mad mistletoes choke,
For these pow'rs are the pow'rs of the dark,
from the graves of the lost Druid-folk.

And mayst thou to such deeds
Be an abbot and priest,
Singing cannibal greeds
At each devil-wrought feast,
And to all the incredulous world shewing
dimly the sign of the beast.

Празднество

Снегом крыта земля,
И долины хладны,
И на пустошь легла
Полночь бездне сродни;
Но о грешных пирах на вершинах холмов
возвещают огни.

Смерть среди облаков,
Ужас ночь обдает:
Мертвецы из гробов
Славят солнцеворот,
И беснуется в танцах вокруг алтаря в Йоля
праздник их сход.

То не ветер Земли
Гнет дубы на пути,
Ветви чьи оплели
Злой омелы листы,
Ибо силы те тьмы, что могилы дру-

идов
смогли донести.

И в деянье таком
Ты попом можешь быть,
На пиру бесовском
Каннибалом завыть,
И всему удивленному миру знак зверя
угрюмо явить.

Hallowe'en in a Suburb

The
steeples are white in the wild moonlight,
And the trees have a silver glare;
Past the chimneys high see the vampires fly,
And the harpies of upper air,
That flutter and laugh and stare.

For the village dead to the moon outspread
Never shone in the sunset's gleam,
But grew out of the deep that the dead years keep
Where the rivers of madness stream
Down the gulfs to a pit of dream.

A chill wind weaves thro' the rows of sheaves
In the meadows that shimmer pale,
And comes to twine where the headstones shine
And the ghouls of the churchyard wail
For the harvests that fly and fail.

Not a breath of the strange grey gods of change
That tore from the past its own
Can quicken this hour, when a spectral pow'r
Spreads deep o'er the cosmic throne
And looses the vast unknown.

So here again stretch the vale and plain
That moons long-forgotten saw,
And the dead leap gay in the pallid ray,
Sprung out of the tomb's black maw
To shake all the world with awe.

And all that the morn shall greet forlorn,
The ugliness and the pest
Of rows where thick rise the stone and brick,
Shall some day be with the rest,
And brood with the shades unblest.

Then wild in the dark let the lemurs bark,
And the leprous spires ascend;
For new and old alike in the fold
Of horror and death are penn'd,

For the hounds of Time to rend.

Хэллоуин в предместье

Шпили в ночь бледны от лучей луны,
Над древами сиянья свод;
Мимо кровлей гряд упыри летят,
С ними гарпий орда с высот,
Что смеется, крылами бьет.

Ведь мертво село под луны гало,
Не мерцал там закат вовек —
Это плод глубин неживых годин,
Где потоки безумья рек
В бездны дремы вершат свой бег.

Веет хлад ветров чрез ряды снопов
На лугу, что лежит седой;
Где надгробий блеск, слышен сучьев треск,
Вой вампиров земли святой
Над пропавшей зазря страдой.

Вздох богов седых перемен чудных,
Что прорвался из их времен,

Не ускорит нощь, коль незримо мощь
Мировой накрывает трон,
Клича тайны со всех сторон.

Так же здесь опять зрима дола гладь,
Как и в свете былых светил,
Мертвецы в костях скачут в сих лучах,
Пробудившись из тьмы могил,
Чтобы в ужасе мир застыл.

А на утро вслед разглядит рассвет
Безобразие лишь с чумой
Вереницы плит, как сплошной на вид —
К мертвякам это путь прямой
Под нависшей проклятой тьмой.

Того края дичь огласит лярв клич,
В лепре шпили грозой взойдут;
Ибо новь и тлен угодили в плен
Цепких смерти и страха пут,
Где их Времени псы сожрут.

The Wood

They cut it down, and where the pitch-black aisles
Of forest night had hid eternal things,
They scal'd the sky with tow'rs and marble piles
To make a city for their revellings.

White and amazing to the lands around
That wondrous wealth of domes and turrets rose;
Crystal and ivory, sublimely crown'd
With pinnacles that bore unmelting snows.

And through its halls the pipe and sistrum rang,
While wine and riot brought their scarlet stains;
Never a voice of elder marvels sang,
Nor any eye call'd up the hills and plains.

Thus down the years, till on one purple night

A drunken minstrel in his careless verse
Spoke the vile words that should not see the light,
And stirr’d the shadows of an ancient curse.

Forests may fall, but not the dusk they shield;
So on the spot where that proud city stood,
The shuddering dawn no single stone reveal’d,
But fled the blackness of a primal wood.

Лес

Срубили лес, и где густая тьма
Глуши таила вечности уклад,
Воздвигли башни, в мраморе дома,
Создать чтоб город для своих услад.

Весь белый, дивный для окрестных стран
Обильем башенок и куполов,
Хрустальный, был увенчан великан
Зубцами скал нетающих снегов.

Стоял под систры, дудки в залах пляс,
Алели пятна от бесчинств и вин;
Но не звенел чудес старинных глас,
И позабылся вид холмов, равнин.

Раз в ночь багряную, чрез много лет,
Беспечно менестрель хмельной изрек
Нечистый стих, не должен зреть что свет,
И древнего проклятья тень навлек.

Хоть пала чаща, но не темень с ней:
Где город поднимался до небес,
Рассвет дрожащий не явил камней,
Но в мраке леса древнего исчез.

The Ancient Track

There was no hand to hold me back
That night I found the ancient track
Over the hill, and strained to see
The fields that teased my memory.
This tree, that wall – I knew them well,
And all the roofs and orchards fell
Familiarly upon my mind
As from a past not far behind.
I knew what shadows would be cast
When the late moon came up at last
From back of Zaman's Hill, and how
The vale would shine three hours from now.
And when the path grew steep and high,
And seemed to end against the sky,
I had no fear of what might rest
Beyond that silhouetted crest.
Straight on I walked, while all the night
Grew pale with phosphorescent light,
And wall and farmhouse gable glowed

Unearthly by the climbing road.
There was the milestone that I knew —
"Two miles to Dunwich" – now the view
Of distant spire and roofs would dawn
With ten more upward paces gone…

There was no hand to hold me back
That night I found the ancient track,
And reached the crest to see outspread
A valley of the lost and dead:
And over Zaman's Hill the horn
Of a malignant moon was born,
To light the weeds and vines that grew
On ruined walls I never knew.
The fox-fire glowed in field and bog,
And unknown waters spewed a fog
Whose curling talons mocked the thought
That I had ever known this spot.
Too well I saw from the mad scene
That my loved past had never been —
Nor was I now upon the trail
Descending to that long-dead vale.
Around was fog – ahead, the spray

Of star-streams in the Milky Way…
There was no hand to hold me back
That night I found the ancient track.

Древняя тропа

Я сам решил свою судьбу,
Вступив на древнюю тропу
В ночи, чтоб побывать в краю,
Кой память изводил мою.
То древо, вал сей – я их знал,
А вид садов и крыш внушал
Мне чувство, что прошла пора
Знакомства с ними лишь вчера.
Я ведал, ждать каких теней,
Когда луна взойдет поздней
Над гребнем Замана холма,
И как в сиянье сгинет тьма.
Когда же путь столь круто взмыл,
Как будто к небу уходил,
Без страха думал я о том,
Лежать что может за хребтом.
Я шел вперед, и мрак в ночи
Пронзали бледные лучи,
Над кровлей фермы и стеной

Виднелся отблеск неземной.
И был там памятный мне знак —
«До Данвича две мили» – шаг
За шагом лишь подняться чуть,
И шпили, крыши явит путь…

Я сам решил свою судьбу,
Вступив на древнюю тропу,
И с вышины смотрел теперь
В долину смерти и потерь:
Над Замана холмом луна
Взошла, рогата и злобна,
Чтоб осветить бурьян да сор
Руин, не помнил что мой взор.
Светились гнилью топь и луг,
Клубами полз туман вокруг,
Высмеивая мысль, что я
Узнать смог здешние края.
Открылось мне по видам тем,
Что в прошлом я не жил совсем,
И по тропе теперь не шел
В давным-давно уж мертвый дол.
Кругом туман, а впереди —

Потоки Млечного Пути…
Я сам решил свою судьбу,
Вступив на древнюю тропу.

The Outpost

When evening cools the yellow stream,
And shadows stalk the jungle's ways,
Zimbabwe's palace flares ablaze
For a great King who fears to dream.

For he alone of all mankind
Waded the swamp that serpents shun;
And struggling toward the setting sun,
Came on the veldt that lies behind.

No other eyes had vented there
Since eyes were lent for human sight —
But there, as sunset turned to night,
He found the Elder Secret's lair.

Strange turrets rose beyond the plain,
And walls and bastions spread around
The distant domes that fouled the ground
Like leprous fungi after rain.

A grudging moon writhed up to shine
Past leagues where life can have no home;

And paling far-off tower and dome,
Shewed each unwindowed and malign.

Then he who in his boyhood ran
Through vine-hung ruins free of fear,
Trembled at what he saw – for here
Was no dead, ruined seat of man.

Inhuman shapes, half-seen, half-guessed,
Half solid and half ether-spawned,
Seethed down from starless voids that yawned
In heav'n, to these blank walls of pest.

And voidward from that pest-mad zone
Amorphous hordes seethed darkly back,
Their dim claws laden with the wrack
Of things that men have dreamed and known.

The ancient Fishers from Outside —
Were there not tales the high-priest told,
Of how they found the worlds of old,
And took what pelf their fancy spied?

Their hidden, dread-ringed outposts brood

Upon a million worlds of space;
Abhorred by every living race,
Yet scatheless in their solitude.

Sweating with fright, the watcher crept
Back to the swamp that serpents shun,
So that he lay, by rise of sun,
Safe in the palace where he slept.

None saw him leave, or come at dawn,
Nor does his flesh bear any mark
Of what he met in that curst dark —
Yet from his sleep all peace has gone.

When evening cools the yellow stream,
And shadows stalk the jungle's ways,
Zimbabwe's palace flares ablaze
For a great King who fears to dream.

Застава

Когда спадает солнца жар,
А джунгли прячутся в тенях,
Дворец Зимбабве весь в огнях —
Боится сны увидеть Царь.

Ведь он из всех людей один
Чрез топь, для змиев что страшна,
Пробрался на исходе дня
И вышел в пустоши равнин.

Никто не оставлял там след
С тех пор, как человек возник —
Но в наступленья ночи миг
Предстал пред ним Эпох Секрет.

Средь пиков башен неземных
Раскинулись поверх валов
Горбы нечистых куполов,
Как плесень на местах сырых.

В терзаньях свет луна лила,
И жизни не было нигде;

Без окон своды, башни те
Казали тускло облик зла.

Хоть в детстве никогда его
В развалинах не брал испуг,
Здесь дрожь трясла Царя – вокруг
Не зрел людского ничего.

Не человечьи формы тьмы —
И твердые, и как эфир,
Исторг что бездн беззвездных мир
На стены мертвые чумы.

Из мест безумья в пустоту
Ряды аморфных орд текли,
К себе назад в клешнях несли
В осколках знанье и мечту.

Древнейшие Ловцы Извне,
О коих жрец поведал миф:
Они, старинный мир открыв,
Лишь делают его скудней.

Ужасные заставы их
В мирах несчетных скрыты с глаз;
Хоть мерзостны среди всех рас,

Вреда им нет в местах глухих.

И в страхе зритель путь держал
Вновь в топь, для змиев что страшна,
И уж возлег к началу дня
В палатах, в коих почивал.

Вернулся незаметно он,
Отметин даже нет на нем
От встреченного в тьме тайком —
Но вот пропал спокойный сон.

Когда спадает солнца жар,
А джунгли прячутся в тенях,
Дворец Зимбабве весь в огнях —
Боится сны увидеть Царь.

The Messenger

To Bertrand K. Hart, Esq.

The thing he said would come in the night at three
From the old churchyard on the hill below;
But crouching by an oak fire's wholesome glow,
I tried to tell myself it could not be.
Surely, I mused, it was pleasantry
Devised by one who did not truly know
The Elder Sign, bequeathed from long ago,
That sets the fumbling forms of darkness free.

He had not meant it – no – but still I lit
Another lamp as starry Leo climbed
Out of the Seekonk, and a steeple chimed
Three – and the firelight faded, bit by bit.
Then at the door that cautious rattling came —
And the mad truth devoured me like a

flame!

Посланник

Бертрану К. Харту, эсквайру

Придет в три ночи нечто, он сказал,
Со старого погоста под холмом;
Но, греясь мягким очага теплом,
Что это бред, себя я убеждал.
То, верно, шутка лишь, я размышлял,
Придуманная тем, кто незнаком
Со Знаком Старших, древним колдовством
Что порожденья тьмы высвобождал.

Не это, нет – но лампу я зажег,
Когда из Сиконка взошел Лев звездный,
А башня три часа пробила грозно,
И потускнел последний уголек.
Затем я услыхал стук тихий в дверь —
И правда пожрала меня, как зверь!

Little Sam Perkins

The ancient garden seems tonight
A deeper gloom to bear,
As if some silent shadow's blight
Were hov'ring in the air.

With hidden griefs the grasses sway,
Unable quite to word them —
Remembering from yesterday
The little paws that stirr'd them.

Маленький Сэм Перкинс

У сада в этот вечер вид
Мучительно уныл,
Как будто в воздухе стоит
Гнетущий дух могил.

Качаясь, травы скорбь таят —
Чужды слова ведь им,
О лапках память все хранят,
Ступали что по ним.

In a Sequester'd Providence Church-yard Where Once Poe Walk'd

Eternal brood the shadows on this ground,
Dreaming of centuries that have gone before;
Great elms rise solemnly by slab and mound,
Arched high above a hidden world of yore.
Round all the scene a light of memory plays,
And dead leaves whisper of departed days,
Longing for sights and sounds that are no more.

Lonely and sad, a specter glides along
Aisles where of old his living footsteps fell;
No common glance discerns him, though his song
Peals down through time with a mysterious spell.
Only the few who sorcery's secret know,
Espy amidst these tombs the shade of Poe.

На уединенном кладбище Провиденса, где когда-то бродил По

Эпохи прошлые минуют в снах
Для тени вечности над сей землей;
Гиганты вязы, слившись во ветвях,
Аркадами уводят в мир иной.
Резвятся памяти лучи кругом,
Аллей кров листьев шепчет о былом.

Летит дорожками, тоской объят,
Легенды дух, бродил что здесь в плоти.
Абстрактный образ люди не узрят,
Но песнь его все той же красоты:
Постигшие лишь таинств волшебство
Окрест могил увидят призрак По.

To Clark Ashton Smith, Esq., upon His Phantastick Tales, Verses, Pictures, and Sculptures

A time-black tower against dim banks of cloud;

Around its base the pathless, pressing wood.

Shadow and silence, moss and mould, enshroud

Grey, age-fell'd slabs that once as cromlechs stood.

No fall of foot, no song of bird awakes

The lethal aisles of sempiternal night,

Tho' oft with stir of wings the dense air shakes,

As in the tower there glows a pallid light.

For here, apart, dwells one whose hands have wrought

Strange eidola that chill the world with fear;

Whose graven runes in tones of dread have

taught

What things beyond the star-gulfs lurk and leer.

Dark Lord of Averoigne – whose windows stare

On pits of dream no other gaze could bear!

Кларку Эштону Смиту, эсквайру, на его фантастические рассказы, стихи, картины и скульптуры

Пик башни древней в небе грозовом,
Вокруг непроходимый лес стоит.
В тиши и тьме, под плесенью и мхом
Сокрыта груда кромлеховских плит.
Не пробуждает шаг иль птичий гам
Извечной ночи гибельный чертог,
Но сотрясают крылья воздух там,
Как загорится в башне огонек.

Ведь обитает тот в ней, из чьих рук
Фантомы вышли, в дрожь повергнув свет;
В резных чьих рунах, сеющих испуг,
Существ из звездных бездн раскрыт секрет.
Аверуани Лорд – чьи окна зрят
Снов копи, что снесет его лишь взгляд!

Дополнение: стихотворения из рассказов

The Alchemist

May ne'er a noble of thy murd'rous line
Survive to reach a greater age than thine!

Polaris

Slumber, watcher, till the spheres
Six and twenty thousand years
Have revolv'd, and I return
To the spot where now I burn.
Other stars anon shall rise
To the axis of the skies;
Stars that soothe and stars that bless
With a sweet forgetfulness:
Only when my round is o'er
Shall the past disturb thy door.

Nameless City

That is not dead which can eternal lie
And with strange aeons even death may die.

Алхимик

Потомок твой в несущем смерть роду
Умрет на том же, что и ты, году!

Полярная звезда

Стражник, спи, узри мой свет,
В шесть и двадцать тысяч лет
Звезды круг пройдут когда —
Снова я вернусь сюда.
Множество светил взойдет
Вскоре на небесный свод,
Мир даря в огне своем,
Осеняя забытьем:
Я ж когда свой круг замкну,

В прошлое тебя верну.

Безымянный город

То не мертво, покоится что вечно,

И смерть умрет в эпохе быстротечной.

Комментарии и примечания

Стихотворения приводятся в порядке написания или, если дата написания неизвестна, по первой публикации (кроме цикла «Грибки с Юггота»). Перевод стихотворений выполнен по изданию: “The Ancient Track. The Complete Poetical Works H. P. Lovecraft”, edited by S. T. Joshi, San Francisco: Night Shade Books, 2001. Библиографические данные о произведениях составлены С. Т. Джоши.

Грибки с Юггота

Цикл сонетов Г. Ф. Лавкрафта «Грибки с Юггота» датирован 27 декабря 1929 — 4 января 1930 г. Впервые опубликован полностью в *H. P. Lovecraft* “Beyond the Wall of Sleep” (Sauk City: Arkham House, 1943), в издании *H. P. Lovecraft* “Fungi from Yuggoth” (Washington, DC: Bill Evans, Jun. 1943) недостает трех последних сонетов. Друг и соавтор Лавкрафта Р. Х. Барлоу (1918–1951) планировал издать цикл примерно в 1935 году и даже набрал в типографии несколько сонетов, но так и не закончил работу. Однако именно в это время цикл приобрел настоящую форму (см. комментарий к тридцать четвертому сонету «Поимка»). Лавкрафт без всякого сожаления позволял печатать сонеты раздельно и в 1930 г. активно продавал многие из них на профессиональном рынке, в т. ч. «Виэрд Тэйлз» и «Провиденс Джорнал», а также просто дарил издателям-любителям. Это означает, что сам он не рассматривал цикл как целостное произведение — скорее всего, он даже не планировал делать все сонеты связанными по смыслу. Сами сонеты, строго говоря, написаны в вольной форме, так как лишь некоторые из них

соответствуют форме английского сонета шекспировского типа (abab cdcd efef gg), до некоторой степени канонизированного.

Ключ к заглавию цикла дают девятая и десятая строки четырнадцатого сонета, «Звездные ветры», где единственный раз во всем цикле и упоминаются югготские грибки: «Поэт безумный узнаёт в сей час, // Растут на Югготе что за грибки» — “This is the hour when moonstruck poets know // What fungi sprout in Yuggoth” (точности ради стоит отметить, что в четвертом сонете «Осознание» оказавшийся на Югготе герой узнает, что «…не у людей что был там пир» — “…those things which feasted were not men”). Лавкрафт и есть этот «поэт безумный», который предлагает нам свои поэтические откровения, навеянные снами и детскими воспоминаниями — ведь именно такова основная подоплека его творчества. Отсюда сонеты представляют собой либо «страшные рассказы» с весьма драматичным концом, как и положено ночным кошмарам, либо лирические стихотворения, пронизанные тоской об утраченном или недостижимом. Корни тоски этой отслеживаются в биографии писателя: в 1904 г., после финансового краха и последовавшей за ним смерти деда Уиппла Филлипса, четырнадцатилетний Говард

Филлипс Лавкрафт с матерью были вынуждены переехать из особняка на Энджелл-Стрит, 454, в многоквартирный дом, что послужило для него потрясением на всю жизнь. Счастливое детство, проведенное в богатом и просторном доме в обществе любимого деда, стало предметом его постоянных воспоминаний как в многочисленных письмах, так и в произведениях. Сказочная страна исчезла — но к ней все еще вели тайные тропы, и Лавкрафт никогда не переставал их искать.

I. Книга

Впервые опубликовано в “Fantasy Fan”, II, 2 (Oct. 1934), p. 24, перепечатано в “Driftwind”, XI, 9 (Apr. 1937), p. 342. Возможно, основано на записи 144 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Ужасная книга, мелькнувшая в лавке древностей — и больше не попадавшаяся», также, возможно, на записи 78: «Прогулка по лабиринту узких улочек в трущобах — идти к отдаленному свету — неслыханные права толпящихся нищих — что-то вроде Двора Чудес в “Соборе Парижской богоматери”» (Двор Чудес — воровской квартал в названном романе В. Гюго). Представляется, что Лавкрафт переписал первые три сонета — образующие связное повествование, в отличие остальных из цикла — в прозе в незаконченном рассказе «Книга» (“The Book”, ориентировочно 1933), см. *S. T. Joshi* “On the Book” в “Nyctalops”, III, 4 (Apr. 1983), pp. 9–13; перепечатано в “Crypt of Cthulhu”, 53 (Candlemas 1988), pp. 3–7. Судя по некоторым пассажам упомянутого рассказа, взятая героем в лавке книга — «Некрономикон».

II. Преследование

Впервые опубликовано в “Fantasy Fan”, II, 2 (Oct. 1934), p. 24. Возможно, основано на записи 55 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Человека преследует невидимое *нечто*».

III. Ключ

Впервые опубликовано в “Fantasy Fan”, II, 5 (Jan. 1935), p. 72.

IV. Осознание

Впервые опубликовано в “Driftwind”, XI, 5 (Dec. 1936), p. 180.

Юггот — согласно повести «Шепчущий во тьме» (“The Whisperer in Darkness”, 1930), это Плутон, самая удаленная от Солнца планета (хотя и признанная карликовой). Здесь же эта планета лежит далеко за пределами Солнечной системы.

Безымянный (Nameless One) — один из наиболее часто повторяющихся мотивов Лавкрафта. Например, во многих его произведениях упоминаются Безымянный город (the Nameless City) и придуманная книга Фридриха фон Юнцта «Невыразимые культы» (“Nameless Cults”), не говоря уже о многочисленных персонажах, сооружениях и т. п., которые он описывает этим “nameless”.

V. Возвращение домой

Впервые опубликовано в “Fantasy Fan”, II, 5 (Jan. 1935), p. 72, перепечатано в “Science-Fantasy Correspondent”, I, 1, (Nov.-Dec. 1936), p. 24; “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937; “Weird Tales”, XXXVII, 5 (May 1944), pp. 52–53.

VI. Лампа

Впервые опубликовано в “Driftwind”, V, 5 (Mar. 1931), p. 16, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIII, 2 (Feb. 1939), p. 151. Основано на записи 146 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Найденная в гробнице древняя лампа — когда ее наполняют и поджигают, ее свет показывает странный мир». Сюжет сонета использован в рассказе А. У. Дерлета «Лампа Аль-Хазреда» (“The Lamp of Alhazred”, 1957).

Фивы — один из крупнейших городов Древнего Египта, место резиденции верховных жрецов бога солнца Амона.

VII. Холм Замана

Впервые опубликовано в “Driftwind”, IX, 4 (Oct. 1934), p. 125, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIII, 2 (Feb. 1939), p. 151. Помимо этого сонета, холм Замана упоминается Лавкрафтом лишь в стихотворении «Древняя тропа» (“The Ancient Track”, 1929).

Эйлсбери — вымышленный город в Массачусетсе, недалеко от злополучного Данвича из повести «Данвичский кошмар» (“The Dunwich Horror”, 1928).

VIII. Порт

Впервые опубликовано в “Driftwind”, V, 3 (Nov. 1930), p. 36, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIX, 7 (Sep. 1946), p. 65. Основано на записи 155 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Город со шпилями, видимый на закате издалека — *не светится ночью*. В море выходит парусник.» Город Иннсмут упоминается в этом сонете впервые после рассказа «Селефаис» (“Celephaïs”, 1920), в котором он располагался в Англии, здесь же, судя по всему, в Новой Англии, как и в поздней повести «Тень над Иннсмутом» (“The Shadow over Innsmouth”, 1931). Вымышленный Бойнтон-Бич больше Лавкрафтом нигде не упоминался.

IX. Внутренний двор

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVI, 3 (Sep. 1930), p. 322. Основано на записи 149 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Зловещая улочка или закрытый двор в древнем городе — Юнион-Плейс или Миллигэн-Плейс» (Юнион-Плейс находится в нью-йоркском Бруклине, Миллигэн-Плейс в Манхэттене). Сонет представляется переложением рассказа «Он» (“He”, 1925), в котором «внутренний двор» располагается на Перри-Стрит, 93 в Манхэттене, и в нем, несомненно, отражено впечатление, которое на Лавкрафта произвел Нью-Йорк.

X. Голубиная почта

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Fungi from Yuggoth” (Washington, DC: Bill Evans, Jun. 1943), перепечатано в “Weird Tales”, XXXIX, 9 (Jan. 1947), p. 96. Лавкрафт отмечает, что «для понимания [сонета] необходимо знать реальные обычаи трущобы “Адская кухня” в Нью-Йорке, где разведение костров и запуски голубей являются двумя главными формами времяпрепровождения молодежи» (письмо Г. Ф. Лавкрафта Августу Дерлету, январь 1930 г.). Планета Тог Лавкрафтом более нигде не упоминается.

XI. Колодец

Впервые опубликовано в “Providence Journal”, CII, 116 (14 May 1930), p. 15, перепечатано в “Phantagraph”, VI, 3 (Jul. 1937), p. 1; “Weird Tales”, XXXVII, 5 (May 1944), p. 53. Два забракованных черновика сонета опубликованы в “Crypt of Cthulhu”, 20 (Eastertide 1984), p. 8. Основано на записи 143 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Странный колодец в окрестностях Аркхэма — вода иссякает (или никогда не текла — колодец прочно замурован камнем с тех пор, как был вырыт) — нет дна — все избегают и боятся — что находится внизу (нечестивый храм или нечто другое, очень древнее, или же гигантский подземный мир)». Имя Этвуд используется вновь в повести «В горах Безумия» (“At the Mountains of Madness”, 1931) и рассказе «Ужас на кладбище» (“The Horror in the Burying-Ground”, 1933, в соавторстве с Хейзл Хилд). Сюжет с колодцем, а именно его захват некоей инфернальной тварью, ранее обыгрывался Лавкрафтом в рассказе «Цвет из внепространства» (“The Colour Out of Space”, 1927).

XII. Ревун

Впервые опубликовано в “Driftwind”, VII, 3 (Nov. 1932), p. 100, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIV, 1 (Jun.-Jul. 1939), p. 66. Зор — реально существующий город на северо-западе Массачусетса близ границы с Вермонтом (см. *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, II, Sauk City: Arkham House, 1968, p. 347). Название Бриггс-Хилл, в свою очередь, весьма распространено в Соединенных Штатах, в том числе и в Новой Англии.

XIII. Гесперия

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVI, 4 (Oct. 1930), p. 464. «Гесперия» на греческом означает «Западная земля», как правило, относится к гипотетическому царству за Гибралтарским проливом. В древнегреческой мифологии Геспера («вечерняя») — одна из Гесперид, дочерей Ночи, охранявших сад с золотыми яблоками вечной молодости на Крайнем Западе.

XIV. Звездные ветры

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVI, 3 (Sep. 1930), p. 322.

Фомальгаут — альфа созвездия Южной Рыбы. Упоминается в романе «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого» (“The Dream-Quest of Unknown Kadath”, 1926–27) как ориентир возможного месторасположения Кадафа.

Найтон — в рассказе «Через Врата Серебряного Ключа» (“Through the Gates of the Silver Key”, 1932-33, в соавторстве с Э. Х. Прайсом) упоминается тройная звезда Нитон (Nython) — возможно, ее название позаимствовано из этого сонета.

XV. Антарктос

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVI, 5 (Nov. 1930), p. 692. Антарктос — неологизм Лавкрафта от греческого “Antarktikos”, обозначающего антарктический район. Город Старших в Антарктиде описан в повести «В горах Безумия» (“At the Mountains of Madness”, Feb. 1931).

XVI. Окно

Впервые опубликовано в “Driftwind”, V (Apr. 1931 [специальное издание]), p. 15, перепечатано в “Weird Tales”, XXXVII, 5 (May 1944), p. 53. Сюжет сонета использован А. У. Дерлетом в рассказе «Окно в мансарде» (“The Gable Window”, 1957).

XVII. Воспоминание

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Fungi from Yuggoth” (Washington, DC: Bill Evans, Jun. 1943), перепечатано в “Weird Tales”, XXXIX, 10 (Mar. 1947), p. 69. Описание края в этом сонете встречается в рассказе «Селефаис» (“Celephaïs”, 1920).

XVIII. Сады Йина

Впервые опубликовано в “Driftwind”, VI, 5 (Mar. 1932), p. 34, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIV, 2 (Aug. 1939), p. 151. Имя Йин (равно как и описываемые в сонете пейзажи), возможно, происходит от Йиан (Yian) Роберта У. Чемберса, мифического китайского города, описанного в повести «Создатель лун» (“The Maker of Moons”, 1896); Лавкрафт несомненно позаимствовал это название для Йиан-Хо (Yian-Ho) в рассказах «Через Врата Серебряного Ключа» (“Through the Gates of the Silver Key”, 1932-33, в соавторстве с Э. Х. Прайсом) и «Дневник Алонзо Тайпера» (“The Diary of Alonzo Typer”, 1936, в соавторстве с Уильямом Ламли). Летом 1930 г. Лавкрафт уверовал, что Маймонтовский Парк в Ричмонде, штат Вирджиния, есть воплощение Садов Йина (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, III, Sauk City: Arkham House, 1971, p. 150).

XIX. Колокола

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVI, 6 (Dec. 1930), p. 798. У Лавкрафта есть более раннее стихотворение с таким же названием (“Bells”, 1919). В этом сонете, так же как и в двадцать девятом «Ностальгия», звучит тема, довольно часто отражающаяся в творчестве Лавкрафта — погружение городов и целых цивилизаций под воду, символизирующее погружение в сон, забвение. И здесь нельзя не отметить, что, напротив, поднятие города древней цивилизации из морских пучин — как в рассказах «Дагон» (“Dagon”, 1917), «Крадущийся Хаос» (“Crawling Chaos”, 1920–21, в соавторстве с Элизабет Беркли), «Зов Ктулху» (“The Call of Cthulhu”, 1926), «Тень над Иннсмутом» (“The Shadow over Innsmouth”, 1931), «Вне времен» (“Out of the Aeons”, 1933, в соавторстве с Хейзл Хилд), а также в двадцать первом сонете «Ньярлатхотеп» — является явным эсхатологическим признаком.

XX. Ночные мверзи

Впервые опубликовано в “Providence Journal”, CII, 73 (26 Mar. 1930), p. 15, перепечатано в “Phantagraph”, IV, 3 (Jun. 1936), p. 8; “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937; “Weird Tales”, XXXIV, 6 (Dec. 1939), p. 59. Ночные мверзи — странные создания, которые снились Лавкрафту примерно с пятилетнего возраста (см. *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 35), вызванные, очевидно, траурной атмосферой в его доме после смерти бабушки по материнской линии. Впервые описаны в романе «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого» (“The Dream-Quest of Unknown Kadath”, 1926–27). Ток появился в стихотворении «Сновидцу» (“To a Dreamer”, 1920), также в «Сновиденческих поисках Кадафа Неведомого» упоминаются горы Трок (Throk). Шогготы упоминаются здесь впервые, хотя их самое достопамятное появление, конечно же, в «В горах Безумия» (“At the Mountains of Madness”, Feb. 1931). Только в этом стихотворении шогготы связываются с мверзями. Замечание о переводе: оригинальное “Night-Gaunts” (прилагательное “gaunt” означает «голодный; худой,

костлявый; мрачный, отталкивающий», формы существительного не существует) в русских переводах передается по-разному: «крылатые твари» (К. Королев, Д. Афиногенов), «ночные призраки» (О. Алякринский) и, на наш взгляд, самая удачная трактовка — «ночные мверзи» (С. Л. Степанов).

XXI. Ньярлатхотеп

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVII, 1 (Jan. 1931), p. 12. Имя Ньярлатхотеп приснилось Лавкрафту в конце 1920 г. (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 161, письмо ошибочно датировано 14 декабря 1921), и он, еще даже толком не проснувшись, записал начало стихотворения в прозе «Ньярлатхотеп» (“Nyarlathotep“, 1920). Ньярлатхотеп часто появляется в произведениях Лавкрафта, в особенности в повести «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого» (“The Dream-Quest of Unknown Kadath”, 1926–27) и рассказе «Обитатель Тьмы» (“The Haunter of the Dark”, 1935). Уилл Мюррей предположил (*Will Murray* “Behind the Mask of Nyarlathotep” в “Lovecraft Studies”, 25 (Fall 1991), pp. 25–29), что это существо частично основано на личности эксцентричного ученого Николы Тесла (1856–1943). Роберт Блох цитирует данный сонет в рассказе «Тень из колокольни» (“The Shadow from the Steeple” в “Weird Tales”, Sep. 1950), являющемся продолжением «Обитателя Тьмы». Вообще Ньярлатхотеп — одна из ключевых фигур лавкрафтовской мифологии, это Ползучий Хаос,

Всесильный Посланник и душа Других Богов (причем только в этом сонете он называется идиотом, в других произведениях лишь говорится, что он служит бездумным богам). Здесь звучит важный и довольно кощунственный космогонический мотив: создание мира — не проявление сознательной воли верховного божества, но лишь случайный результат его забав.

Феллах — крестьянин-земледелец в арабских странах.

XXII. Азатот

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVII, 1 (Jan. 1931), p. 12. Азатот впервые появился в незаконченном одноименном «романе» (1922), основанном, судя по завязке, на таком же сюжете. Впоследствии Азатот стал верховным божеством в вымышленном пантеоне Лавкрафта. Образ играющих на флейтах демонов, что часто повторяется в его произведениях и, скорее всего, восходит к Пану, впервые упомянут в рассказе «Праздник» (“The Festival”, 1923). Азатот — кульминация космогонической картины Лавкрафта. Это бездумный, безграничный и вечно голодный демон-султан («Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого», “The Dream-Quest of Unknown Kadath”, 1926–27), чудовищный ядерный хаос («Шепчущий во тьме», “The Whisperer in Darkness”, 1931), само исконное зло («Сны в ведьмином доме», “The Dreams in the Witch House”, 1932), но именно он является Повелителем миропорядка. Согласно повести «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого», окружающие его «твари внешности нескладной» и есть Другие Боги, чьим посланником является Ньярлатхотеп.

XXIII. Мираж

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVII, 2 (Feb.-Mar. 1931), p.175.

XXIV. Канал

Впервые опубликовано в “Driftwind”, VI, 5 (Mar. 1932), p. 34, перепечатано в “Harvest: A Sheaf of Poems from *Driftwind*”, ed. by *Walter J. Coates*, North Montpelier, VT: Driftwind Press, May 1933, p. 33; “Weird Tales”, XXXI, 1 (Jan. 1938), p. 20. Основано на записи 15 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Мост и вязкие черные воды».

XXV. Сент-Тоуд

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Fungi from Yuggoth” (Washington, DC: Bill Evans, Jun. 1943), перепечатано в “Weird Tales”, XXXVII, 5 (May 1944), p. 52. Название церкви Сент-Тоуд (toad — жаба), возможно, было вдохновлено епископальной церковью Св. Михаила, расположенной на Фрог-лейн (frog — лягушка) в Марблхэде, штат Массачусетс. Исходя из названия церкви, вполне уместно допустить, что действие сонета происходит в зловещем Иннсмуте. В произведениях Лавкрафта эта церковь больше нигде не упоминается.

XXVI. Домашние духи

Впервые опубликовано в “Driftwind”, V, 1 (Jul. 1930), p. 35, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIX, 9 (Jan. 1947), p. 96. Имя Уэйтли, несомненно, происходит из рассказа «Данвичский кошмар» (“The Dunwich Horror”, 1928) — Джон, как следует из контекста стихотворения, является представителем вырождающейся ветви этого рода.

Эйлсбери — вымышленный город в Массачусетсе недалеко от Данвича.

XXVII. Маяк Старшего

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVII, 2 (Feb.-Mar. 1931), p. 175. Греческое слово “Pharos” означает «маяк», самый знаменитый маяк древности находился на острове Фарос в гавани Александрии в Египте. Название Ленг впервые появилось в рассказе «Гончая» (“The Hound”, 1922), и впоследствии Лавкрафт неоднократно к нему обращался. Картины последних шести строчек, по-видимому, взяты из романа «Сновиденческие поиски Кадафа Неведомого» (“The Dream-Quest of Unknown Kadath”, 1926–27), и, возможно, полностью основаны на записи 69 (“Commonplace Book”, ed. *David E. Schultz*, West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1987): «Человек с чудовищно уродливым лицом — странно разговаривает — выясняется, что это *маска* — Откровение». В рассказе «Селефаис» (“Celephaïs”, 1920) и «Сновиденческих поисках Кадафа Неведомого» персонаж в желтой шелковой маске с плато Ленг носит титул верховного жреца, однако только в этом сонете Лавкрафт причисляет его к Старшим (“the Elder Things” или “the Elder Ones”). Сходный сюжет (обитающее в башне-маяке инфернальное существо) позднее

использовался Лавкрафтом в рассказе «Обитатель тьмы» (“The Haunter of the Dark”, 1935).

XXVIII. Ожидание

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Fungi from Yuggoth” (Washington, DC: Bill Evans, Jun. 1943).

XXIX. Ностальгия

Впервые опубликовано в “Providence Journal”, CII, 61 (12 Mar. 1930), p. 15, перепечатано в “Phantagraph”, IV, 4 (Jul. 1936), p. 1; “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937.

XXX. Истоки

Впервые опубликовано в “Providence Journal”, CII, 91 (16 Apr. 1930), p. 13, перепечатано в “Galleon”, I, 4 (May-Jun. 1935), p. 8; “Lovecrafter” XLVII, 1 (20 Aug. 1936), p. [1] (под названием «Сонет» — “A Sonnet”). Первые восемь строк сонета выведены на мемориальной доске Г. Ф. Лавкрафта в саду Библиотеки имени Джона Хэя Брауновского университета в Провиденсе, штат Род-Айленд. Это лирическое стихотворение пронизано воспоминаниями писателя о детстве, самых счастливых годах его жизни. Его дом — это № 454 по Энджелл-стрит.

XXXI. Житель

Впервые опубликовано в “Providence Journal”, CII, 110 (7 May 1930), p. 15, перепечатано в “Phantagraph”, IV, 2 (Nov.-Dec. 1935), p. [3]; “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937; “Weird Tales”, XXXV, 2 (Mar. 1940), p. 20. Тема сонета позднее была детально разработана Лавкрафтом в повести «Тень из вневременья» (“The Shadow out of Time”, 1934–1935). Замечание о переводе: для “elder signs” использовано выражение «Знаки Старших», как уже устоявшееся в русских переводах произведений Лавкрафта, хотя в данном стихотворении эти символы могут быть и не связаны со Старшими.

XXXII. Отчуждение

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XVII, 3 (Apr.-May 1931), p. 374. Стихотворение представляется переделкой рассказа «Таинственный дом в туманном поднебесье» (“The Strange High House in the Mist”, 1926). Йаддит и Гурская область появляются здесь впервые, планета Йаддит позже была описана в рассказе «Через Врата Серебряного Ключа» (“Through the Gates of the Silver Key”, 1932–33, в соавторстве с Э. Х. Прайсом), сюжет которого созвучен с этим сонетом; в рассказе же «Вне времен» (“Out of the Aeons”, 1933, в соавторстве с Хейзл Хилд) Йаддит-Гхо (Yaddith-Gho) — гора, опустившаяся на дно Тихого океана и являющаяся цитаделью югготского бога Гхатанотхоа (Ghatanothoa). Схожее описание внутреннего состояния героя также передается в незаконченном рассказе «Книга» (“The Book”, ориентировочно 1933).

XXXIII. Портовые гудки

Впервые опубликовано в “Silver Fern”, I, 5 (May 1930), p. [1], перепечатано в “L’Alouette”, III, 6 (Sep.-Oct. 1930), p. 161; “Phantagraph”, V, 2 (Nov. 1936), p. 1; “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937; “Weird Tales”, XXXIII, 5 (May 1939), p. 134.

XXXIV. Поимка

Впервые опубликовано “Weird Tales”, XV, 5 (May 1930), p. 693, перепечатано в “Weird Tales”, XXXIX, 3 (Jan. 1946), p. 37. Стихотворение написано в середине ноября 1929 г. (письмо Г. Ф. Лавкрафта Кларку Эштону Смиту, 19 ноября 1929 г.; “Dreams and Fancies”, 1962, p. 26), намного раньше остальных сонетов цикла. Оно было включено в цикл в 1936 году по предложению Р. Х. Барлоу, который поместил его последним, однако Лавкрафт рассудил, что его настоящее положение закроет цикл более удачно.

XXXV. Вечерняя звезда

Впервые опубликовано в “Pioneer”, II, 4 (Fall 1932), p. 16, перепечатано в “Weird Tales”, XXXVII, 5 (May 1944), p. 52.

XXXVI. Непрерывность

Впервые опубликовано в “Pioneer”, II, 2 [i.e. 3] (Summer 1932), p. 6, перепечатано в “Causerie”, Feb. 1936, p. 1.

Маленькие стихотворения, Том II

В полном виде цикл из пяти стихотворений впервые опубликован в *H. P. Lovecraft* “Juvenilia: 1897–1905” (West Warwick, RI: Necronomicon Press, 1984). Оригинальная рукопись выполнена в виде книжечки с выходными данными “The Providence Press, 1902”. Из перечисленных в обращении к читателю поэм сохранилась лишь «Поэма об Улиссе, или новая Одиссея» (“The Poem of Ulysses, or the New Odyssey”, 1897).

Ода Селене, или Диане

Впервые опубликовано в “Tryout”, V, 4 (Apr. 1919), p. [8], под названием «Селене» (“To Selene”) под псевдонимом Эдвард Софтли.

Селена — в греческой мифологии богиня луны.

Диана — в римской мифологии богиня растительности, олицетворение луны, она и Селена отождествлялись с Артемидой, богиней плодородия, охоты и луны, и Гекатой, богиней мрака, снов и чародейства.

Латона (римское имя, в греческой мифологии — Лето) — возлюбленная Зевса, мать бога света Аполлона и Артемиды.

Халдея — область на юге Вавилонии.

Древней языческой религии

Впервые опубликовано в “Tryout”, V, 4 (Apr. 1919), p. [17], под названием «Слова последнего язычника» (“The Last Pagan Speaks”) под псевдонимом Эймс Дорренс Роули. В оригинале вместо Зевса упоминается Юпитер, “Jove”.

Дриады — в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев; *наяды* — нимфы источников, ручьев и рек; *нереиды* — морские нимфы.

На развалинах Рима

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Juvenilia: 1897–1905”.

К Пану

Впервые опубликовано в “Tryout”, V, 4 (Apr. 1919), p. [16], под названием «Пан» (“Pan”) под псевдонимом Майкл Ормонд О’Рейлли, перепечатано в “Tryout”, XIII, 2 (Sep. 1929), p. [15], под названием «Пан» под псевдонимом М. О. О.

На тщетность человеческих стремлений

Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Juvenilia: 1897–1905”. Представляет собой парафраз стихотворения Сэмюэля Джонсона «Тщетность человеческих желаний» (1749), которое, в свою очередь, является переложением 10-й сатиры римского поэта Децима Юния Ювенала (ок. 60 — ок. 127).

Дафна — в греческой мифологии нимфа: преследуемая влюбленным в нее Аполлоном, взмолилась о помощи к богам и была превращена в лавровое дерево (по-гречески «дафна» — лавр).

[Матери на День благодарения]

Датировано 30 ноября 1911 г., 3:30. Впервые опубликовано в *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 3. На обратной стороне одного из рукописных текстов найдена запись матери Лавкрафта, Сары Сьюзен Лавкрафт: «Написано на День благодарения Г. Ф. Л., когда я пошла к Лилли на обед, а он спал». «Лилли» — тетя Лавкрафта Лиллиан Долорес Кларк (1856–1932). В переводе не отражена игра слов, имеющая место в оригинале: “breakfast biscuit” — «с завтрака осталось что печенье» и “to break my fast” — «пост прервать».

Конец джексоновской войны

Впервые опубликовано в “Argosy”, LXXVII, 3 (Oct. 1914), p. 718. Стихотворение написано по просьбе Т. Н. Меткалфа, редактора «Аргоси», желавшего закрыть полемику в письмах и стихах о Фреде Джексоне, авторе любовных романов. Поэма была опубликована под коллективным заголовком «Прощание критиков», ниже следовало стихотворение Джона Рассела «Наши извинения Э. М. В.» (“Our Apology to E. M. W.”). Л. Спрэг де Камп (*L. Sprague de Camp* “Lovecraft: A Biography”, Great Britain: New English Library, 1976, pp. 78–79) полагал, что последнее принадлежит перу Лавкрафта, но, несомненно, «Конец джексоновской войны», написанное в обычном для Лавкрафта пятистопном ямбе, более типично для его произведений, нежели ямбический триметр стихотворения «Наши извинения Э. М. В.», к которому часто прибегал Рассел. Обе поэмы были подписаны внизу Лавкрафтом и Расселом совместно, поэтому авторство сразу неясно.

«Журнал» — колонка в «Аргоси» (полностью «Вахтенный журнал»), в которой под заголовком «Фред Джексон, За и Против» публиковались

письма Лавкрафта и Рассела.

Тевтонская боевая песнь

Впервые опубликовано в “United Amateur”, XV, 7 (Feb. 1916), p. 85. Г. Ф. Лавкрафт упоминает эту поэму в письме Морису В. Мо от 17 декабря 1914 г. (распечатки “Arkham House transcripts of HPL’s letters”), из чего можно предположить, что она была сочинена незадолго до этой даты. Эпиграф — выдержки из латинского перевода Олая Вормия (или Оле Ворма, 1588–1654, датского врача, собирателя и исследователя древностей, коего Лавкрафт позже объявил автором латинского перевода «Некрономикона») древнескандинавской поэмы восьмого века; Лавкрафт, в свою очередь, перевел эту латинскую версию стихотворением «Погребальная песнь Регнера Лодброга» (“Regner Lodbrog’s Epicedium”, 1914). В первой публикации «Тевтонской боевой песни» (под тевтонами подразумеваются германцы вообще) он добавил многословное «Примечание автора» (pp. 85–86):

«В стихотворении автор стремится возвести лютую жестокость и потрясающую храбрость современных тевтонских воинов к влиянию наследия древних северных Богов и Героев. Наперекор лицемерию защитников мира, мы должны

осознавать, что наша теперешняя христианская цивилизация — продукт чужеземного народа — основывается, и притом весьма значительно, на тевтонах, когда они пробуждены в полной мере, и что в пылу сражения им свойственно возвращаться к психическому типу своих прародителей, поклонявшихся Вотану, забываясь в том прекрасном боевом рвении, что озадачивало завоевательные когорты Цезаря и смиряло гордые устремления Вара. Хотя и проявляясь наиболее явно у пруссаков, чьи недавние акты насилия столь широко осуждались, этот природный воинственный пыл ни в коем случае не присущ только им одним, но является общим наследием для каждой ветви нашей неудержимой ксантохромной расы — как британской, так и континентальной, — чьи далекие предки на протяжении неисчислимых поколений воспитывались на строгих заповедях мужественной религии севера. Хотя мы можем справедливо сетовать на чрезмерный милитаризм кайзера Вильгельма и его сторонников, мы, несомненно, не должны соглашаться с изнеженными проповедниками вселенского братства, которые отрицают достоинство той мужественной силы, что поддерживает неоспоримое превосходство

нашей великой североевропейской семьи над остальным человечеством, и которая в своей чистейшей форме сегодня есть бастион Старой Англии. Образованной публике нет необходимости напоминать, что термин “тевтонский” ни в коем случае не связан с современной Германской Империей, но охватывает всю северную расу, будь то англичане или бельгийцы.

В нордической религии Альфедр, или Всеотец, был весьма неясным, хотя и высшим божеством. Ниже его, среди прочих, были Вотан, или Один, практически верховное божество, и старший сын Вотана Тор, бог войны. Асгард, или небеса, были местом обитания Богов, в то время как Мидгард — землей, или жилищем людей. Радуга, или мост Биврест, которая соединяла два эти мира, охранялась преданным стражем Хеймдаллем. Вотан жил во дворце Вальхалла, рядом с рощей Гласир, а посланниками на землю ему служили валькирии — одетые в кольчугу вооруженные девы на конях, которые доставляли с земли в Асгард тех, кто храбро пал в битвах. И лишь те, кто погиб достойно, могли в полной мере вкусить наслаждений рая. Эти наслаждения заключались в поочередных пирах и битвах. На пирах Вотана в Вальхалле подавалось мясо вепря Сэхримнир,

который, хотя его варили и поедали на каждой трапезе, на следующий же день вновь обретал свое изначальное состояние. Раны воинов, полученные в небесных битвах, чудесным образом излечивались в конце боя.

Но этому раю не суждено длиться вечность. Однажды наступит Рагнарёк, или Сумерки Богов, когда будет уничтожено все творение, и погибнут все Боги и люди, за исключением Альфедра. Суртур, убив последнего из этих Богов, сожжет весь мир. После этого верховный Альфедр создаст новую землю или рай, вновь сотворив Богов и людей, коих одарит вечной жизнью в мире и изобилии.»

В «Отделе общественной критики» (“United Amateur”, Jun. 1916) Лавкрафт замечает: «“Тевтонская боевая песнь” — это попытка современного критика взглянуть на нормы человеческих войн без лицемерных сентиментальных очков».

Персонажи и места германо-скандинавской мифологии: *Вотан* (Один у скандинавов) — верховный бог; *Тор* (Донар у германцев) — бог грома, бури и плодородия; *валькирии* — воинственные девы, участвующие в распределении побед и смертей в битвах, уносящие в *Вальхаллу* («Чертог убитых») падших в бою храбрых воинов и

там прислуживающие им; *Асгард* — небесное селение, крепость богов; *Мидгард* — «средняя», обитаемая человеком часть мира на земле; *берсерк* (берсеркер) — воин, приводивший себя в ярость перед битвой, в которой отличался огромной силой, быстрой реакцией, нечувствительностью к боли и безумием; *Сэхримнир* — волшебный вепрь, чье неиссякающее мясо павшие воины едят в Вальхалле, запивая его неиссякающим медовым молоком козы Хейдрун; *Альфедр* («Всеотец») — одно из хейти (прозвищ) Вотана, и Лавкрафт явственно ошибался, считая его самостоятельным персонажем мифологии; *Гласир* («Сияющая») — роща волшебных деревьев с листьями из красного золота в Асгарде у ворот Вальхаллы; *Хеймдалль* — бог из рода асов (высших богов), сын Одина, обитающий у края мира и охраняющий мост-радугу *Биврест*, соединяющий Мидгард с Асгардом, от великанов-етунов; звук его золотого рога Гьяллархорн возвестит начало *Рагнарёка* («Рок Богов») — последней битвы между богами и чудовищами, во время которой погибнет существующий мир, а затем возродится вновь; *Суртур* (или Сурт, «Черный») — огненный великан, владыка огненного царства Муспельхейм.

Золотое Правило — правило, заключающееся в том, что человек должен поступать с другими так, как он хочет, чтобы поступали с ним.

Император Гай Юлий Цезарь (100 или 102 до н. э. — 44 до н. э.) — древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель.

Публий Квинтилий Вар (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский военачальник и политический деятель в период правления императора Августа. Во время подавления восстания германцев потерял три легиона и, чтобы не попасть в плен, покончил с собой.

Ксантохромная раса — буквально раса «желтого цвета», нордическая раса. В 1870 г. Томас Генри Хаксли (или Гексли, 1825–1895, английский зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Чарлза Дарвина) выдвинул теорию о существовании четырех основных рас: ксантохромной, монголоидной, австралоидной и негроидной.

Вильгельм II (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг.

На получение открытки с лебедями

Впервые опубликовано в “The Conservative”, I, 4 (Jan. 1916), pp. 2–3. Стихотворение приведено в письме Рейнхарту Кляйнеру от 14 сентября 1915 г. (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, pp. 12–13): «Стихи экспромтом, или “поэзия” на заказ, естественны только тогда, когда за них берешься в спокойном *прозаичном* настроении. Если надо что-то сказать, то *метрический специалист* вроде меня может легко перековать материал в технически правильное стихотворение, заменив подлинное вдохновение или мысль на формальный язык поэзии. Например, я недавно получил открытку с изображением лебедей на тихой реке. Желая отозваться подходящими стихами, я обратился к античному мифу о Фаэтоне и Лебеде и получил следующее: [следует стихотворение]. На сочинение ушло десять минут.» Согласно древнегреческому мифу, Фаэтон, сын бога солнца Гелиоса, управляя солнечной колесницей отца, не смог сдержать огнедышащих коней, которые приблизились к Земле и едва ее не спалили. Зевс поразил Фаэтона ударом молнии, и он, пылая,

упал в реку Эридан. Его сестры гелиады, оплакивая брата, превратились в тополя, а их слезы стали янтарем. Друг Фаэтона Кикн (*греч*. Cycn или Cygn), царь Лигурии, так безутешно оплакивал его смерть, что был превращен Аполлоном в лебедя и помещен на небо как созвездие (Cygnus).

Песнь трезвости

Впервые опубликовано в “Dixie Booster”, IV, 4 (Spring 1916), p. 9. На эту же тему у Лавкрафта есть стихотворение «Ода покойному Королю Алкоголю» (“Monody on the Late King Alcohol”, 1919).

«Прекрасный Синий Флаг» — популярная маршевая песня южан, сочиненная в 1861 г. иммигрантом из Ольстера артистом варьете и комиком Гарри МакКарти и положенная на музыку песни «Ирландский кабриолет». Флаг с изображением большой белой звезды на синем фоне являлся знаменем Республики Западная Флорида (1810), просуществовавшей семьдесят четыре дня с восстания против Испании до присоединения к Соединенным Штатам; позднее использовался как неофициальный флаг Южной Конфедерации. В оригинале первая строка «Песни трезвости» Лавкрафта повторяет начало «Прекрасного Синего Флага».

Кошмар По-эта

Впервые опубликовано в “Vagrant”, 8 (July 1918), pp. [13–23]; перепечатано в “Weird Tales” XLIV, 5 (July 1952), pp. 43–46 (только часть “Aletheia Phrikodes”). Датировано Лавкрафтом 1916 годом (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 59). Эпиграф на латинском языке, по-видимому, сочинен самим Лавкрафтом. Как показал Р. Бёрем (R. Boerem “A Lovecraftian Nightmare” в “H. P. Lovecraft: Four Decades of Criticism”, ed. by S. T. Joshi, Ohio University Press, 1980), имя Лукулл Лэнгвиш выведено из имён римского полководца Луция Лициния Лукулла (примерно 118–57 гг. до н. э.), прославленного гурмана, и персонажа комедии «Соперники» (1775) англо-ирландского писателя и политика Ричарда Бринсли Шеридана (1751–1816) Лидии Лэнгвиш. Позже Лавкрафт сожалел, что не сохранил лишь центральную часть, в белом стихе, полагая, что комические начало и окончание поэмы принижают смысл послания ее космической части. Оригинальное название этой части на греческом, а латинский эпиграф к ней собственного сочинения Лавкрафт позже пе-

ревел на греческий и снова поставил эпиграфом к стихотворению «Макулатура» (“Waste Paper”, 1922 или 1923). Строки 142–46, 150–55 и 159–60 были с незначительными изменениями процитированы в статье «Майское небо» (“May Skies” в “Providence Evening News”, 1 May 1917). О поэме обстоятельно писал Альфред Галпин в «Отделе общественной критики» (“United Amateur”, Sept. 1918).

Аониды — древнегреческие музы искусства, обитавшие в Аонии (Беотии) и происходившие от беотийского царя Аона.

Вулкан *Йанек* и *озеро Обера* упоминаются Э. А. По в поэме «Улялюм» (1847). В оригинале у По стоит “lake of Auber”, или “tarn of Auber”, где в названии подразумевается Даниэль Франсуа Эспри Обер (1782–1871), французский композитор, опера которого «Озеро фей» (1839) была широко известна во времена написания стихотворения По.

Темпе — Темпейский дол, долина реки Пеней в Греции, на севере Фессалии между горами Олимп и Осса. Благодаря изломам скал узкого ущелья, по которому течет Пеней, и буйству зелени считалось одним из самых интересных и живописных мест в Греции. По легенде, именно в этом ущелье Аполлон преследовал нимфу Дафну, которая, спа-

саясь от него, превратилась в лавровое дерево.

Геликон — гора в Беотии, мифическая обитель муз, символ поэтического вдохновения.

Тезаурус Роже — «Тезаурус английских слов и фраз», некогда широко распространенный идеографический словарь (где статьи упорядочены не по алфавиту, как обычно, а по смыслу), составленный британским лексикографом Питером Марком Роже (1779–1869) и впервые опубликованный в 1852 г.

Каталог Гомеров кораблей — длинный перечень кораблей, племен и вождей греческого войска в поэме Гомера «Илиада».

Гипнос — в древнегреческой мифологии персонификация сна, божество сна.

Песнь лидийская — от названия одного из основных ладов Древней Греции, лидийского, позже перекочевавшего в европейскую музыку и характеризующегося мажорным звучанием. Строка в оригинале — “And courts soft Somnus with sweet Lydian airs” — возможно, вдохновлена двустишием из стихотворения Джона Мильтона “L’Allegro” (*ит.* «Веселый»): “And ever, against eating cares, // Lap me in soft Lydian airs,” в переводе Ю. Корнеева: «Там без забот, не знаясь с грустью, // Лидийской музыкой упьюсь я».

От «Эликсира», в стих что Холмс занес — имеется в виду юмористическое стихотворение американского врача, поэта и писателя Оливера Уэнделла Холмса-старшего (1809–1894) «Рип ван Винкль, доктор медицины. Песнь I» (1870), в котором главный герой злоупотребляет “Elixir Proprietatis” — «Патентованным эликсиром», сиречь спиртовой настойкой алоэ или мирры.

Эндимион — в греческой мифологии прекрасный пастух, по своему желанию либо, по другой версии мифа, в наказание за проступок навечно усыпленный Зевсом.

Неведомое

Текст стихотворения взят из письма Кларку Эштону Смиту (30 июля 1923 г., оригинал в частной коллекции), факсимиле которого было опубликовано в “Lovecraft Studies”, XXV (Fall 1991), p. 36; впервые опубликовано в “Conservative”, II, 3 (Oct. 1916), [p. 12] под псевдонимом Элизабет Беркли (псевдоним Уинифред Вирджинии Джексон, в соавторстве с которой — а точнее, по идеям которой — Лавкрафт написал рассказы «Зеленый луг» (“The Green Meadow”, 1918) и «Ползучий хаос» (“The Crawling Chaos”, 1920). Это стихотворение (наряду с еще одним — «Сторонник мира» (“The Peace Advocate”, 1917)) было опубликовано под псевдонимом Джексон «с целью озадачить общественность [авторов-любителей], преподнеся совершенно несхожие работы под одним и тем же авторством» (письмо Г. Ф. Лавкрафта «Галламо», 12 сентября 1923 г., распечатки “Arkham House transcripts of HPL’s letters”). В «Отделе общественной критики» (“United Amateur”, March 1917) Лавкрафт продолжает напускать туман: «Следующая зловещая психология в стихах — “Неведомое” Элизабет Беркли. Стиль миссис Беркли

менее сдержан, нежели у миссис Джордан, и живописует картину полнейшего и бесцельного ужаса, каковой в любительской прессе встречается нечасто. Довольно затруднительно выявить достоинства столь специфичного произведения, однако мы осмелимся выразить мнение, что использование курсивного или же жирного начертания нежелательно. Автор должен уметь выделять необходимое словами, а не средствами печати.» В “Lovecraft Studies”, XXVI (Spring 1992), pp. 19–21, приводится статья Дональда Р. Барлесона «“Неведомое” Лавкрафта: почти рунический стих» (Donald R. Burleson, “Lovecraft’s ‘The Unknown’: A Sort of Runic Rhyme”. Рунический стих — короткий восьмисложный, нерифмованный стих руны, эпической песни карелов, финнов, эстонцев и других финно-угорских народов. В оригинале у Лавкрафта в четвертой строке стоит “rune”, в переводе отраженное как «песнь»).

Ответ нимфы современному бизнесмену

Впервые опубликовано в “Tryout”, III, 3 (Feb. 1917), p. [2] под псевдонимом Льюис Теобальд-младший. Ответ на поэму Олива Г. Оуэна «Современный бизнесмен своей любви», “Tryout”, II, 11 (Oct. 1916, без нумерации страниц). Стоящие в качестве эпиграфа «извинения» английскому государственному деятелю, авантюристу и поэту Уолтеру Рэли (1552–1618) принесены, потому как пародируемый Оуэн, в свою очередь, извинился перед «Китом Марлоу», т. е. поэтом и драматургом Кристофером Марло (1564–1593). Лавкрафт, таким образом, продолжает череду пародий: стихотворение сэра Уолтера Рэли «Ответ нимфы пылкому пастушку» пародирует «Пылкий пастушок своей любви» Марло.

Сад

Рукопись (подписанная «Льюис Теобальд-младший») и перепечатанная на машинке копия (Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет); впервые опубликовано в “Vagrant”, Spring 1927, p. 60. Стихотворение содержится в письме «Кляйкомола» (апрель 1917 г., распечатки “Arkham House transcripts of HPL’s letters”); в *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 59, Лавкрафт ошибочно датирует его 1918 годом. Издание номера “Vagrant” значительно задержалось, он должен был выйти еще в 1923 г.

Поэт страсти

Впервые опубликовано в “Tryout”, III, 7 (Jun. 1917), p. [25], под псевдонимом Льюис Теобальд-младший.

Граб-стрит — улица в Лондоне, где в XVII–XVIII веках жили бедные литераторы, в английском языке это название стало нарицательным, подразумевающим писак, халтурщиков, литературных поденщиков.

Немезида

Впервые опубликовано в “Vagrant”, 7 (Jun. 1918), pp. 41–43, перепечатано в “Weird Tales” III, 4 (Apr. 1924), p. 78. Написано в ночь после Хэллоуина 1917 г. (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 51). Строки 8–10 приведены в качестве эпиграфа к рассказу «Обитатель Тьмы» (“The Haunter of the Dark”, 1935). Лавкрафт спародировал это стихотворение в рождественском поздравлении Мориса В. Мо «Брумальское пожелание» (“A Brumalian Wish”, circa 1919, брумалия — древнеримский праздник зимнего солнцестояния). Возможно, размер «Немезиды» и других подобных стихотворений Лавкрафта происходит от поэмы «Герта» (“Hertha”, 1871) английского поэта Алджернона Чарльза Суинбёрна (1837–1909), см. *Donald R. Burleson*, “On Lovecraft’s ‘Nemesis’”, “Lovecraft Studies” XXI (Spring 1990), p. 40–42.

Немезида — в древнегреческой мифологии крылатая богиня возмездия за высокомерие перед богами.

Гуль — мифическое существо, трупоед. Наиболее раннее упоминание — в «Тысяче и одной

ночи»; в английский язык это слово ввел английский писатель Уильям Бекфорд (1760–1844), в написанной по восточным мотивам сказке «Ватек».

Эреб — в древнегреческой мифологии родившееся из Хаоса олицетворение мрака и теней, заполняющих края и трещины мира.

…на острове в Арктике… — имеется в виду Гиперборея, северная страна в древнегреческой мифологии.

Астрофобия

Впервые опубликовано в “United Amateur” XVII, 3 (Jan. 1918), p. 38 под псевдонимом Уорд Филлипс. Написано в середине ноября 1917 г., поскольку в письме Рейнхарту Кляйнеру от 17 ноября 1917 г. (распечатки “Arkham House transcripts of HPL’s letters”) Лавкрафт отмечает, что данное стихотворение было сочинено несколькими днями ранее. Название, конечно же, обозначает «Боязнь звезд». В «Отделе общественной критики» (“United Amateur”, May 1918) Рейнхарт Кляйнер (под псевдонимом) отозвался о стихотворении следующим образом: «Еще одна рецептурная поэма — “Астрофобия” Уорда Филлипса, хотя рецепт его настолько сложнее [упомянутого ранее стихотворения], что мы не стали бы его рекомендовать новичкам. Стихотворение, написанное по сему рецепту, критик назвал бы “улялюмным”, поскольку характерных приемов По в нем более чем достаточно. Оно типично “улялюмировано” пышным красным и алым, перспективами громадных расстояний, чеканными фразами, необычными словами и общими мыслями либо мистического, либо же бессмысленно загадоч-

ного характера. Стихотворение подобного рода — сущий пир для эпикурейца, которому доставляет наслаждение интеллектуальная икра, однако оно и вполовину не удовлетворяет среднему поэтическому пристрастию вроде “Руфи” господина Кляйнера». Лавкрафт отозвался на эту рецензию сатирическим стихотворением «Учтивость» (“Grace”, 1918).

Арктос — древнегреческое название Большой Медведицы (в оригинале стоит “Arctic car”, т. е. «Арктическая колесница» — древние греки также называли это созвездие и Колесницей).

Лидийский лад — один из основных ладов Древней Греции, позже перекочевавший в европейскую музыку и характеризующийся мажорным звучанием.

Лютня Израфеля — аллюзия на стихотворение Э. А. По «Израфель» (“Israfel”, 1831): “In Heaven a spirit doth dwell // Whose heart-strings are a lute; // None sing so wildly well // As the angel Israfel” («На небе есть ангел прекрасный, // И лютня в груди у него. // Всех духов, певучестью ясной, // Нежней Израфель сладкогласный», перевод К. Бальмонта).

Закат

Впервые опубликовано в “Tryout”, IV, 1 (Dec. 1917), p. [8], перепечатано в “Presbyterian Advance” (18 Apr. 1918); “United Amateur”, XVII, 5 (May 1918), p. 90; “Californian”, V, 1 (Summer 1937), p. 24; “Tryout”, XIX, 3 (May 1938), p. [15]. Первая строфа, возможно, непреднамеренное переложение первой строфы стихотворения Томаса Грея (1716–1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище» (1751): “The Curfew tolls the knell of parting day, / The lowing herd wind slowly o’er the lea, / The plowman homeward plods his weary way, / And leaves the world to darkness and to me”.

Стихотворный цикл

Впервые опубликовано в “National Enquirer”, VII, 25 (20 March 1919), p. 3 («Океан» и «Облака»); VII, 26 (27 March 1919), p. 3 («Мать-Земля»), перепечатано под названием «Стихотворный цикл» в “Tryout”, V, 7 (July 1919), pp. [19–22] под псевдонимом Уорд Филлипс. Впоследствии стихотворения множество раз публиковались по раздельности. «Океан» и «Облака» приводятся в письме Рейнхарту Кляйнеру от 25 ноября 1918 г., «Мать-Земля» — в письме Кляйнеру от 4 декабря 1918 г. (оба в распечатках “Arkham House transcripts of HPL’s letters”). Складывается впечатление, что «Стихотворный цикл» посвящен трем из четырех природных стихий, за исключением огня, хотя Лавкрафт в своих произведениях к данной тематике не обращался.

Облака

Вакх — Дионис, в древнегреческой мифологии бог виноделия, производительных сил природы, вдохновения и религиозного экстаза; экстатический культ божества предполагал неистовые танцы и неумеренное пьянство.

Отчаяние

Впервые опубликовано в “Pine Cones”, I, 4 (Jun. 1919), p. 13 под псевдонимом Уорд Филлипс. Лавкрафт отмечает (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, p. 79 [Feb. 1919]), что стихотворение было написано на болезнь его матери (к марту миссис Лавкрафт ляжет в Больницу Батлера, через два года она умрет). Весьма возможно, что своей образностью и языком оно обязано поздней поэме Э. А. По «Энни» (1849).

Дит (Dis) — латинское имя Аида, или Плутона, властителя Преисподней, сына Кроноса и Реи, брата Зевса и Посейдона. Алигьери Данте в «Божественной комедии» называет так Люцифера, это же имя у него носит и Адский город, окруженный Стигийским болотом — то есть области Ада, лежащие внутри крепостной стены и носящие общее название «Нижний Ад».

Фурии — в римской мифологии богини мести и угрызений совести, наказывающие человека за совершенные грехи.

Откровение

Впервые опубликовано в “Tryout”, V, 3 (March 1919), pp. [3–4]; перепечатано в “National Enquirer”, VIII, 4 (24 April 1919), p. 3.

Айденн — название рая, придуманное Э. А. По, в его произведениях обычно переводится как Эдем.

Астарта — богиня любви и плодородия, богиня-воительница в финикийской мифологии, олицетворение планеты Венера.

Эдварду Джону Мортону Драксу Планкетту, восемнадцатому барону Дансени

Впервые опубликовано в “Tryout”, V, 11 (Nov. 1919), p. [11–12]. Несомненно, написано после знакомства Лавкрафта с книгами Дансени в сентябре 1919 года и посещения его лекции в Бостоне в октябре. Элис Гамлет, одна из коллег Лавкрафта по любительской печати, отправила Дансени номер «Трайаут» с опубликованным стихотворением, и тот отозвался, весьма милосердно назвав творение «великолепным» и подчеркнув, что он «весьма признателен автору сей поэмы за его сердечную и щедрую восторженность, вылившуюся в стихах» (“Tryout”, V, 12 [Dec. 1919], p. [12]).

Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени (1878–1957) — ирландский англоязычный писатель, драматург и поэт, один из родоначальников современного фэнтези.

Пегана — вымышленная страна Дансени, описанная в сборнике рассказов «Боги Пеганы» (1905) и в некоторых последующих произведениях.

Гиберния — латинское название острова Ирландия.

Город

Впервые опубликовано в “Vagrant”, 10 (Oct. 1919), pp. 6–7 под псевдонимом Уорд Филлипс, перепечатано в “Weird Tales” XLII, 5 (Jul. 1950), pp. 48–49.

Колокола

Впервые опубликовано в “Tryout” V, 12 (Dec. 1919), [pp. 9–10] под псевдонимом Уорд Филлипс. В одной рукописи (распечатки “Arkham House transcripts of HPL’s letters”) стихотворение датировано 11 декабря 1919 г. В позднем цикле «Грибки с Юггота» (“Fungi from Yuggoth”, 1929-30) у Лавкрафта есть сонет с таким же названием (“The Bells”).

Йоль — праздник зимнего солнцеворота у германских народов, в христианские времена был совмещен с Рождеством.

Дом

Впервые опубликовано в “National Enquier”, IX, 11 (11 Dec. 1919), p. 3, перепечатано в “Philosopher”, I, 1 (Dec. 1920), p. 6 под псевдонимом Уорд Филлипс. Стихотворение приведено в письме Рейнхарту Кляйнеру от 16 июля 1919 г. (*Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, pp. 83–84). Позже Лавкрафт писал (ibid., p. 357), что оно было вдохновлено домом под номером 135 по Бенефит-стрит, так же как и рассказ «Дом, которого все остерегались» (“The Shunned House”, 1924).

Озеро кошмаров

Впервые опубликовано в “Vagrant”, 12 (Dec. 1919), pp. 13–14, перепечатано в “Scienti-Snaps”, III, 3 (Summer 1940), pp. 13–14.

К Филлис

Впервые опубликовано в “Tryout”, VI, 1 (Jan. 1920), p. [10], под псевдонимом Л. Теобальд-младший. Рэндольф Сент-Джон — придуманное Лавкрафтом дружеское прозвище Рейнхарта Кляйнера (подражание имени Генри Сент-Джона, виконта Болингброка (1678–1751) — английского государственного деятеля и писателя, произведения которого отличались изяществом стиля и оказали влияние на литературу английского просвещения).

Филлис — в пасторальной поэзии популярное имя пастушки, возлюбленной. Древнегреческое имя Феллида (его носила дочь фракийского царя, превращенная в миндальное дерево), от которого произошло имя Филлис, означает буквально «зеленая ветка, зеленый лист», в связи с чем, возможно, заключительное двустишие поэмы с упоминанием лавра приобретает ироничный оттенок.

Натикана

Впервые опубликовано в “Vagrant”, [Spring 1927], pp. 61–64, под псевдонимом Альберт Фредерик Уилли. Стихотворение было написано, вероятно, не позднее 1920 года, совместно с Альфредом Галпиным (отсюда и псевдоним: Аль[берт] Фред[ерик] Уилли, Уилли — девичья фамилия матери Галпина). Номер «Вэйгранта», в котором была опубликована поэма, вышел с большой задержкой — выпуск планировался в 1923 году или даже раньше. Лавкрафт подразумевал ее как «пародию на те стилистические чрезмерности, в которых совершенно нет необходимости» (письмо Г. Ф. Лавкрафта Дональду Уондри, 2 августа 1927 г.): целью пародии был, конечно же, Эдгар По с его звучными повторениями, особенно в такой поэме, как «Улялюм» (1848). Дональд Уондри, однако, прочитав «Натикану», отозвался следующим образом: «Это редкий и любопытный образчик литературного чудачества, слишком хороший для насмешки, так что вместо пародии он является оригиналом» (письмо Дональда Уондри Г. Ф. Лавкрафту, 12 августа 1927 г.).

Зайс — возможно, Лавкрафт воспользовался

именем джинна из одноименной пасторальной оперы (1748) французского композитора и теоретика музыки эпохи барокко Жана-Филиппа Рамо (1683–1764).

Нефалотис — возможно, название этого придуманного Лавкрафтом цветка происходит от множественного числа (nephalot) древнееврейского слова «чудо» (pela’), обозначающего нечто замечательное, чудесное и непостижимое, что могло быть создано только богом.

Катос означает «когда» на древнегреческом.

Айденн — название рая, придуманное Э. А. По, в его произведениях обычно переводится как Эдем.

Астарта — богиня любви и плодородия, богиня-воительница в финикийской мифологии, олицетворение планеты Венера.

Ньярлатхотеп

Впервые опубликовано в “The United Amateur”, XX, 2 (Nov. 1920), p. 19–21. Рассказ — точнее, стихотворение в прозе — основан на сне. Лавкрафт отмечает, что записал первый абзац (имея в виду, несомненно, длинный второй, следующий за обрывочными фразами в первом) «еще до того, как полностью проснулся». Упоминаемый в рассказе друг — Сэм Лавмэн, от которого Лавкрафт получил (во сне, конечно же) письмо: «Не упусти возможности повидать Ньярлатхотепа, если он приедет в Провиденс. Он ужасен — ужаснее всего, что ты только можешь представить, — но прекрасен. Потом он не дает покоя часами. Я до сих пор дрожу от того, что он показал». Сам рассказ следует сну вплоть до момента, когда Лавкрафта «потащило в черную зияющую бездну меж снегами», после чего он закричал и проснулся. (Все три цитаты из письма Г. Ф. Лавкрафта Р. Кляйнеру от 14 декабря 1921 г.) В позднем цикле «Грибки с Юггота» (“Fungi from Yuggoth”, 1929–30) у Лавкрафта есть сонет с таким же названием (“Nyarlathotep”), содержание которого перекликается с данным прозаичным произведением. Один из исследо-

вателей Лавкрафта, теолог и писатель Роберт Макнэр Прайс (род. 1954), предположил (“The Nyarlathotep Cycle”, ed. by Robert M. Price, Hayward: Chaosium, 1997, p. vii), что на имени Ньярлатхотеп сказалось по крайней мере частичное влияние двух имен из произведений ирландского англоязычного писателя и поэта лорда Дансени (1878–1957, полное имя Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени): второстепенный «гневный» бог Минартхитеп (Mynarthitep, упомянутый в рассказе “Горечь поисков” из сборника “Время и боги”, 1906) и пророк Алхирет-Хотеп (Alhireth-Hotep, упомянутый в сборнике “Боги Пеганы”, 1905). Спрэг де Камп же объяснил (*L. Sprague de Camp* “Lovecraft: A Biography”, Great Britain: New English Library, 1976, p. 139) имя следующим образом: «“хотеп” (hotep) — древнеегипетское слово, обозначающее “довольный” или “удовлетворенный”, “ньярлат” (nyarlat) — вероятно, подражание какому-нибудь африканскому названию места, вроде Ньясаленд (Nyasaland)» (Ньясаленд — бывшее английское владение в Восточной Африке, с 1964 года — государство Малави). Также о Ньярлатхотепе см. комментарии к одноименному сонету.

Феллах — крестьянин-земледелец в арабских

странах.

К Заре

Рукопись на печатной машинке датирована 31 августа 1922 г., подписана «Л. Теобальд-мл.»; стихотворение впервые опубликовано в *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, pp. 164–165, в письме Морису В. Мо, ошибочно датированном январем 1922 г. (в действительности, вероятно, сентябрь 1922 г.). Также стихотворение приводится в письме Лилиан Ф. Кларк от 13–16 сентября 1922 г. (рукопись в Библиотеке имени Джона Хэя, Брауновский университет), где Лавкрафт пишет, что поэма была сочинена с целью подшутить над Альфредом Галпиным, бывшим весьма невысокого мнения о его поэзии. Лавкрафт и Фрэнк Белнап Лонг объявили, что обнаружили это стихотворение у древнего старика из Мэна, знавшего Э. А. По. Галпин, по словам Лавкрафта, не поверил этому, однако решил, что поэма, должно быть, перепечатана с какого-то автора-подражателя По, хотя в действительности «ее для розыгрыша набросал за пятнадцать минут тот, кого Галпин и за поэта не держит!». Сара Лонгхерст, судя по всему, лицо вымышленное.

Темпе — Темпейский дол, долина реки Пеней в Греции, на севере Фессалии между горами Олимп и Осса. Благодаря изломам скал узкого ущелья, по которому течет Пеней, и буйству зелени считалось одним из самых интересных и живописных мест в Греции. По легенде, именно в этом ущелье Аполлон преследовал нимфу Дафну, которая, спасаясь от него, превратилась в лавровое дерево.

Ихор — сукровица.

Айденн — название рая, придуманное Э. А. По, в его произведениях обычно переводится как Эдем.

Провиденс

Впервые опубликовано в “Brooklynite”, XIV, 4 (Nov. 1924), pp. 2–3, перепечатано в “Brooklynite”, XVII, 2 (May 1927), p. 1; “Californian”, V, 1 (Summer 1937), pp. 26–27. Лавкрафт написал это стихотворение 26 сентября 1924 года для собрания Клуба Синего Карандаша на тему «Родной старый город», на следующий день отредактировал (письмо Лавкрафта Лиллиан Д. Кларк, 29–30 сентября 1924 г.). Также поэма была напечатана в «Провиденс Ивнинг Булитин» в первой половине ноября 1924 г. (письмо Лавкрафта Лиллиан Д. Кларк, 17–18 ноября 1924 г.).

Кошки

Рукопись (Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет) датирована 15 февраля 1925 г., впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “A Winter Wish and Other Poems”, ed. by Tom Collins, Chapel Hill, NC: Whispers Press, 1977. Весьма странно, но Лавкрафт, судя по всему, не предпринимал попыток издать это стихотворение, даже в любительской прессе.

Год долой

Датировано 24 июля 1925 г. Впервые опубликовано в *H. P. Lovecraft* “Beyond the Wall of Sleep” (Sauk City: Arkham House, 1943). Написано для собрания Клуба Синего Карандаша, назначенного на 24 июля. Лавкрафт заметил о стихотворении: «Оно никудышно — да и каким же ему еще быть, когда назначаются такие скучные темы» (письмо Лавкрафта Лиллиан Д. Кларк, 27 июля 1925 г., Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет).

«Большая поездка» (в оригинале “Grand Tour”) — устоявшийся термин, в восемнадцатом веке означавший длительное путешествие молодого аристократа по Франции, Италии, Швейцарии и другим европейским странам для завершения или совершенствования образования.

Ревекка — одна из библейских праматерей, жена Исаака и мать Исава и Иакова, согласно Ветхому Завету (Бытие 24:10–20) напоившая у колодца слугу Авраама и его верблюдов. Весьма вероятно, что срифмовать это имя с Меккой Лавкрафта навел на мысль популярный в период написания стихотворения сочиненный Бертом

Калмаром и Гарри Руби фокстрот в восточном стиле «Ребекка вернулась из Мекки» (“Rebecca Came Back From Mecca”, 1921), в котором повествуется о весьма эмансипированной девице, проведшей два года в султанском гареме.

…Пути Златого в Самарканд… — Лавкрафт, несомненно, ошибся и подразумевал (Великий) Шелковый путь.

Бахай — монотеистическая религия, основанная в девятнадцатом веке в Персии.

Циндао — портовый город в Китае, провинция Шаньдун, в оригинале у Лавкрафта стоит “Kiao-chan”(Каочан) — германское название провинции.

Далай-лама — титул первосвященника ламаистской церкви в Тибете.

Пири, Роберт Эдвин (1856–1920) — американский исследователь Арктики, в 1909 г. заявивший о покорении Северного полюса.

Празднество

Впервые опубликовано в “Weird Tales”, VIII, 6 (Dec. 1926), p. 846 без последней строфы, под названием «Йольский ужас» (“Yule Horror”). Стихотворение было написано в 1925 году для рождественской открытки редактору «Виэрд Тэйлз» Франсворту Райту, которому оно так понравилось, что он опубликовал его, опустив последнюю строфу и посвящение себе.

Йоль — праздник зимнего солнцеворота у германских народов, в христианские времена был совмещен с Рождеством.

Омела — вечнозеленый кустарник, паразитирующий на ветвях деревьев, традиционное украшение дома на Йоль и Рождество.

Хэллоуин в предместье

Впервые опубликовано в “National Amateur”, XLVIII, 4 (March 1926), p. 33, под названием «В предместье» (“In a Suburb”), перепечатано в “Phantagraph”, VI, 2 (June 1937), pp. 3–4; “Weird Tales”, XLIV, 6 (Sep. 1952), p. 9.

Времени псы (в оригинале “the hounds of Time”) — через три года после публикации стихотворения, в «Виэрд Тэйлз» будет напечатан рассказ Фрэнка Белнапа Лонга «Псы Тиндала» (“The Hounds of Tindalos”), одноименные твари из которого способны перемещаться во времени — возможно, они происходят именно из данного стихотворения Лавкрафта.

Лес

Впервые опубликовано в “Tryout”, XI, 2 (Jan. 1929), p. [16] под псевдонимом Льюис Теобальд-младший, перепечатано в “HPL”, Bellville, NJ: Corwin F. Stickney, 1937; “Weird Tales”, XXXII, 3 (Sept. 1938), p. 324. Стихотворение планировалось опубликовать и в “Planeteer”, II, 3 (Sept. 1936), pp. 5–6 (под редакцией Джима Блиша), но журнал так и не был издан, хотя страницы с «Лесом» даже были напечатаны. Сюжет этого стихотворения Лавкрафта перекликается с его рассказом «Рок, постигший Карнат» (“The Doom that Came to Sarnath”, 1920).

Систр — музыкальный инструмент рода кастаньет, также древнеегипетская храмовая погремушка.

Древняя тропа

Рукопись и перепечатанная на машинке копия (Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет) датированы 26 ноября 1929 г., впервые опубликовано в “Weird Tales”, XV, 3 (March 1930), p. 300. Из всех сочинений Лавкрафта город Данвич упоминается лишь в этом стихотворении и, естественно, в рассказе «Данвичский кошмар» (“The Dunwich Horror”, 1928). Так же и с холмом Замана, который фигурирует лишь в одноименном сонете цикла «Грибки с Юггота» (“Fungi from Yuggoth”, 1929–30).

Застава

Рукопись и перепечатанная на машинке копия (Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет) датированы 26 ноября 1929 г., впервые опубликовано в “Bacon’s Essays”, III, 1 (Spring 1930), p. 7; перепечатано в “Fantasy Magazine”, III, 3 (May 1934), pp. 24–25; “O-Wash-Ta-Nong”, III, 1 (Jan. 1938), p. 1. “Weird Tales” отказались печатать стихотворение из-за избыточной длины. По-видимому, сюжет и образы стихотворения были навеяны Лавкрафту рассказами о Зимбабве его коллеги по любительской печати Эдварда Ллойда Сикриста, который посетил руины древнего (основан ок. 1130 г. н. э.) южноафриканского города Великий Зимбабве (письмо Лавкрафта Лиллиан Д. Кларк, 6 мая 1929 г., рукопись в Библиотеке имени Джона Хэя).

Посланник

Датировано 30 ноября 1929 г., 3:07. Впервые опубликовано в “Weird Tales”, XXXII, 1 (Jul. 1938), p. 52, полностью процитировано в колонке Бертрана Келтона Харта «Интермедия» (“Providence Journal”, 3 Dec. 1929, p. 14). Харт натолкнулся на рассказ Лавкрафта «Зов Ктулху» в антологии Т. Эверетта Харре «Берегись ночи!» (*T. Everett Harré* “Beware After Dark!”, 1929) и с удивлением обнаружил, что место жительства художника Уилкокса (дом № 7 по Томас-стрит) было его собственным. Харт притворился обиженным: «Я не буду счастлив до тех пор, пока, объединившись с призраками и упырями, в отместку не вывалю по крайней мере одно здоровенное и стойкое привидение на его собственный порог на Барнс-стрит… Пожалуй, я научу призрака стонать в минорном диссонансе каждой ночью ровно в три часа, позвякивая при этом цепями» (“Providence Journal”, 30 Nov. 1929, p. 10).

Сиконк — река в Провиденсе. Она также упоминается в рассказе «Лампа Аль-Хазреда» (“The Lamp of Alhazred”, 1957), дописанном после смерти Лавкрафта А. У. Дерлетом.

Маленький Сэм Перкинс

Текст взят из письма Джеймсу Ф. Мортону (24 сентября 1934 г.), как опубликованный в “Olympian”, XXXV (Autumn 1940), p. 36; также стихотворение содержится в письмах Эдварду Ш. Коулу (17 сентября 1934 г.), Р. Х. Барлоу (25 сентября 1934 г.), Элизабет Толдридж (6 октября 1934 г.) и Дуэйну У. Римелу (8 октября 1934 г.) (все в Библиотеке имени Джона Хэя, Брауновский университет). Во всех этих случаях стихотворение приводится без заголовка, его первая публикация с названием — в книге «Кошки в прозе и поэзии» под редакцией Нельсона Антрима Кроуфорда (“Cats in Prose and Verse”, ed. *Nelson Antrim Crawford*, New York: Coward-McCann, 1947, p. 76), текст Кроуфорду, по-видимому, предоставил Август Дерлет. Сэм Перкинс — черный котенок, умерший по неизвестной причине в возрасте четырех месяцев.

На уединенном кладбище Провиденса, где когда-то бродил По

Впервые опубликовано в “Four Acrostic Sonnets on Edgar Allan Poe” (Milwaukee, Wisconsin: Maurice W. Moe, 1936), перепечатано в “Science-Fantasy Correspondent”, I, 3 (March-April 1937), pp. 16–17 как «На уединенном кладбище Провиденса, где когда-то бродил По»; “Howard Phillips Lovecraft” (Bellville, New Jersey: Corwin F. Stickney, 1937); “Weird Tales”, XXXI, 5 (May 1938), p. 578 как «Где По когда-то бродил» (“Where Poe Once Walked”). Стихотворение было написано 8 августа 1936 года на провиденсском кладбище у церкви Св. Иоанна, где Лавкрафт, Р. Х. Барлоу и Адольф де Кастро сочинили в честь По «сонеты» в форме акростиха (для подлинного сонета, впрочем, поэмам в оригинале недостает одной строки, а в русском переводе двух). У де Кастро хватило духа послать свое стихотворение в «Виэрд Тэйлз», где его быстро приняли, поэмы же Лавкрафта и Барлоу Франсворт Райт отверг, так как ему требовалось лишь одно стихотворение подобного рода. Морис Мо размножил поэмы на гектографе,

добавив к ним и собственную, позже написал и Генри Каттнер. См. *David E. Schultz* “In a Sequester’d Graveyard”, “Crypt of Cthulhu”, 57 (St. John’s Eve 1988), pp. 26–29. Именно на этом кладбище Э. А. По, несколько раз приезжавший в сентябре — декабре 1848 г. в Провиденс для сватовства к поэтессе Хелен Уитмен, сделал ей предложение. Эта история упоминается в рассказе А. У. Дерлета «Ночное братство» (“Dark Brotherhood”, 1966).

Кларку Эштону Смиту, эсквайру, на его фантастические рассказы, стихи, картины и скульптуры

Рукопись и перепечатанная на машинке копия (Библиотека имени Джона Хэя, Брауновский университет); впервые опубликовано в “Weird Tales”, XXXI, 5 (April 1938), p. 392 как «Кларку Эштону Смиту». Стихотворение написано в декабре 1936 г., поскольку приводится в письме Р. Х. Барлоу (11 декабря 1936 г., Библиотека имени Джона Хэя). Приводится сонет и во множестве других писем, и в одном из них (Э. Хоффманну Прайсу, [11 января 1937 г.], Библиотека имени Джона Хэя) у него другое название — «Кларкэш-Тону, Лорду Аверуани» (“To Klarkash-Ton, Lord of Averoigne”), под которым произведение иногда и публиковалось. Кларк Эштон Смит (1893–1961), давний товарищ Лавкрафта, впервые связался с ним в 1922 г.

Аверуань — придуманная К. Э. Смитом «мифическая, мерзостная вампирством страна… в средневековой Франции», как ее описывает Лавкрафт в эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» (“Supernatural Horror in Literature”, 1927).

Ее прообразом послужила Овернь (Auvergne) — историческая область и провинция в центре Франции. Лавкрафт также упоминает Аверуань в рассказе «Вне времен» (“Out of the Aeons”, 1933, в соавторстве с Хейзл Хилд).

Дополнение: стихотворения из рассказов

Алхимик

Рассказ написан в 1908 г., впервые опубликован в “United Amateur”, XVI, 4 (Nov. 1916), pp. 53–57. Двустишие — проклятие Шарля ле Сорсьера (Charles le Sorcier), адресованное убийце его отца-колдуна — предку главного героя — и всем его потомкам.

Полярная звезда

Рассказ написан летом 1918 г. (см. *Howard Phillips Lovecraft* “Selected Letters”, I, Sauk City: Arkham House, 1965, pp. 62–63), впервые опубликован в “Philosopher”, I, 1 (Dec. 1920), pp. 3–5. Стихотворение — «ужасающий ритмичный обет» (“damnable rhythmical promise”), нашептываемый Полярной звездой герою рассказа, стоящему на страже на вершине башни.

Безымянный город

Рассказ написан в 1921 г., впервые опубликован в “The Wolverine”, XI (Nov. 1921), pp. 106–119.

Считается первым из цикла «Мифов Ктулху». Двустишие в рассказе вводится следующим образом: «Именно это место Абдул Аль-Хазред, безумный поэт, видел во сне в ночь перед тем, как огласил свое необъяснимое двустишие…». В рассказе «Зов Ктулху» (“The Call of Cthulhu”, 1926) источник двустишия (на этот раз сопровожденного эпитетом «широко обсуждаемое», “much-discussed”) определен как «Некрономикон».